

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Tani Shiro
ПОКОЙ

Tani Shiro

Покой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66939828

SelfPub; 2021

Аннотация

Какую суперсилу вы хотели бы иметь? Суперсила – это же круто, верно? Но представьте, что у вас есть отклонение, которое не помогает, а наоборот, мешает жить: что делать тогда? Куда идти? Как спастись? Эта история – о таких людях, о выборе, который им был предложен, и который был отнят. У этой истории есть две версии: одна называется «Шесть с половиной», и в ней я предлагаю читателю сыграть со мной в игру «Угадай героя»: по типу загадки Эйнштейна про дома. Не пугайтесь сразу: это будет интрига только во время знакомства с персонажами: имя персонажа, от чьего имени ведется повествование, будет обезличено – разве не интересно узнать, кто говорит, и в каких он отношениях с другими? Вторая версия – «Покой» – классическая, и предполагает получение удовольствия лишь от чтения. Приглашаю вас в свои рассуждения о теневой стороне суперсил, выборе и ожидании неизбежного.

Содержит нецензурную брань.

Tani Shiro

Покой

Всё не так, как кажется

Ё-на

О чём думает человек, когда, наконец, воплощается то, чего он так долго ждал?

Сейчас я думаю: если бы кому-то пришлось подводить статистику моей жизни, он бы смело вписал в графу «Самый важный человек» её имя. По числу мыслей, по длительности размышлений, по силе испытываемых эмоций – она победила бы во всех номинациях.

Не человек, которого я люблю, не глава, не какие-нибудь там друзья или мать – **она** /Или они? До сих пор не знаю, как их считать: двое их было или всё же одна?/.

Этот факт, конечно, не радует, но это правда.

Ответственность, страх, досада, гнев, презрение, отвращение, злость, зависть, ненависть, снова злость – каждый раз, когда я о ней думала, во мне раскрывалась новая омерзительная эмоция, новый оттенок злобы.

Я думала о ней всегда: когда видела и когда не видела, когда о ней говорили и когда молчали. Я всегда помнила, что она есть: сам факт её существования отравлял мою жизнь.

И пусть мы ни разу лично не говорили: я всё время готовилась, репетировала нашу встречу в голове. Вела долгие бе-

седы, итог которых сводился к её полному уничтожению как оппонента; думала, как отвечу, если она скажет то или это. Я не хотела о ней слышать, но жадно прислушивалась, если проскальзывало её имя (недостатка в сплетниках не было), упивалась любыми, даже крохотными её ошибками, раздувала до небес недостатки. Я жаждала уверовать, что хоть в чём-то я лучше, ведь только так земля из-под ног перестала бы уходить. Я страстно желала её унижить, устранить, растоптать, одолеть: чтобы её больше никогда и нигде не было.

Иронично: я хотела больше не думать о ней, но только это и делала; я хотела, чтобы её не было, но от этого она в моей жизни только умножалась. Я хотела одолеть её, но сам факт моих внутренних метаний говорит о том, что снова и снова побеждала она меня.

Как бы мне хотелось, чтобы всё это было взаимно: чтобы она ненавидела меня столь же сильно и так же сильно мучилась – тогда бы я не была такой жалкой. Но реальность сурова: мы ни разу не виделись, в её жизни меня попросту не существовало.

Одним своим появлением она забрала всё, что было мне дорого, сделала меня несчастной: но до самого конца об этом так и не узнала. Всего две радости было у меня в жизни – но даже забрав их, она счастливой не казалась. «Как смеет она быть такой недовольной, когда сделала меня такой убогой?» – думала я постоянно. Сейчас я понимаю, что её счастье, должно быть, тоже у неё отняли.

Сейчас, когда её /или их?/ больше нет, я осознаю, что она не была тем сверхчеловеком, которым мне казалась. Это была испуганная девушка, оторванная от семьи и дома, изолированная от всех, прикованная к кровати. Ей просто не повезло, как и всем нам. Поначалу она, должно быть, боялась, но, в отличие от всех нас, она имела наглость остаться собой.

Вот, наверное, что бесило меня больше всего. Пусть она была лучше во всём (что больно признать), пусть (что ещё больнее) он её за это полюбил – я могла бы с этим смириться. Но то, что она осталась сама собой, пробило трещину в мирке каждого из нас: до её появления все были уверены, что иначе – никак.

Впрочем, сейчас уже всё равно.

Машина несётся вперед, колеса шуршат по асфальту. За окном мелькают деревья, над деревьями – дождевые облака.

Знаете, как формируется дождь?

Водяной пар, поднимаясь с поверхности Земли, остывает в атмосфере, однако упасть обратно не может: сила тяготения не может уронить столь малые капли. Облако должно повстречать на своем пути либо другое облако – с ледяными кристаллами – либо поднятые в атмосферу пылинки. От этой встречи всё меняется: мелкие капли воды моментально группируются вокруг более плотной пылинки, образуют тяжелую каплю, обретают вес – и падают вниз, притягиваемые силами, которые на них раньше не действовали. Одна капля, вторая – и так по цепочке, пока всё облако не прольется до-

ждем на землю.

Её смерть стала пылинкой, залетевшей в наше мирное облачко.

Но, знаете, что? Пусть я прожила пустую жизнь, пусть я лишь отсрочила свою смерть, и ничего не добилась: я не против – ведь рядом со мной сейчас летит в пропасть навстречу смерти именно та капля, которую я желала бы видеть.

Рей

– Семь сорок.

Два слова доклада белым облачком растворяются в морозном воздухе. Рука, держащая телефон, скорее ныряет в мёрзлый карман: за последние двадцать минут достаю телефон уже, наверное, в сотый раз. Утро застряло где-то вместе с солнцем, оставив нас в этих тошных предрассветных сумерках.

Охота на потенциал – это весело. Но ожидание – самая скучная её часть.

Случайно пересекаемся с Камэлом взглядами: он коротко кивает – продолжаем ждать. Отвернувшись, сплевываю кровавый привкус во рту: надо бы до конца задания просто смотреть вдаль – так никакой слюны не хватит. Отвык я от работы с людьми.

Давно не было заданий за территорией. Особенно в такой глуши – метрах в трёхстах от остановки, где мы стоим, начинается частный сектор: домов двадцать, не больше. Из-за

высокой влажности и холода в воздухе висит дымка, поэтому дома можно угадать только по силуэтам: в такую рань окна нигде не горят. По другую сторону дороги – лесополоса. Облупившаяся остановка, на которой мы стоим, находится на побочной дороге: одна полоса туда, одна обратно. А основная трасса идёт поверху, по эстакаде десяти метров в высоту. Вокруг тишина, разве что время от времени по эстакаде прошестит фура.

На всём небе: чернильном у самой кромки горизонта и ржаво-коричневом от муниципального света фонарей эстакады – ни единой звезды.

А я так хотел полюбоваться звёздным небом! Сто лет его не видел.

Холодно. Покачиваюсь на онемевших стопах и пытаюсь понять масштаб трагедии. Чувствую лишь по четыре пальца на каждой ноге. Нехорошо.

Отсидеваясь круглый год в уютных бункерах с великолепно работающей системой кондиционирования забываешь, что значит «жара» или «холод».

Перед глазами всплывает сегодняшнее утро, стойка гардероба завобмунидования, и немой вопрос в его глазах, когда я отказался брать на задание перчатки и шапку. Задрав нос, я понтовался, что вырос на севере и минус двенадцать для нас – это лето. Камэл не кочевряжился и надел все, что выдали, поэтому сейчас он ждёт себе преспокойно, а я скачу, как вошь на гребешке. Может быть, Камэлу тоже холодно, но

его потенциал – экстремальная выносливость – всё это покрывает. Мой потенциал – ярко различать при визуальном контакте живое и мёртвое – никогда и ничего не покрывает, поэтому пляски племени масаи исполняю я в одиночестве.

Ох, скорей бы уже солнце-то взошло! Во мне теплится надежда на то, что солнечные лучи всё исправят. На автомате тяну телефон из кармана.

– Семь сорок две.

Как долго тянется время! Прячу лицо в воротник куртки: запах химикатов ударяет в нос. Вспоминаю, как завобундированием гордился, что выдает нам новенькие вещи. Жалею, что мороз притупляет осязание, а не обоняние – иначе бы я спокойно себе жил в Антарктиде.

Предполагается /главой, мне-то пополам/, что мой потенциал работает на обонянии: оно остро различает лишь две молекулы – оксигемоглобина и аммиака. В первом случае у меня во рту возникает привкус крови, во втором – гнили: так и понимаю, живой передо мной организм или нет. При этом я должен обязательно видеть объект: просто так, даже если я слышу запах, понять, к чему он относится, я не могу. Поэтому сейчас без последствий для вкусовых ощущений могу вдыхать краситель для ткани, но не могу посмотреть на живое существо. Было время, когда это сводило меня с ума: сейчас уже научился не смотреть туда, куда не следует.

Закрывать глаза, так сказать.

Небо у горизонта чуть посветлело, или я так этого хочу

наступления утра, что мне уже кажется? Пальцы на ногах и кисти рук пощипывает. Выдыхаю в ворот куртки, чтобы согреть лицо своим дыханием: ресницы мгновенно заиндевают. Тру глаза: как-то уже спать хочется, поднялись ради дежурства здесь ни свет ни заря. Наверху снова проносится фура. В частном секторе кое-где зажигается в окнах свет, где-то протяжно заливается лаем собака. Скоро люди потянутся на остановку – и всё закончится. К тому времени нас тут уже быть не должно.

– Семь сорок три, – разочаровывает меня цифра на экране телефона. – Как думаешь, – спрашиваю я у тени Камэла на плохо почищенной дороге: главное, не смотреть на него, – долго ещё?

– По словам Ё-ны: «на небе нет солнца», – отзывается Камел слева и немного сверху: он меня выше сантиметров на десять, но теперь, когда я – замороженная креветка, то на все двадцать. – Технически, рассвет сегодня в восемь часов семь минут: скоро уже.

Я так не считаю: перспектива простоять тут еще целых двадцать четыре минуты ужасает.

– Если мы не угадали со временем суток, – мои облачка слов начинают догонять его, – придётся вернуться сюда вечером.

И в таком случае я попрошу у завобмундированием две пары штанов.

Блестит накатанная колесами транспорта полоса на доро-

ге. Небо точно начинает светлеть. Огней в частном секторе все больше. Адски щиплет верхушки ушей и мизинцы рук. Что будет быстрее: рассвет или общее обморожение?..

Технически текст пророчества звучит как: «покрытая туманом узкая дорога, рядом поворот, остановка; на небе нет солнца; холодный асфальт; большая белая машина, много мертвых внутри; девушка, утыканная стеклом, золотистый ореол волос».

Прорицателям, конечно, непросто: нужно запомнить, а потом точно описать всё, что видишь. Хорошо, если есть какие-то уникальные вещи или символы, но чаще бывает, как сейчас: в мире полно предрассветных туманов, дорог с поворотом рядом и холодным асфальтом, белых машин и блондинок. Аналитики нашли не меньше сотни мест, подпадающих под пророчество, сделали прогноз по погоде, транспортной сети – и выбрали два десятка мест. Вчера ребята уже выходили на патрулирование, сегодня дислокация мест поменялась из-за погоды. Туман и холод – это пока самое достоверное, на что можно опираться. Как выглядела девушка, Ё-на описать не смогла, так что на инструктаже нам советовали ориентироваться на пол, примерный возраст и наличие в теле стекла. Что ж, это можно счесть за уникальный признак.

Однако, я начинаю сомневаться в успехе операции. Во-первых, маловероятно, что на второй день поисков что-то выгорит. Обычно охота на потенциал длится месяцами, а то и годами: ведь прорицатель не может сказать конкретную да-

ту. А во-вторых, сегодня в разработке сорок три места: и наше не самое перспективное. Сомнительно, что по такой вторичной дороге ходит постоянная маршрутка, а даже если и ходит, ей попросту не с чего тут переворачиваться: буквально ровное место.

Ляжки начинает пощипывать – джинсы прикипели к ногам. Пытаюсь пару раз присесть и чувствую, как кожа намеревается от натяжения лопнуть. Не стоит, не стоит, лучше просто ровно постою.

Скорей бы домой.

Если сегодня не повезёт, придется патрулировать всю осень и зиму. Буду надевать всё, что дают, и носить с собой термос с чаёчком.

Мимо остановки проезжают друг за другом две машины: люди направляются на работу. Мы с Камэлом отступаем за остановку: не нужно, чтобы кто-то нас видел здесь.

Технически, здесь пророчество как бы соблюдено: солнца на небе нет, за туман сойдет дымка, есть остановка, поворот рядом, на дороге гололёд. Осталось дожидаться любой большой белой машины с трупами внутри и добыть утыканную стеклом девушку. Тогда хотя бы не зря пройдут мои мучения.

Но лучше бы, чтобы досталась она не нам, ведь если верить неофициальной информации, у неё две души. И одна из душ ой какая недобрая.

Взгляд падает на экран. Семь сорок восемь.

Камел усталился в горизонт дороги, откуда, по идее, должна приехать «большая белая машина». Уже все глаза проглядел.

– Надеюсь, нам повезёт, – сердито ворчу я. Иначе для чего я отморозил всё, что мог?

– А я надеюсь, что нет, – нервно бормочет мой друг.

В этом есть резон, но на моей памяти Камэл впервые чего-то опасается. Утро не пропало даром: мой друг открылся с новой стороны.

Оборачиваюсь и смотрю в одном с ним направлении: теперь мы вдвоём палимся в туман, как сурикаты. Небо светлеет, напряжение возрастает.

Неужели это правда? Неужели действительно развоплощение, а потом и дальнейший захват тела возможен? С трудом верится в души и жизнь после смерти, но ведь глава организовал эту охоту на потенциал с невиданным доселе размахом...

Разнервничавшись, опять потянул телефон из кармана. Правый мизинец перестал гнуться – и телефон веселым стукотком покатился по асфальту.

Этого еще не хватало! Я наклониться не могу без риска, что кожа на ляжках треснет, а тут это! Хоть бы не разбился: неохота писать объяснительную...

Мгновенно среагировавший Камэл его уже поднял: дружище, как я тебе благодарен! – и протягивает мне, стараясь не попадать в поле зрения – за это благодарен вдвойне. Кор-

пус вроде в порядке, зажигаю экран. Заодно хоть время проверю.

– Семь сорок...

БАХ!!

Я махом обернулся на грохот за спиной, и узрел, как пробив отбойник, с высоты эстакады топориком вниз летит белая газелька.

Машина, смяв капот об асфальт, взрывается брызгами боковых стекол и заваливается на крышу.

После такого адского грохота в голове стоит лишь высокий писк. Я оцепенел и не могу сказать, что поразило меня больше: то, что на моих глазах произошла трагедия, или то, что пророчество Ё-ны сбылось здесь и сейчас.

В маршрутке никакого движения, лишь напоследок протяжно стонет металл, силясь расправиться. Наступившая после тишина кажется противоестественной. Ещё секунда – и мы с Камэлом, не стовариваясь, срываемся с места.

Бросаемся на обледеневший асфальт – он слева, я справа – и просовываем руки сквозь выбитые окна внутрь. Аварию наверняка услышали в посёлке, скоро тут будут люди – мы должны успеть до их появления.

Шарим по головам людей, которые, разумеется, не были пристегнуты, и сбились в одну кучу в салоне.

– Девушка, светлые волосы, девушка, светлые волосы... – бормочу я, разгребая обмякшие теплые тела. Всюду осколки, но крови почти ни на ком нет. Ядрёный дух мертвечины, что

я ощущаю, способен сбить с ног: для этой миссии у меня категорически неподходящая способность. Я сунул руки в это осиное гнездо на голом адреналине – он-то и не даёт мне потерять сознание.

Но с каждым неподходящим телом энтузиазм падает, разочарование растёт, и желание сплюнуть гниль все сильнее.

Наконец, выпрямляюсь: с моей стороны ничего. Кэмел всё ещё шурует с другой стороны. Вокруг машины улеглась пыль, выбитая из днища ударом. Стараюсь смотреть в сторону посёлка и глубоко дышать: типа, высматриваю, не идёт ли кто, а сам стараюсь не стошнить.

– У тебя как? – выпрямляется Камэл.

– Голяк! – сплёвываю я. Понимаю, что и у него тоже.

Как же так?

В растерянности мы отходим от машины, хрустя рассыпавшейся на дороге мелочью и стеклом. Камэл достает телефон и отзванивается, чтобы нас забрали. Миссия завершена, ведь объект охоты должна быть не только светловолосой, но и, по идее, живой.

Блондины, брюнеты, кудрявые, лысые – все люди в салоне мертвы и все не подходят. Даже как-то странно, что они погибли все разом: кто-то из них теоретически должен был сейчас агонировать, кому-то должно было просто оторвать руку-ногу. А они просто все разом умерли.

Сплёвывая гниль через раз, внимательно пересматриваю

всех: но никого, кроме Кэмела, живым я не ощущаю.

Неужели не у нас? Неужели где-то ещё произойдёт нечто подобное? Что-то не верится в такие совпадения...

Мой взгляд натывается на два тела, вылетевших через лобовое стекло: я не сразу их заметил. Что они мертвы я отсюда ощущаю, но ноги сами несут меня к ним.

«Не у нас? – лихорадочно, в такт шагам, бьются мысли в моей голове. – Разве не все условия сошлись? Как часто вообще бьются маршрутки?». Мной управляет охотничий азарт, когда я наклоняюсь над теми, что лежат на асфальте. Инстинктивно прикрываю нос рукой: мне это не поможет – и рассматриваю.

Девочка, лет семнадцать. Лицом вниз, лоб в крови, левая рука вывернулась под неестественным углом. Из-под напавшейся кровью шапки торчит сбившийся хвостик: кудряшки колечком цвета молочного шоколада. Рядом женщина лет сорока пяти на спине, волосы цвета воронова крыла, лицо и плечи в крови.

Обе мертвы, мертвее не бывает. И ни одна из них не подходит по описанию.

– Ну как? – вопрошает приближающийся Кэмел: для верности он обшарил и мою половину маршрутки – до чего надёжный парень, аж умиляет.

Отрицательно киваю головой и встаю. Он присаживается, проверяет, и тоже встаёт. Так и торчим вдвоём над всем этим, растерянные.

Удивительно. Пророчество вроде как сбылось, но результата нет.

Разочарование сменяется смирением. На то оно и пророчество – машины сотнями бьются в мире каждый день. Некоторые – пока нет без солнца, рядом с остановками и поворотами. Некоторые из них, видимо, одновременно, но в разных местах.

Ё-на не говорила, что машина упадёт сверху. Вот, наверное, в чём дело.

– Пойдем, – Камэл кивает в темноту под эстакаду: наверху могут остановиться машины, люди могут нас увидеть. – За нами уже выехали.

Мы не успеваем сделать и двух шагов: от хруста стекла за спиной меня прошибает холодный пот.

Остолбенев от ужаса, малодушничаю оглянуться.

– ... твою мать!.. – выдыхает обернувшийся Кэмел. Убеждаюсь, что боялся не зря.

Охота продолжается. Каждый волос на моём теле встаёт дыбом, желудок скручивает от превкушения. Оглядываюсь.

Мёртвая девчонка – та, что вылетела через лобовик, с пробитой головой – неловко поднимается на ноги, придерживая искалеченную левую руку. Шапка упала, волосы всклокочены, куртка сбилась на бок, на джинсах отцветают темные пятна в местах порезов. Лицо абсолютно непроницаемо, взгляд расфокусирован. Покачиваясь, едва на ногах держится.

Клянусь богом, я бы думал, что она жива, если бы привкус гнили во рту не был таким нестерпимым.

Хруст стекла под её трясущимися ногами, облачка её дыхания, растворяющиеся в дымке, мерный стук каплей крови об асфальт прогоняют по мне табун мурашек размером с кулак. Меня мелко знобит, но уже от холода, а от восторга и напряжения. Нижнюю челюсть сводит, рот наполняется горячей слюной. Внутренности стягивает узлом.

За её спиной приближающаяся к нам машина взрезает висящую в воздухе дымку фарами: и мне в память врезается изломанный силуэт, стоящий посреди божьего света и вспыхнувшего на миг созвездия разбитого стекла. Растрепанные волосы загораются золотым нимбом вокруг её головы.

В эту долю секунды благоговение стягивает меня от макушки до пят и тут же исторгается прочь на асфальт вчерашним ужином.

Пока я блую и благоговею, Кэмел в три шага подскакивает к ней, забрасывает потенциал на плечо, наплевав на все внутренние и внешние повреждения, и несётся под эстакаду, в темноту.

– Шевелись! – шипит он, пробегая мимо меня, и по его тону я понимаю, что Камэл тоже в ужасе.

Вытирая губы рукавом, на негнущихся ногах неловко ковыляю за ними.

Неужели правда? Неужели нам действительно повезло?

Вот так легко, во второй день охоты? Вот эта девочка и есть объект потенциала?

Простенькие джинсы, обычная курточка. Тряпичный рюкзачок, свесившись, бьет её по затылку в такт бегу Кэме-ла. «Ну, затылок у нее не был разбит... – проносится в моей голове. – Не пострадает, наверное».

В голове не укладывается: вылетела через лобовое стекло, упала с высоты на асфальт, пробила голову. Но та, которую я – с моим-то потенциалом! – ощущаю мёртвой, поднялась на ноги, дышала, и сердце в ней билось.

Я думал, что из мёртвых не возвращаются.

Шок и ужас, сперва меня стреножившие, сменяются эйфорией. Сплёвываю и кислятину, и кровь, и гниль – потому что не отрываю взгляда от удаляющегося Камела с его добычей – и ковыляю за ними. Экстаз от происходящего возвращается и переполняет меня до краёв: ноги перестают заплетаться, ещё через пару шагов я подбираю упавший с девчонки шарф и припускаю за ними во всю прыть.

Хорошо, что со мной Камэл. Я бы её ни за что не унёс.

Камэл

На каталку её перекладывали как положено, со всем трепетом к полученным ранам.

Но на месте охоты, когда за нами приехали, я просто швырнул тело на заднее сидение, сам приткнулся, где смог, и хлопнул дверью. Рей шлепнулся на переднее сидение. Во-

дитель, не оборачиваясь, бросил мне аптечку и втопил.

Мы все понимали, что нужно убираться оттуда как можно быстрее.

Меня била крупная дрожь, пока я пытался открыть замки аптечки: наверное, никогда в жизни не был в таком напряжении. И потом – срезая одежду, чтобы добраться до ран, вскрывая упаковку бинта, пытаюсь обернуть бинт вокруг ее головы хоть раз, – никак не мог совладать с руками, пальцы отказывались что-либо удержать. Рей не оборачиваясь, с переднего сидения светил мне телефоном – и вообще не туда. Посмотреть, куда светить, он не мог – и без того ходил ходунком: его постоянно скручивали рвотные позывы. Водитель напряженно смотрел лишь вперёд и давил на газ.

По факту, я остался с ней один на один.

Нас, конечно, предупреждали, но на инструктаже «утыканная стеклом» звучит как-то обыденно, а когда видишь это воочию, ощущения совсем другие.

В рассеянном свете фонарика обнаженная кожа белела, как луна, а кровь казалась чёрной и густой, как дёготь. Ран было больше, чем крови.

Пока перевязывал голову, был благодарен, что череп у неё не раскололся: если бы почувствовал под пальцами мягко ходящие фрагменты, потерял бы, наверное, сознание. Но перекладывая голову то влево, то вправо, я молился, чтобы с шеей тоже было всё в порядке: какой смысл останавливать кровотечение на лбу, если я поврежу спинной мозг и она пе-

рестанет дышать?

Повсюду были порезы. Самые глубокие – на плечах и бедрах спереди: вылетая из машины через стекло, она не успела сгруппироваться.

Но одно дело представлять «порез стеклом», и совсем другое – видеть разверзнутую человеческую мякоть, влажно чернеющую на белоснежном в свете фонарика теле, слышать хлюпанье смыкающихся створок пореза, ощущать жар вытекающей крови, пока заклеиваешь рану пластырем. Уверен: пластырь был бесполезен в этом случае, но ничего другого у меня не осталось.

Одно дело знать, как оказать первую помощь, и совершенно другое – пытаться её оказать. Видеть, как грязь или стекольная крошка попали внутрь, но накрывать это всё лейкопластырем – лишь бы остановить кровь. Злиться, когда лейкопластырь, напитывавшись кровью, отлеплялся с одного края, исторгая из пореза пригоршню крови. Злиться, что приходится отрывать его совсем, раскрывая рану и любуясь разноцветными слоями человека на сантиметровой глубине, а потом заклеивать снова.

На каком-то порезе мне вдруг подумалось, что лучше бы девчонке умереть.

Все знания об оказании первой помощи закончились вместе с материалами в аптечке. Я помнил, что из колотых ран лучше не вынимать стекло, чтобы не спровоцировать кровотечение, и избегал торчащего из неё стекла. Но и на остав-

шие травмы материалов всё равно не хватило.

Выбрав две наиболее перспективные по летальности раны, я просто плотно зажал их ладонями. Вслед за этим исчез свет: Рея вырвало под ноги, телефон отлетел куда-то под педаль. Водитель выругался и прибавил ходу. От запаха рвоты и ускорения начало мутить и меня. Я попросил Рею открыть окно, он открыл. Морозный ветер с гулом ворвался в салон.

Всё. Больше мы ничего не могли сделать.

В машине холодно, темно, тихо: трое насмерть перепуганных парней и одна умирающая девушка. Мы дружно боялись: что она умрет, что мы умрем – так лететь по обледенелой дороге. Боялись неизвестности, боялись совершенного. Боялись её и того, что по слухам было внутри неё.

Из-за тишины, холода и темноты я острее чувствовал тепло её крови, постепенно разливающееся под пальцами, слышал свист поверхностного дыхания, тыльной стороной ладони ощущал, как едва заметно ходит её грудная клетка.

Парализованный напряжением, я смотрел лишь вперёд, на стелящееся серое полотно дороги, приборную панель, пшеничного цвета волосы Рэя, растрепываемые ветром, смазанную скоростью лесополосу. Куда угодно, лишь бы не на неё – и тем острее ощущал хрупкость руки, которую сжимал, мягкость бедра, упирающегося мне в спину, и мокрый холод, пронизывающий левое плечо – в том месте, где моя куртка пропиталась кровью насквозь, пока я её нёс. И старался не думать, что на спине у неё тоже могут быть травмы.

Я понимал, что её раны слишком серьёзны. Чем дальше мы ехали, тем сильнее меня терзала вина за то, как я её грубо схватил, как нёс, как бросил. Всё это было неправильно: если она умрёт сейчас, это будет лишь моя вина.

Время до дома мне показалось вечностью, хотя потом водитель сказал, что мы ехали семнадцать минут. И горько добавил, что эти семнадцать минут отняли у него семнадцать лет жизни. Последние километры мы скакали на грунтовой дороге, и я молился, чтобы она не повредила себе что-то здесь и сейчас.

Когда вдалеке показался вход в лазарет, я чуть не прослезился от радости.

Дежурная бригада встречала со всем необходимым. Я выскочил бы на ходу, чтобы поскорее передать пациентку, но ноги мне отказали. Секунд десять после того, как Анна – главврач – распахнула дверь остановившейся машины, я мешкал и не мог выбраться наружу. Она неодобрительно смотрела, но ничего не говорила.

Вывалившись, наконец, из машины, я вдохнул, наконец, полной грудью. Уверовав, что миссия выполнена, я бессильно осел на стылую землю. Мимо меня провезли каталку – впервые я увидел объект охоты при ярком свете. Мозг воспринимал всё как-то отдельно: изгиб шеи, ямочка между ключиц, тонкие руки, тонкие пальцы, рассечённое бедро, окровавленная коленка, всего один ботинок.

Странно, ведь обувь я с неё не снимал.

Когда за каталкой захлопнулись двери, когда объект охоты пропала из поля моего зрения, стало легче, словно бы я больше не был ответственен за всё. В душе гудело как в трансформаторной будке. Чтобы унять это, я вернулся в машину, и, потянувшись за валяющимся на полу рюкзаком объекта, рухнул грудью на заднее сидение. Лицо ткнулось в холодное пятно крови, в щеку уперся кусочек стекла.

Перед глазами всё поплыло.

Я осознал, что сплеховал: ровным счётом ничего не сделал как надо.

Я сполз из машины на землю и зажмурился до боли, чтоб не разрыдаться. Память подкидывала мне свистящий звук её дыхания, спина ещё помнила, как в неё упирались те худенькие ноги. И раз за разом я вспоминал, как закинул её на плечо, как бежал, и её тело мерно билось о мою спину в такт шагам.

Если она выживет, но будет страдать от боли – это будет моя вина. Как мне смотреть потом ей в глаза?

Как смотреть в глаза главе?!

Он столько сил и времени потратил на подготовку, чтобы в итоге я её искалечил? Или же попросту убил...

Всё прошло не так, как я думал. Я к такому вообще не был готов.

Я облажался.

Рей

Нас встретили, как национальных героев: аплодисментами, свистом и радостными воплями. По коридору через толпу я шёл с закрытыми глазами, наощупь: каждый поздравлял, хлопал по плечу, пожимал руку – все знали, что визуальный контакт для меня невозможен. Вероятно, я всем улыбался, но думал лишь об одном: попить бы воды и прилечь.

Хорош заблёванный герой.

Все понимали, что сегодня мы слишком устали, но завтра расспросов будет не избежать.

Ещё бы! Охота на потенциал – это весело.

Всё начинается с прорицания. Сейчас у нас есть только вещи сны Ё-ны, но раньше были и гадалки, и ясновидящие, и разного рода предсказатели. Провидец обязан подробно объяснить своё видение, описать чувства, ощущения, ассоциации – без этого потом нельзя будет анализировать.

Каждое предсказание передается аналитикам: людям с уникальной интуицией. Предсказание может быть о чём угодно, но раз организация заточена под поиск потенциала, аналитики проверяют прорицание на «потенциальность». Каждый аналитик даёт оценку предсказанию независимо друг от друга: если ни один не видит «потенциальности», предсказание отправляется в архив. Периодически архив пересматривается: мир меняется, и вместе с тем может наступить время того или иного архивного предсказания.

Но если в предсказании есть «потенциал», дело закипает. Аналитики разбирают его по косточкам: где, когда, ка-

кие обстоятельства? Толковать предсказание очень трудоёмко, поэтому и аналитики, и провидцы постоянно расширяют кругозор, много читают о мире, учатся описывать эмоции. За потенциальным предсказанием стоит чья-то судьба, которую можно спасти, страдания, от которых можно избавиться, жизнь, которую можно изменить. Каждый из нас, кто сейчас в организации, прошел через охоту, каждый был спасён – поэтому все понимают, насколько важно сделать всё как надо.

Аналитики ищут территорию, здания, анализируют погоду, часовые пояса, транспортную развязку. Они планируют маршруты доставки, способы возвращения. Они же отвечают за инструктаж: перед этой охотой мы проходили оказание первой помощи, поскольку было упоминание ранений в предсказании. Конечно, в нашей паре учился лишь Камэл: толку от меня в этом плане было – чуть. И ведь пригодилось, прости господи.

А за работу в мире – реализацию операции – отвечают охотники на потенциал. Такие как Андрэ, Камел, Энола Гай и иногда вот даже я гожусь. Мы находимся во внешнем мире, и отвечаем за слежку, вербовку и доставку объекта. Иногда охота проходит быстро, как сегодня, а иногда с объектом приходится работать месяцами.

Это она, весёлая часть: быть во внешнем мире и не быть больше его частью, смотреть на обычных людей, вычислять среди них необычных, но при этом казаться обычным и не выдать себя. Ты одновременно и охотник, и жертва: азарт не

отпускает, пока миссия не будет выполнена.

Но в сегодняшней охоте не было ничего весёлого.

И хотя на краткий миг я испытал восторг – когда Камэл схватил её – то, что потом происходило в машине словами не описать.

Я впервые так близко увидел человека при смерти. Мой потенциал твердил, что она мертва, но мозг отказывался в это верить: её дыхание клубилось в холодном воздухе салона, её сердце билось, выгоняя кровь из тела. Мозг говорил: она ещё жива, но вот-вот умрёт – и впервые я ощутил, как ответственность и страх сковывают тело. Я пытался помочь Камелу, но у меня руки отнялись по локоть: онемение такое, будто бы я их отлежал во сне. Я очень боялся, что вот-вот уроню телефон, потому не чувствовал его совсем.

Впервые в жизни был таким беспомощным.

Меня тошнило от всего этого. Я пытался отвлечь себя, сосредоточиться на звуке двигателя, но слышал лишь свист в её дыхании. Пытался замкнуть ощущения на сладковатом запахе ароматизатора в салоне, но от того лишь явственнее ощущал кисловатый запах бинтов и крови с заднего сидения. Я не смотрел ни на живых, ни на мёртвых – но от напряжения меня стошнило желчью из пустого желудка. И после этого обессилел окончательно: не было сил даже думать.

Был ли от меня вообще толк на этой охоте?

Как мы доехали, помню плохо: в голове не было ни единой мысли. Помню, что упирался затылком в подголовник, и

от сопротивления заболела шея. Помню, что когда приехали, Камэл едва смог вылезти из машины. Это было комично, и я посмеялся бы, но сам вообще не мог двинуться с места. Дом был в шести метрах от меня, но я продолжал сидеть в тёмном, холодном, пахнущим кислым желудочным соком салоне, пока кто-то меня не выволок.

Приветственные крики, слава и почёт – это, конечно, здорово, но едва закрылась дверь моей комнаты, я бессильно сполз на пол.

Я смертельно устал: ни за что не хочу опять в этом участвовать.

Никогда никого больше не хочу видеть при смерти.

Камел

В лазарет нас позвали только через четыре с половиной часа: к тому моменту я уже не знал, куда себя деть.

Не мог усидеть на месте, не мог ничего ни начать, ни закончить: все мысли возвращались к ней. Я то преисполнялся вины и приходил в отчаяние, то внезапно успокаивался, уверовав, что всё обойдётся. Перед самым вызовом я накрутил себя настолько, что всерьёз решил помолиться.

«Пожалуйста, – просил я, не в силах сформулировать до конца, – пожалуйста, пожалуйста!...».

По селектору вызвали ещё Рея и Ё-ну – и отчаяние слегка отступило. Пока шёл по коридору, думал: «Ё-на нужна, чтобы удостовериться, что это действительно девушка из про-

рочества», – и даже воодушевился. Значит, объект выжила.

«Впрочем, – прошло меня холодом осознание перед входом в лазарет, – Ё-на может опознать и труп».

В коридоре лазарета, на корточках сидел Рей, запрокинув голову к потолку. Вид у него был откровенно неважный: будто бы его выдернули с бурной попойки. Бледный, всклокоченный, на лбу маска для сна.

Но увидев его, я воспрял духом.

– Ты как?

Рей спустил на глаза повязку – дома он ей пользовался, чтобы ни на кого не смотреть – и с кривой ухмылкой ткнул двумя пальцами себе под горло. Тошно.

Смотря, как он ухмыляется, я приободрился. Потенциал Рея создает много проблем носителю, но у него хватает мужества иронично относиться ко всему. Это меня в нем всегда восхищало.

– Крепись, – я дотронулся до руки, предлагая помочь подняться. – Сейчас Анна освободится и займется тобой.

Эта охота из рук вон плохо подходила его потенциалу. Рею нужна медицинская помощь для восстановления. Но пока все врачи заняты объектом, о нём позаботиться было некому.

Внезапно из палаты в коридор вышла Анна. Вид у нее был очень уставший – и только. Ни радости, ни грусти – выжила объект или нет? – не понять. Она жестом велела нам заходить, а сама отправилась в соседний кабинет.

Беспокойство захлестнуло с новой силой: объект был не в палате реанимации. Анна вышла из изолятора.

Десяток шагов через коридор и промежуточный бокс я шёл, обратившись в слух, но боялся столь сильно, что не слышал вообще ничего.

И только открыв дверь самой палаты, услышал, как работают приборы жизнеобеспечения. Равномерный писк, обозначающий биение сердца, в один миг разрушил всё, что тяготило меня эти часы.

Жива.

От облегчения даже голова пошла кругом. Не припомню, чтобы в вообще хоть раз в жизни был так рад.

Ё-на пришла раньше нас – торчала в противоположном от кровати углу палаты обгорелой сосной: черная пижама, темные гладкие длинные волосы вдоль спины. Как обычно: быстрый затравленный взгляд на меня – и отвернулась. И, как всегда, это выражение надежды на её лице вызывает у меня досаду. Столько времени прошло, а ничего не меняется.

На данный момент она – единственный в организации провидец: поэтому всё, что она говорит – на вес золота. Но не во все её слова я верю.

Я убежден, что предсказания сбываются, если ты допускаешь возможность их исполнения. Ё-на же выдала пророчество о себе и мне, которое абсолютно точно сбыться не может: от того мне сложно непредвзято относиться к самой

Ё-не. В обычное время стараюсь с ней не пересекаться.

Неловкую паузу, повисшую в палате из-за пропущенного приветствия, спасительно нарушил Рей.

– Ё-на ты тут? – Она отзывается, и Рей продолжает: – Что скажешь?..

Этот вопрос, конечно, у всех на устах: пророчество исполнилось? Мне тоже интересно, но пока глава не придёт, толку об этом говорить.

– Да вот думаю, – неожиданно для меня разомкнула губы Ё-на и следом хлестнула: – Не та ли это прелесть, из-за которой Анрдэ лишился силы?..

Меня бросило в жар.

Поговаривали, что глава хочет вернуть когда-то утраченный потенциал – одну из охотников – и для того развернул такую масштабную охоту. Но Ё-на сейчас говорит не о ней, даже не о потенциале, а о человеке: обычном человеке, которого когда-то спас один из наших.

История Андрэ, разумеется, была мне известна: при поступлении рассказывают много притч о прошлом. Андрэ позиционировался хилером, поскольку мог передавать часть собственной жизненной энергии другому человеку. Правда, срабатывало это не всегда, и закономерность передачи так и не была выяснена, но сам факт обладания таким ресурсом очень всех обнадеживал. Компенсируя редкость применимости потенциала, Андрэ не вылезал с охот, и однажды стал свидетелем несчастного случая, произошедшего с чело-

веком. Без приказа, по собственной воле он решил применить свой потенциал – и это сработало. Он помог человеку, не имеющему никакого отношения к потенциалам: и от этого вся организация оказалась под угрозой раскрытия. Никого, конечно, не раскрыли, но после того случая Андрэ больше никогда, вплоть до смерти, не смог реализовать свой потенциал. Были случаи, когда он был последней надеждой для наших – но ему больше никогда никого не удалось спасти.

Положа руку на сердце, к истории Андрэ я относился как к легенде, суть которой: думай о том, что делаешь. Как и к истории Крушины, чью душу аналитики предполагали сегодня найти. Та тоже, обладая потенциалом бесконтактного убийства, никогда им не пользовалась и шла врукопашную – за что и поплатилась.

И всё же, я мог понять главу, если бы он хотел найти Крушину – это потенциал, старый товарищ, все дела. Но если права Ё-на, то что намерен глава делать с человеком?

Потрясенный этой мыслью, я смотрел на объект. В ослепительном свете палаты, без суеты, крови и тряски она выглядела иначе. Мне казалось, она выше ростом. По референсу мы искали блондинку, но волосы у неё средне-русые и выются на концах – колечки выбиваются из-под свежей перевязки. На бледном лице расцвели синяки, под глазами глубокие тени, в уголке губ запеклась кровь. Фиксатор шеи, подключичный катетер, провода датчиков, свежий гипс на левой руке. В темноте она казалась подростком, но сейчас я вижу,

что мы – ровесники.

Оглядываюсь на Рея, стоящего от меня в двух шагах: на его лице под маской абсолютное смятение.

– Что скажешь? – тихо, чтобы не слышала Ё-на, интересуюсь у него.

Новые вводные поразили его настолько, что он приподнимает маску и кидает взгляд на кровать. Лицо моментально искажает отвращение.

– Гниль.

Невероятно.

Но теперь это можно даже попробовать объяснить: если девушку вернула к жизни сила Андрэ, то понятно, почему Рей ощущает её мёртвой – энергетически она мертва с тех самых пор.

Впрочем, это не исключает и второго предположения: если в тело подселилась душа Крушины, она тоже не будет опознаваться живой.

Все равно не верится. В подселение души – захват Крушиной нового тела – пожалуй, я поверил бы с большей вероятностью. Судя по рассказам, это было вполне в её духе: отзывались о ней как о крайне эгоистичной и сволочной натуре, которая всегда и всем шла наперекор.

Крушина погибла в тот же день со случаем с Андрэ, кстати. Её потенциалом был обратный поток энергии, который разбалансировал обычный, свойственный другим людям: эдакая отравляющая аура. Человек, находящийся с ней

долго в контакте, ослабевал, потом заболел и умер. Но она так долго ждать не любила: и вместо потенциала полагалась на физическую силу. Во время охоты она сошлась в рукопашную с потенциалом, который был физически её сильнее – и от его руки погибла. «Но, – понизив голос говорили аналитики, – она так быстро умерла, что не поняла этого. Понятно, что ей хотелось дальше жить – вот она и решила захватить чужое тело!».

Конечно, маловероятно, что душа может забрать с собой потенциал: ведь обычно потенциал – это отклонение в физическом теле. Но человек, которого однажды воскресили – это уже совсем неправдоподобно...

Мне стало не по себе от всего происходящего. Обычно во время охоты я всегда понимал, что и для чего делать, но сейчас у меня не было вообще никакого понимания, одни догадки. Неопределенность раздражает, и досадно, что глава не доверяет мне. Ладно он не сказал Рею и Ё-не, но мне мог бы...

– Невероятно!.. – вернул меня в реальность восхищенный возглас.

Словно солнце из-за туч выглянуло: в дверях, сияя улыбкой, стоял глава, в халате, брошенном на плечи. Напряжение в палате и в моей душе рассеялось.

Батя в здании. Пришел тот, кто всё разрулит.

– Приветствую! – Глава с улыбкой кивает Ё-не, пожимает руки мне и Рею. – Ну и ночка у вас была, а, ребята? Отлично

поработали! – похлопывает он нас с Реем по плечу.

Беспокойство улетучивается: глава доволен, значит, с задачей мы справились.

– Посмотрим, – протянул глава, с улыбкой склоняясь над пациенткой, – что же тут у нас такое...

Дальше всё произошло слишком быстро.

Глава наклонился над девушкой.

И, доселе покоящаяся без сознания, она резко распахнула глаза.

Коброй взметнулась рука: девчонка захватила главу поперёк шеи и завалила на себя.

Провода датчиков натянулись, как нити паутины, писк ЭКГ участился; глава забарахтался, пытаясь вырваться.

А мой мозг всё ещё отказывался верить, что девушка, стоявшая одной ногой в могиле, сейчас угрожает жизни главы.

А дальше секунду назад бывшая в крайне тяжелом состоянии пациентка рывком вверх взметнула левую, сломанную, в гипсе, руку, и со всего маху обрушила её на багровеющее лицо нашего руководителя.

В этот момент я уже вскакивал на кровать: не успев осознать всё до конца, на автомате ринулся на помощь главе.

Шаги по кровати давались с трудом: то ли воздух загустел, то ли тело у меня оцепенело, – но за два моих жалких шага девушка дважды успевает ударить главу загипсованной рукой. Два глухих стука, и я, наконец, перехватываю руку в гипсе. Для того, чтобы прижать руку к стене над её головой,

пришлось навалиться всем телом.

Девушке на меня наплевать. Лицо перекошено яростью, волосы ссыпались на лицо, а взгляд не отрывается от главы.

Эта эмоция – невероятно сильная и искренняя – адресована не мне, и от этого почему-то в груди саднит.

Глава в мёртвом хвате худой руки хрипит и багровеет. Зажимаю её левую руку своей правой, коленом фиксирую плечо. Мое лицо становится вровень с её.

На долю секунды обжигает желание. Я молю: «Посмотри на меня».

Я вцепился в худое, травмированное правое запястье, чтобы освободить главу, и чтобы она, наконец, заметила меня.

Мне доводилось слышать, что в стрессовых ситуациях в людях высвобождается доселе дремлющая энергия, чтобы спасти организм, но не ожидал, что такой организм будет неистово биться со мной. В ней от силы килограмм пятьдесят, но мы вдвоём (Рей навалился девушке на ноги) едва удерживали тело на кровати. Она неактивно, словно бы неохотно билась, пытаясь нас с Реем сбросить, но вся сила её по-прежнему была устремлена лишь на главу.

Её лицо, перекошенное яростью, в нескольких сантиметрах от моего. Она не произносила ни звука – и от этого было ещё более жутко.

Борясь с ней за жизнь главы, я не мог отвести взгляд от лица. В глазах гнев и боль. На бинтах, прикрывающих раны, начали проступать розовые пятна крови. В груди защемило

от этого. Остановись!

«Остановись и взгляни на меня?».

Внезапно её правая рука рывком разгибается: глава выворачивается и падает на пол. Пока мы с Реем валялись на объекте, Ё-на сообразила достать несколько игл от шприцов: и ткнула ими в основание локтя. Ё-не удалось попасть в нервный узел: от того рука рефлекторно выпрямилась.

Увидев, что глава вырвался, девушка исторгла гневный рык и рванулась следом. Рей отлетел в сторону от удара ногами, я же ничком бросился на неё и прижал к кровати всем весом. Билась он неистово, а я лишь обхватил её голову руками и прижал к груди.

– Успокоительное! Живее! – рявкнул я на ошарашенную Ё-ну, все еже сжимающую в руках шприцы и иглы.

Не знаю, сколько понадобилось им времени, чтобы найти и набрать лекарство. Девушка била меня отчаянно: под рёбра, в печень, и кулаком, и локтем – у меня звёзды сыпались из глаз. Но в то же время я чувствовал её тепло, запах бинтов и волос, вибрацию от её крика в своей груди. Чем больше она сопротивлялась, тем крепче я её сжимал. И, что удивительно, был доволен происходящим: ведь теперь она сражалась лишь со мной.

Они вводили успокоительное в трубку капельницы – первый, второй, третий шприц падает на пол. Рывки подо мной становились слабее – и я ослаблял хватку. Решился отпустить совсем лишь когда она обмякла.

Приподнявшись на локтях, я смотрел на неё, силясь отдышаться.

Такая хрупкая.

Произошедшее в голове не укладывалось.

Ё-на помогала главе встать: тот выглядел невредимым, не считая ярко-розового лица, следов на шее и гипсовой пыли в волосах. Рей, потирая ушибленное место, неосознанно отошёл подальше от кровати.

В воцарившейся тишине все замерли и ждали: не возобновится ли кошмар. Десять секунд, пятнадцать, двадцать – ничего не происходило. Я слез с кровати. Вроде как опасность миновала.

– Я так и знала! – внезапно воскликнула Ё-на, заставив всех вздрогнуть и обернуться. Её глаза наполнились слезами – и от этого стали прозрачно-зелёными. Она смотрела прямо на меня. – Я так и знала!..

Глава

В той жизни я разрешил тебе быть той, кем ты страстно хотела быть. Ты противилась своей природе: и я тебе потворствовал. Я решил, что ты достаточно страдала и имеешь право пожить как хочется.

Я разрешил – и это стоило тебе жизни.

А после меня вдруг накрыло. Горевал я не столько по тебе – ты хотела умереть – сколько по упущенной возможности. Всё думал, правильным ли было решением для меня, как для

главы, позволить тебе не пользоваться потенциалом, позволить тебе притвориться обычным человеком.

И пришел к выводу, что нет: поставив твои интересы выше, я просто пустил по ветру перспективный потенциал. Нужно было донести до тебя твою ценность, убедить пользоваться своим потенциалом по назначению. Провести тебя на другую сторону по этому болоту.

А я лишь указал направление, в котором идти – и ты утонула в первой же трясине.

Я извлёк урок: больше ни один потенциал не будет игнорироваться. Либо ты живёшь, для чего родился, либо вовсе не живёшь. Вся нынешняя система построена на этом.

Я думал, что смирился со своей ошибкой, прошёл это испытание – и вдруг судьба подкинула тебя снова мне на порог.

Ты вернулась с того света. Перенесла развоплощение и захватила чужое тело. Судьба дала тебе второй шанс в виде нового тела и твоего недалёкого напарника, по случайности оказавшегося не в том месте не в то время. И даже если ты сейчас затаилась, я знаю, что ты там. Ты уже выдала себя.

Ты снова моя: и в этот раз я могу поступить правильно, применить к тебе правило потенциалов.

Но почему вдруг я снова колеблюсь?

Перед глазами раз за разом встаёт наша самая первая встреча: тот помоечный закоулок, где тебя бросили умирать после драки. Скорченное тело на грязном снегу, кругом кровавые харчки. Тебя бьёт крупная дрожь, ты не можешь дви-

нутья с места из-за боли, лицо – в кашу.

Я должен был уже тогда понять, что физические драки – это не твоё.

На стандартный вопрос, которым вербуетя потенциал на охотах, ты не ответила: не смогла разжать челюсть. Лишь разъяренно пялилась на меня непострадавшим голубым глазом, трясясь на снегу.

Если подумать, из всех, кто мне попадался, ты была самой интересной и самой проблемной в то же время.

Наверное, мне вообще не стоило тебя подбирать.

Способность при длительном контакте разбалансировать любой, даже самый крепкий организм, и привести его к смерти: я так и не сумел до конца понять, как это на физическом уровне работает. Просто находясь рядом убивает человека. Идеальное убийство, не оставляющее никаких следов, требующее лишь подготовки и времени.

Проблема была в том, что мне не нужно было такое оружие.

Чемодан без ручки, который я зачем-то поднял с того грязного снега.

Надо было тогда оставить умирать тебя там, в переулке. Я же предполагал, что с тобой будет куча проблем. Понимал, что не знаю, как воспользоваться этой силой. Знал, что, наверное, не смогу найти способа применить этот потенциал.

Так зачем я тебя забрал?

До сих пор не могу понять.

И вот, спустя столько лет, ты возвращаешься в чужом теле. Я не могу упустить этот шанс.

Я должен справиться с этим. Должен понять, что делать. Я должен понять, в чём урок, чтобы сжечь этот мост.

Но как это сделать? Ума не приложу.

Энола Гай

Едва перешагнув порог, получаю по громкой связи приказ немедленно прибыть к главе. Окрысилась в ту же секунду.

«Как мило, что ты соскучился, но мог бы и дать немного времени, чтобы привести себя в порядок. На похороны ушла вся ночь, я насквозь пропиталась гарью».

Замедляю шаг, глубоко вдыхаю, закрываю глаза и долго выдыхаю.

«Это не я разозлилась».

Говорю себе: «У меня есть мысль, что я зла» – и злоба отступает. Уставшая – да, только с задания – да, в грязной одежде, воняющая гарью, голодная, сонная и недовольная нарушением моих планов. Все из этого объяснимо, нормально и поправимо.

«Всё хорошо: мысли – это не я, это просто слова в моей голове. Я выбираю реакцию – и ею будет спокойствие».

Вдооооох – выыыыыдох.

Отлично. Гнев сменяется любопытством: что же там такое приключилось, что потребовало моего немедленного присутствия?

Громко стучусь и тут же захожу в кабинет, не дожидаясь ответа. Эта вредность – моя: хочу немножко подтрунить над главой. «Хотел срочности? Слушаю и повинуюсь».

– Прости, что позвал тебя прямо с задания, – глава дописывает что-то, не удосуживаясь посмотреть на меня, – но мне нужно будет отлучиться на несколько дней, а перед этим дать инструкции к новому заданию.

Недовольство шевельнулось в моем нутре горячей змеёй. «Новое задание? Конституционное право на отдых на меня не распространяется что ли? Минтруда на тебя нет!».

Глава умирляет эту змеюку одним взглядом. Взгляд в глаза, потом на живот, потом опять в глаза. Он спокоен – и от этого я почувствовала себя в полном порядке, тревога отступила даже без рефлексии. Если глава ничего не говорит, значит, всё ещё всё в порядке.

Он жестом пригласил меня сесть.

– Это задание под силу только тебе, Энола Гай, – начал глава, но я тот момент мне вовсе не хотелось слушать: я умилялась.

Внешность у главы, конечно, как у фронтмена бойз-бэнда. Высокий, хорошо сложенный, стройный, но плотный – он создан, чтобы висеть над толпой. Мягкие, густые, пепельно-русые волосы с серебристым блеском, так и манят запустить в них пальцы, серо-голубые глаза, с желтыми прожилками, лучами расходящимися от зрачка, напоминают драгоценный камень. Лицо одновременно и мужественное, и лу-

кавое из-за этой вечной его ухмылочки: как будто у нас с ним общий секретик. Любой разговор, начинающийся с этой ухмылочкой, гарантирует новое обязательство.

Тем временем глава вещает:

– В изоляторе сейчас находится потенциал предположительно с отравляющей аурой. Длительное нахождение рядом с ней опасно, но не для тебя, – он не удержался от короткого взгляда на мой живот. – Потенциал в тяжёлом состоянии, ей нужен постоянный медицинский уход. Я попросил медперсонал заходить туда с ограничением по времени, но долго так продолжаться не может. Она не получает должного лечения, а я заинтересован в том, чтобы она выжила.

– Отравляющая аура? – притворно прыснула я. Отказаться от этого задания не удастся, но сдаваться без боя не хочется. – Вы же это несерьёзно...

Под взглядом главы осекаюсь. Помимо красоты главе достался непререкаемый авторитет, которому веришь. Он абсолютно серьёзен.

– Я полагаю, – понижает голос глава и протягивает мне фотоснимок 3 на 4, – что это тело захватила Крушина.

А вот это уже интересно.

Одно дело, когда об этом трепались аналитики: у них без бредовых идей и нормальные мысли не рождаются. Развоплощение, душа без тела, подселенцы, воскрешение – просто рай для любителей мистики. Но и без теорий заговора мне казалось странным, что глава затеял такую масштабную охо-

ту из-за предсказания, в котором человек явно при смерти. Оказывается, он действительно задействовал так много ресурсов, чтобы найти человека, которого когда-то знал. Шанс был микроскопическим – но он рискнул.

Это неожиданно: оказывается, у него есть сентиментальная сторона.

Ради кого же всё? С фотографии на меня угрюмо смотрит ослепительная красотка: нет макияжа, причёска – простое каре, одежда – футболка с бессмыслицей на английском, – но хоть сейчас эту фотографию можно поместить на обложку журнала. Тёмно-голубые глаза, глубокий русый цвет волос, острые скулы – чем-то похожа на Лив Тайлер: такая же нечеловечески красивая.

Знакомая, значит, ага. «Старый боевой товарищ», «друг» – при такой-то внешности. Держи карман шире.

Значится, Крушина, погибшая года три назад. Невольная отравительница, предпочитавшая опираться на свои навыки ближнего боя. Аналитики предполагали, что энергия в её теле двигалась в обратном направлении, и длительное пребывание с обычным человеком способно было разбалансировать обычного человека, что привело бы к болезни, и, в конечном итоге, смерти. Они вывели это из того, что все, кто жил с Крушиной под одной крышей длительное время: мать, бабушка, три тётки – умирали поочередно.

«Энергетические потоки», блин. Кого вообще способно убедить такое объяснение? Даже не потрудились найти более

научное объяснение потенциалу.

Да и был ли действительно отравляющий потенциал? Когда она охотилась, использовала лишь физическую силу: была кмс спорта по дзюдо. Это, конечно, было не очень разумно: какой бы сильной для девушки она не была, вооруженный мужчина завсегда её одолеет. Она в это не верила – и поплатилась. Главе пришлось лично добивать неубитый ею потенциал и проводить двойные похороны.

История умалчивает природу отношений между главой и Крушиной: известно, что она была одним из первых найденных им потенциалов, и что при всей невыносимости характера она беспрекословно подчинялась главе.

У меня из близких не умирал, поэтому не знаю, что сделала бы, если вдруг появился шанс снова встретиться с умершим. В любом случае, решение главы – рискнуть, чтобы потом не жалеть об упущенном шансе – достойно уважения. Даже по-своему трогательно – преодолеть подселение там или ещё что, чтобы снова встретиться с человеком, с которым начинал дело всей жизни. Учитывая помешанность главы на потенциалах, это даже разумно.

Но перенести с собой потенциал в другое тело – разве это возможно? Потенциал обычно связан с физиологической особенностью тела: замедленный метаболизм, как у меня, сверхвыносливость Камэла, нюх Рея – это физиологические проявления потенциала. Тип потенциала Крушины тоже считался физиологическим, но если принять за потенци-

ал свойство души, ауру, вполне возможно, что сейчас, в новом теле, проявится потенциал Крушины...

«Аура», блин. Очнись, что ты несёшь?

Нарочито сердито – пусть не считает победу лёгкой – вопрошаю:

– Почему ты думаешь, что она в этом теле? – чудо, истинное чудо, если так, как он говорит. Я не верю в чудеса. – Её потенциал как-то проявился?

– Я, конечно, не святой, – озорная ухмылка главы выстреливает, я больше не могу сопротивляться, – но и до доктора Менгеле мне далеко. Чтобы проверить потенциал, нужно поставить чью-то жизнь под угрозу. Поэтому, – глава пристально смотрит на меня, предупреждая порыв возмущения, – только тебе, – взгляд его перемещается на живот, потом опять в глава, – можно поручить это задание.

Я молчу. То, что предлагает глава – разумно, и в рамках нашего соглашения. Но вся эта история с Крушиной довольно мутная: не хочется ввязываться.

– Доказательств, что это – Крушина, действительно нет. Только вот, – глава ухмылка преображается: азарт соседствует с горечью, – едва я к ней приблизился, она попыталась меня убить.

Просто прекрасно: не отравит аурой, так с кулаками накинется.

Что ж, и это не расходится с рассказами, похоже на неё. Крушина не вылезала с охот, и от того слегка помешалась:

хотела больше и больше, без сна и отдыха. Чтобы исправить это, незадолго до смерти к ней прикрепили напарника, чтобы снизить уровень напряженности, но было уже слишком поздно. Она постоянно думала, что в неё, в её силу не верят, что к ней приставили человека, который должен будет её заменить, что хотят от неё избавиться – и от того работала еще больше, прикладывала ещё больше усилий, чтобы доказать свою пользу. От образовавшегося перенапряжения она всё больше ошибалась – и так по витку. В день, когда умерла, она отправилась на охоту одна, потому что дошла до ручки: желая избавиться от надоевшего ей «хвоста», она ножом пробила предплечье своего напарника насквозь, пригвоздив к стене.

Если уже тогда она головой тронулась, то какой же она вернулась сейчас, в другом теле?..

«Другом теле».

Ты только послушай себя! Поверила в существование души, ауры? В способность души захватить чужое тело? Даже звучит абсурдно. Кроме слов Ё-ны и голословных предположений главы никаких подтверждений этому нет.

Да и какая разница, Крушина там или кто? Мне осталась тут пара месяцев от силы: я могу эту пару месяцев и дальше скакать по горящим помойкам, либо мирно сидеть в палате, где сухо, тепло и обед по расписанию. О чём тут думать?

Одна – моя – часть предчувствовала возможность выполнять легкую работу и хоть какое-то время не охотиться: и от

того радовалась, другая – не моя часть – испытывала лишь раздражение и скуку.

Встаю со стула и направляюсь к двери.

– Мне нужно время перенести вещи в изолятор. Распорядись насчет всего.

Авионика

Мир вокруг не похож на привычный мне.

Здесь никогда не видно солнца. Небо может быть и голубым, и затянутым причудливыми облаками; бывают звёзды – огромные и как будто более близкие. Здесь бывает и день, и ночь, но солнца никогда не бывает.

Все цвета выглядят иначе: есть и яркие, сочные, и тусклые, приглушенные оттенки, которых я раньше не различала.

Я вижу множество мест, в которых никогда не была: маленькие курортные городки с начинающими ветшать домами, деревеньки с высокими дощатыми заборами, глухие чащи лиственниц и каменный мост через горную реку с прозрачной водой.

Я вижу множество незнакомых лиц, у этих незнакомцев незнакомые мне голоса и одежда.

Многие поступки, что я совершаю здесь, совершенно мне не свойственны: ходить по улице, завернувшись в одеяло, дерзить в ответ нахамившим мне людям, переплетать свои пальцы с рядом стоящим незнакомым парнем – и всё кажется

ся нормальным, ничего не смущает.

Я отчетливо понимаю, что сплю.

Меняются места действия, обстановка, сценарий, и я вновь нахожусь в центре событий.

Раз за разом, раз за разом, снова и снова.

И не могу проснуться.

Иду босиком по влажной грязи и ощущаю теплую, жирную землю, просачивающуюся между пальцами ног; мерзну, когда меня обливают холодной водой; чувствую тепло, если кто-то обнимает до меня. Мне хочется умыться, если я шла по пыльной дороге; мне становится страшно, если сумерки сгущаются, а я в незнакомом месте; я смеюсь, если кто-то из действующих лиц шутит, но – как с солнцем – никогда не плачу. Если ем, никогда не чувствую вкуса, у меня не стираются ноги от многочасовой ходьбы и нет боли, если я ударяюсь.

Я ясно осознаю, что сплю. Но, как бы ни хотела, я не могу проснуться.

Сколько это продолжается?

Сюжеты случайным образом обрываются и начинаются, меняются места, лица, роли: и я снова действую по сценарию, сгенерированному для меня.

Сколько я уже сплю? День? Два? Неделю?

Раз за разом, сюжет за сюжетом.

Почему я так долго сплю? Что было до того, как я уснула?

Не могу вспомнить.

Попадая в новую ситуацию, я становлюсь другой. Я понимаю, кто я для этих людей, что происходит в ситуации, начинаю подыгрывать им, играю свою роль. Помню, что была и подругой, и возлюбленной, и сообщником, и попутчиком, и жертвой... Помню, как помогала людям и спасалась от них, помню, как пыталась решить чьи-то проблемы и создавала еще большие, помню, как искала что-то и как пряталась. Все как в жизни, только жизней много и каждая из них – не моя.

Моя жизнь – другая. Я – Ника, от полного «Авионика»: такое имя дали мне родители – фанаты самолётов и приколов.

Мне двадцать лет. Я учусь на втором курсе.

Кстати, я занятия не проспала? Ладно, раз всё равно проснуться не могу, потом наверстаю. Если проснусь.

Если бы я так долго спала дома, мама бы заметила. Значит, я не дома.

Последнее, что могу вспомнить о реальности: полумрак, тепло, и меня клонит в сон.

Точно. Я, наверное, на занятия уехала.

Мы что, попали в аварию?..

Я что, умерла?..

Это что: рай?

Если честно, какой-то он стрёмный.

От мысли о смерти даже почему-то не грустно. Не испытываю ни облегчения, ни сожаления, ни отчаяния – одно равнодушие. Впрочем, эта реакция может быть и недоступна

персонажу, которым я сейчас являюсь в этой части сна.

Локация в данный момент – это горная деревня, где дома деревянные и строятся одной стороной основания опираясь на гору, а другой упираются в могучие стволы деревьев. Мне очень хочется пройти по деревянным мостикам, соединяющим один такой домик на дереве с другим, заглянуть посмотреть, как выглядят изнутри эти деревянные палатки. Над головой в просвете крон чистое небо, уютно шелестят иголки и воздух не такой густой. Я делаю шаг на мост, а потом по лестнице вверх: и подо мной проседают ступеньки. Неэлегантно всплеснув руками, я проваливаюсь в пустоту. Сердце ёкает: в первую секунду страшно падать, во вторую вспоминаю, что я во сне и разбиться насмерть не могу, в третью – жалею, что покину эту локацию не насладившись исследованием.

На четвертую секунду меня охватывает паника: падение длится слишком долго. Скорей бы все закончилось!..

И вдруг боль вспыхивает во всём теле разом. Я мечусь, пытаюсь спастись, убежать от этого, вон из тела: но в какую бы часть себя не метнулась, там меня поджидает боль – режет, скручивает, тупо пульсирует. Глаза режет, будто они засыпаны песком, от сухости щиплет в носу. Губы лопаются с хрустом рисовой бумаги: хочу закричать – но не выходит ни звука. Сухое горло саднит: воздух застревает, не реализовавшись криком.

Боль пульсирует в левой руке до самого плеча. Ужасно

сдавлена грудная клетка: меня охватывает ужас от того, что я не могу нормально дышать.

«Нет! – Охватывает меня отчаяние. – Помогите!!».

Чувствую мягкое прикосновение к плечу – и инстинктивно всем телом поддаюсь вперед в надежде на спасение.

– Сейчас, сейчас! – слышу я чье-то воркование над ухом. Хочу ухватиться за спасителя, но почему-то не могу: руки не поднимаются вверх, словно что-то их держит.

Теплые и мягкие пальцы ловко раскрывают мои веки, чтобы увлажнить глаза; влажный ватный тампон смачивает губы. Жидкость, который прыснули мне в рот, взламывает сухую корку на языке, попадает в глотку. Поперхнувшись, откашливаюсь во всю мощь собственных легких: от любого движения все тело пронизывает боль. Слезы хлещут из глаз: меня переполняет боль, гнев и благодарность.

Это не сон, не сон, не сон!

Я вернулась!

О боже, я проснулась.

Рэй

Наверняка каждому из людей, появившемуся на свет, хотелось бы знать, для чего он родился. Было бы неплохо, если бы где-нибудь действительно был талмуд, в котором черным по белому было бы написано: «Рожден, чтобы...».

Я бы с удовольствием прочитал.

Для чего я родился? Кем должен был стать? Что должен

был сделать?

О чем бы я ни мечтал, ничему не суждено было сбыться.

Когда я был маленьким, мне нравились мотоциклы, трансформеры и Настя Коваленко. Тогда всё было просто: я куплю себе мотоцикл, буду делать такие трюки, что у всех голова закружится, и сделаю Настю Коваленко Настей Петровой. Всё было ясно, и меня всё устраивало.

А потом однажды во время дворовой игры в футбол мне прилетело мячом: я очнулся через полминуты, увидел над собой взволнованных друзей и почувствовал привкус крови во рту. «Ранка и ранка, подумаешь!» – я не придал этому значения. До свадьбы заживёт.

Но проходили дни, а привкус крови становился лишь сильнее. Месяц, два – я уже начал привыкать к этому, сплёвывал каждые две минуты. Мать ругалась, говорила, что это некультурно, говорила перестать, чтоб не позорил их с отцом.

А потом мы отправились в поездку. И тут, посреди толпы около очередного культурного наследия, меня вырвало от ощущения крови. Я потерял сознание.

Когда пришел в себя, пришлось объясниться. Мать не нашла ранки во рту, и мы пошли по врачам.

Мы сидели в очередях, ходили из кабинета в кабинет, врачи разводили руками, мама грозилась министерством здравоохранения. Мы пошли в платную клинику, где ходили из кабинета в кабинет, не сидя в очередях. Меня просили нари-

совать картинки, объяснить свои ощущения, полежать спокойно в аппарате, не двигая головой. В итоге доктор что-то долго объяснял матери, мама расплакалась. Потом она собрала сумку и увезла меня в психушку на стационар.

После двух недель среди странных людей и непрерывного привкуса крови во рту я отказался возвращаться туда. Когда я был в своей комнате, где никого не было, мне было хорошо. Я не понимал, зачем мне возвращаться обратно.

Мать настояла, чтобы я сходил в школу. Естественно, там всё только усугубилось.

После школы сразу она увезла меня опять в психушку.

«Две недели, – убеждала она, – всего две недели».

Но был целый месяц, до тех пор, пока глава не пришел за мной. Тридцать дней людей утром, в обед и вечером – привкус крови 24/7. Тридцать дней лекарств, от которых спишь по восемнадцать часов в сутки. Тридцать дней безвкусной еды, сна на продавленном матрасе и неменяемого окружения.

И однажды появился глава. Хоть кто-то, наконец, объяснил мне, что происходит.

Мать, отец, мотоцикл и Коваленко забыты – не для той жизни, оказывается, я родился. Как мне быть среди живых, если я чувю их кровь как акула – за версту?

Для чего мне дан такой бессмысленный потенциал? Разве не очевидно, что живое и мёртвое с большой степенью вероятности можно различить по внешнему виду? Да и кому

может вообще понадобится такая информация? У нас что, зомби Апокалипсис на горизонте? Или нужно определить, жив ли человек после криозаморозки?

С момента, как я стал частью организации, не проходило и дня, чтобы я не задавал себе эти вопросы.

Здесь со мной были глава и Камэл – постоянно твердили, что любой потенциал необходим, но как-то это всё неубедительно. Способность исцелять, чрезмерная выносливость, сновидение, замедленный метаболизм наверняка полезны, но как применить лакмус жизни и смерти?

И вот, небеса смилостивились надо мной и послали феномен: мертвую девушку, тело которой живо.

Внешний вид всех убеждал в том, что она жива, и лишь я мог сказать, в чем подвох. Там, где обманули глаза, отреагировал мой потенциал.

С одной стороны, это меня обрадовало: я, наконец-то, был полезен. Но, с другой стороны, я что, родился лишь для того, чтобы каждое утро вглядываться в это унылое лицо?.. Столько мучений – и всё ради этого?

Впору поностальгировать о зомби Апокалипсисе, криозаморозке и трансформерах.

Девушка, лежащая в изоляторе, вызывала во мне смешанные чувства. Я помнил и восторг от того, что она восстала из мёртвых, и ужас от противоестественности этого, страх смерти, преследовавший нас в машине, и зависть к потенциалу, которым она, вероятно, обладает. «Погибший при ис-

полнении охотник», «отравляющая аура», «возвращенный с того света человек» – любая часть ходящих о ней слухов, до мозга костей пробирала крутостью.

Она при любом раскладе встречала Андрэ: думая об этом, я преисполнялся благоговением.

Но, каждое утро глядя на неё сквозь окошко двери, ничего крутого я не видел.

Как ни крути, это была обычная девчонка, которых пруд пруди.

Я не хотел сомневаться ни в словах главы, но мне кажется, он ошибся.

Авионика

Знаете выражение: «родился в рубашке»? Это про детей, которые рождаются в околоплодном пузыре.

Представьте, как мечется внутри склизкого мешка новорождённый, исторгнутый из давящего, теплого материнского чрева в разряженный, холодный мир. Представьте, как он отчаянно елозит лицом по отвратительно прохладной, покрытой слизью пленке, силясь прорвать ее и инстинктивно сделать вдох, но ему это никак не удастся. Красноватый свет, пробивающийся через сомкнутые веки, начнет меркнуть от недостатка кислорода. Сознание гаснет, трепыхание внутри мешка прекращается.

И лишь только если чьи-то руки заботливо разорвут тканевой покров, прохладный воздух отрезвляюще хлестнёт ли-

цо и обожжёт лёгкие.

Я приходила в себя так же. Глаза мои были открыты, но не видели. Я была полна боли, но не могла различить, что конкретно болит. Мысли в голове метались от: «Пожалуйста, пусть это будет не сон!» до «Как же больно, ёб твою мать!».

Способность мыслить разумно возвращалась постепенно. Приходила девушка, что-то спрашивала: я её видела, слышала, но абсолютно не понимала, что должна сделать. Она что-то подправляла в капельнице, подключенной ко мне, и приятная истома разливалась по телу. Никакой боли, только умиротворяющее колебание от собственного пульса.

Я смотрела прямо перед собой и довольно долго не могла осознать, на что направлен мой взгляд. Потребовалось время, чтобы идентифицировать: это – стены. Светло-голубые, крашенные. Потолок: подвесной, белый, несколько квадратов светятся. Пол: из белых керамических пластин, их ещё глазурию покрывают – не могу вспомнить термин. Две двери: первая – массивная, с узким окошком, в стене слева от меня, вторая – похожая на межкомнатную – в стене напротив. Из обстановки: кровать, на которой я лежу, какое-то медицинское оборудование по бокам от неё. Сине-зеленое покрывало, белое постельное белье, белая медицинская рубашка на мне.

Поначалу было очень похоже на обычную больничную палату.

Пока я не решила устроиться поудобнее.

Шевельнулась – и обнаружила неладное: обе руки там, под покрывалом, были зафиксированы. На короткой привязи: сантиметра три хода вокруг поручня.

Левая рука была в гипсе: я ощущала его тяжесть, ощущала болезненную пульсацию вокруг костей. Возможно, был смысл ее фиксировать: чтобы я случайно не повредила, пока сплю. Но с правой рукой было всё в порядке: зачем привязывать её?

Попытавшись двинуться ещё и ещё, я довольно скоро убедилась, что к койке привязана накрепко.

«Ерунда какая-то!». Я такое только в фильмах видела: про душевнобольных.

Раздраженное сознание начало цеплять другие странности, на которые я поначалу не обратила внимания.

В палате ни одного окна: ни обычного, в стене, ни идущих вдоль потолка, чтобы выводить свет в коридор. Свет тут только от потолка. Единственный намёк на окно – это узкая стеклянная вставка на металлической двери.

Будто подвал какой-то.

Куда ведёт вторая дверь? Одна из них наверняка соединяет с остальным зданием, а за другой что? Кладовка? Санузел? Врач? Если врач, то почему никто не приходит? Должны же за мной как-то следить?

Но ни камер, ни датчиков дыма: ничего подобного нет.

Ни врачей, ни медсестер, ни санитарок. Из коридора не слышно шума. Будто вся эта больница вымерла.

Ни одного предмета мебели в комнате, кроме кровати: ни стола, ни стула, ни табуретки. Кряхтя от боли, прошивающей тело, я несколько раз рванулась на кровати.

Так и есть. Кровать либо очень слишком тяжела, чтобы сдвигаться с места, либо привинчена к полу.

«Сумасшедший дом какой-то».

От новых вводных становилось жутко. Выгнувшись, я пыталась отдышаться и отвлечь мозг от разбуженной боли в теле. С каждым ударом сердца правая нога и загипсованная рука словно разбухали, прошиваясь болью. Почувствовав мокрые дорожки, уходящие по щекам за уши, поняла, что даже слёзы себе вытереть не смогу.

Что происходит? Что случилось? Почему я сейчас так беспомощна?

Боль в теле явно указывала, что это не сон. Это была чрезвычайно странная, не похожая на мою жизнь, реальность. Она ставила в тупик, пугала и отчасти унижала.

Но глубоко в душе я была рада снова оказаться тут, а не во сне. Оказаться дома.

Энола Гай

Первое, что спросила Ника, когда пришла в себя, было: «Где мои родители?».

«Родители».

Будто кипятком в душу плеснула. Я опешила так, что не сразу сообразила, что ей ответить.

«Родители».

Я уже и забыла, что кто-то может их призывать. Что это слово имеет положительное значение.

У меня свои счеты с этим явлением, потому что я – горе-родитель. Родитель-дуритель, родитель-губитель, родитель-в-аду-потом-горитель.

Из-за невероятной беспечности внутри меня завёлся ребёнок. К чаду я была не готова и абсолютно, совершенно, решительно его не хотела. Но поскольку, как оказалось, детёныш мне достался с потенциалом, охота забрала меня прямо из городского абортария, в халате и тапках. До сих пор не понимаю, как главе удалось меня уговорить поработать на него.

Он долго и вкрадчиво говорил про потенциал ребёнка – крайне замедленный метаболизм, который заодно замедляет и метаболизм моего тела. Не знаю, как на деле, но мой иммунитет стал крепче, я стала выносливее, и почти не изменилась за те одиннадцать месяцев, что нахожусь тут.

А ход моей беременности соответствует девятой неделе.

Глава молил о помощи, говорил аргументированно и я не устояла: стыд от своей глупости, страх порицания, страх вмешательства в здоровье, опасение о будущем, отрицание правильности и неправильности – всё смешалось тогда в моей голове. Я подумала: «Почему бы не взять паузу, чтобы все обдумать?». Мы договорились с главой, что я буду помогать им, пользуясь потенциалом ребёнка, до тех пор, пока

избавиться от беременности будет безопасно. А потом будет аборт и я вернусь домой.

Глава не настаивал на рождении потенциала. Это склонило чашу весов.

Титул «худшая мать» – однозначно мой. В своё удовольствие пользуюсь потенциалом ребенка, считая дни до его смерти.

«Родители».

Своих я уже не помню почти: как переехала в Россию, домой больше не ездила. Стыдно признать, но уже не могу вспомнить их лица, внешность, даже какого они роста. Когда вернусь в мир, надо будет, наверное, навестить. Придется объяснить, конечно, где я была, что со мной случилось и почему все это время я не выходила на связь. Если меня искали, батя наверняка разозлился, узнав, откуда именно я пропала. Нужно будет объяснить, куда делся ребенок и от кого он вообще был.

Если б я знала. Неизвестно, когда вообще случилось это зачатие, с такими-то особенностями плода.

«Родители».

«Мама», «мать», «матушка». «Отец», «батя», «папочка». Тут ни от кого не услышишь подобных слов.

Мать Камела путалась с десятком мужиков и рожала детей всем, кто попросит: то ли миссия у неё была такая, то ли кто убедил её в живительной силе беременности – непонятно. Камел был случайным первенцем, рожать которого не

просили – от этого, наверное, он так ко мне расположен, и моё решение в отношении ребёнка не осуждает.

Мать Ё-ны известная на весь мир пианистка и живет в Австралии. Отец – тоже пианист, только пьянствующий и в Москве.

Родители Рея потомственные педагоги: мать преподаватель математики в техническом ВУЗе, отец – физики в средней школе.

«Родители».

Мать Камела со стороны наблюдала, как очередной хахаль воспитывает из её старшего сына «настоящего мужика». Чем жёстче были методы, тем «настоящее», видимо, должен был вырасти Камел. Папашки и сбегали-то, наверное, испугавшись осознания, насколько жесткими способами расправлялись с пасынком. Последний был натуральным садистом, настоящим отморозком: из-за него Камел и попал сюда.

Ё-на не могла отличить сон от реальности, и, в конце концов, не придумала ничего лучше, чем в качестве проверки травмировать себя – во сне не больно и кровь не течёт. Однажды её, всю в крови и порезах, застукала мать и увезла в больницу, где, ничтоже сумняшеся, Ё-ну поставили на учет как суицидницу. Из-за этого потом Ё-не не дали визу в Австралию, и мать, немного посомневавшись, уехала без неё.

Родители Рея и вовсе сдали его в психиатрическую лечебницу из-за «галлюцинаций» – так они объясняли себе его потенциал. Рей, до того, как попасть сюда, лежал там два-

жды: беспрерывно находясь в контакте с людьми – натурально чуть с ума не сошел от постоянного ощущения крови. А родители, консультируясь с врачом, просили оставить сына подольше, раз тому не становится лучше.

«Родители».

Ещё никто на моей памяти здесь родителей не звал даже в бреду. Это заставило меня вспомнить о чём-то далёком, людском; заностальгировать.

Я и забыла, что это хорошее слово.

Это были мои чувства, мои ощущения, потому что если бы это был плод, он наверняка бы разозлился.

Авионика

Долгое время я не могла понять, что происходит. Где я нахожусь? Почему я здесь? Что это за место?

А дальше становилось все только хуже.

Сначала появилась девушка, которая, вроде как, за мной ухаживала.

Пышное каре вьющихся медно-красных волос, сочащаяся звездным светом белизна кожи, усыпанные веснушками лицо и плечи, серо-зеленые глаза, очаровательный румянец, добрая улыбка. Она добро выглядела, добро говорила, добро смеялась – но не ответила ни на один из заданных мною вопросов.

Почему она избегает ответов?

Потом пошли странности посерьёзнее. Она сказала, что

я могу называть её «Энола Гай», «Энола» или «Гай». Говорила она на чистом русском, и, не смотря на внешность, не похоже, что это её настоящее имя. Далее она объяснила правила: что я должна сказать, если хочу пить, есть или в туалет. Как мы будем проводить процедуры, с какой периодичностью. Спросила, не нужно ли мне что-нибудь прямо сейчас.

«Нужно! Скажи: где я и что со мной? Что происходит?!».

Она сказала, что на это может ответить только глава, он скоро придёт, и чтобы больше эти вопросы я ей не задавала: она не сможет ответить. И предложила вместо этого, если я хочу поговорить, поиграть в «слова».

Так я и поняла, что она – сумасшедшая.

Помню, как испугалась. Помню, как кричала, что похищение – это преступление, и меня будут искать. Помню, как требовала, чтобы меня отпустили домой.

«Энола» просто удалилась.

Меня охватил ужас.

Где я? Что происходит? Что со мной? Как долго я тут? Где мои родители? Меня ищут? Как отсюда выбраться? Что делать, если она придёт снова? Что делать, если она решит от меня избавиться сейчас?

Я металась по кровати и рыдала. Я была привязана, у меня все болело, и я понятия не имела, что со мной будет.

Что мне делать? Что делать? Что делать?

«Глава»? С ней есть кто-то еще?

Что мне делать? Что делать? Что делать?

Я лихорадочно шарила взглядом по палате в поисках какого-нибудь оружия. Они придут меня убить. Мне нужно за себя постоять.

На глаза ничего не попало. Горячие слезы разъедали лицо. Страшно болела загипсованная рука. Простреливало в виске от каждого удара сердца. Я вытирала сопли о плечи, потому что иначе никак.

Никогда раньше я так не боялась за свою жизнь. И никогда в жизни не была столь беспомощна.

Прошло около часа, может, больше. Ни «Энола», ни «глава» не появлялись. Я немного успокоилась. Появились другие мысли.

Какой смысл им меня лечить? Оборудование вроде современное. Если это подпольная клиника и им нужны мои органы, то для чего лечат сломанную руку?

Если похитили меня ради выкупа, то почему так прямо не скажут?

Если я просто в какой-то частной клинике, то почему они не спрашивают, как связаться с моими родными по поводу оплаты?

Чем больше я думала, тем больше не понимала. В конце концов, усталость от моей бессмысленной борьбы и ожидания вытеснила страх.

От рыданий и боли я вырубилась. Когда проснулась снова, пришла «Энола Гай». Она улыбнулась, пожелала доброго

утра и указала на поднос с завтраком.

Усталость никуда не делась, но страх немного отступил. Мне было все равно. Если она решила меня отравить, пусть это закончится поскорее. Я послушно открывала рот и думала, что меня травят очень вкусной овсянкой. Наверняка, она добавила больше сахара, чтобы отбить горечь яда.

Но ни после завтрака, ни после обеда, ни после ужина я не умерла.

«Энола» молча ухаживала за мной: меняла утку, перестирала белье, обмывала тело. Движения её были бережными, а улыбка казалась искренней. Я молчала и напрягалась каждый раз, стоило ей появиться. Но ничего такого не происходило: она вела себя как обычная сиделка, и удалялась за межкомнатную дверь.

Спустя три дня взаимного безмолвия, я начала игру в «слова».

Камел

– С возвращением! – улыбается мне завобмундированием, принимая назад выданную на задание одежду. И больше ничего не спрашивает, потому что понимает: если стою перед ним сам, значит, задание выполнено.

Это лишь вежливость, но всё равно приятно.

Теперь с административными делами покончено, и можно отдохнуть, пока не назначат новое задание. Обычно я не знал, чем себя занять, но сейчас всё иначе. Мне нужно сроч-

но поговорить с Реем.

Отдых подождёт: есть дело, которое не даёт мне покоя.

Рей открыл не сразу: не ожидал гостей, искал повязку.

– Здравов! – я привычно ткнул его в плечо. Внезапно понимаю, что за почти полтора месяца задания ни разу не говорил. Отвык.

– Здравов! – Рей улыбается и пожимает наощупь мне локоть. – Всё норм?

– Всё путём. Как ты? – отмечаю, что лицо Рея заострилось. Это странно: прорицаний в разработке было не так много, его не должны были загружать работой. В большую часть времени Рей работает аналитиком – так он почти не пересекается с людьми.

– Так себе, – саркастично ухмыляется он, пропуская меня в комнату и закрывая дверь.

Комнаты у нас типовые, но обстановку каждый берёт на себя. Мы с Реем ровесники, но комната у него как у подростка: обвешана плакатами с мотоциклами. Если подумать, это – единственные мотоциклы, которые у него в жизни остались: уложив в психушку, родители навсегда лишили его водительских прав.

– Но про меня ли ты хочешь узнать, дружище? – этот гад откровенно подтрунивает надо мной. – Думаю, тебе больше интересно, что стало с одной нашей общей знакомой. Жива ли она или...

И замолкает, ожидая моей реакции.

Две секунды тишины, пять, десять. Ну и жук!

– Или? – не выдерживаю я.

Рей хихикает. Победил, победил, а теперь – говори!

– Она всё ещё в изоляторе, – отвечает Рей уже без смеха.

Услышав это, я немного расслабился. Рей продолжает: – Си-няки проходят, раны затягиваются, кости срастаются, – делает паузу, словно собираясь с мыслями. – Она даже вроде как пришла в себя.

Ого!

– Но это совсем не тот человек, которого искал глава, – быстро договаривает Рей и повисает тишина.

Холодок пробегает у меня по спине. «Не тот»?

– Это не потенциал?

– С потенциалом вопрос очень странный, – понизив голос, отвечает Рей. – Тот потенциал, который глава хотел получить, весьма непрост в диагностике. Поэтому, – лицо Рея опять искажается горькой усмешкой, – твой покорный слуга по приказу главы каждый день навещает нашу общую знакомую.

Час от часу не легче. Рей не переносит вида людей, и глава об этом знает.

– И как результат?

– Как в первый день. Мертвечина.

Абсурд какой-то. Объект выздоравливает, но при этом не опознаётся как живая. Но даже так, что может диагностировать Рей? Обратный поток ауры опознается как смерть?

Две души в одном теле опознаются как смерть? Воскрешение опознается как смерть?

Как Рей, природа потенциала которого – физическая, он чувствует запахи – может различить нечто такое, ментальное?

С другой стороны, что ещё может сделать глава? Если поставить себя на его место, остаётся только наблюдать, как она выздоравливает, и мониторить ментальные изменения.

– Ты вот еще о чем поразмысли, – так же тихо призывает Рей, видя, что я глубоко задумался, – глава говорит, что диагностировать отравляющий потенциал, рискнув чьей-то жизнью ради этого, он не может. Но при этом закрепил в качестве сиделки за ней Энолу Гай.

Энола Гай – это охотник на потенциал, что присоединилась совсем недавно – около года назад. Поэтому, наверное, глава и поручил ей это задание: она еще не забыла человеческий мир. Не могу понять, что так смутило Рея.

– В любом случае, – с усмешкой продолжает Рей, – Крушина там или нет, но явно девчонка с характером. Энола Гай прямо расцветает, пока о ней рассказывает. Энола-то! – опять эта горькая усмешка. – Представь: она неделю приставала ко всем, просила CD с музыкой для своей подопечной. CD диски, представь! Это в нашей цитадели! А так из развлечений у них есть логические игры: «слова» там, или «муха». Но на днях Энола хвасталась, что девчонка знает слова «абсцесс» и «адажио». Как будто ей не двадцать лет, а две-

надцать.

Не ожидал такого от Энолы Гай. Мы мало общались, но довольно коротко сошлись: в основном, говорили о прошлом. Предположить в ней, расчетливой и логичной, такой уровень заботы я не мог. С другой стороны, если в тело объекта действительно обладает потенциалом Крушины, то просто находиться рядом с ней опасно всем.

Кроме потенциалов вроде Энолы, и, например, меня.

Эта мысль не даёт мне покоя уже долгое время. С одной стороны, это задание перестало быть моим, когда охота закончилась, и соваться в него без прямого приказа главы как-то неправильно. С другой стороны, мне нет-нет да вспомнятся то изломанная фигура с искрящимися золотом волосами, то вес тела, давящий на моё плечо, то тепло крови на моей спине, то злоба, искажившая её лицо в момент нападения на главу, то усилие, что пришлось применить, удерживая её. Думая об этом, я ощущал какую-то незавершенность, поэтому снова и снова воспоминания эти возвращались.

Наверное, мне не давало покоя незнание, насколько сильно я травмировал объект – совесть заела. Тут как с привязавшейся песней – чтобы избавиться от назойливой мелодии в голове, нужно дослушать до конца. Но какой найти повод, чтобы снова увидеть объект?

На этот вопрос ответил, сам того не зная, Рей.

– Задание-то ты как вынес? Почти полтора месяца без смены картинки: какого?

Да хреново. Было тоскливо: посреди безлюдных просторов, где из развлечений – гадать, в какую сторону и какой высоты метель сугроб наметёт, – у меня была лишь музыка, но за полтора месяца она мне опостылела.

Так и ей, наверное, надоело общество одной лишь Энолы Гай. А быть рядом не может никто, кроме Энолы и, например, меня.

Шагая в санчасть, я был на подъеме, но, взявшись за ручку двери изолятора, внезапно оробел. Смогу ли я объяснить свой поступок главе? Не решаясь зайти, я заглянул сквозь узкое дверное окошко.

Она лежала, закрыв глаза, слегка отвернув голову, и, судя по проводам от наушников-капелек, слушала музыку. С неё сняли повязки: темно-русые волосы до плеч, завивающиеся на концах колечками, частично закрывали лицо. Тонкая шея, ключицы, торчащие из ворота голубой медицинской рубашки, белизна гипса на левой руке. Кисти рук прикреплены к кровати фиксаторами.

Они боялись, что она нападёт на Энолу так же, как на главу?

На этом можно было бы и закончить: я увидел, что объект жива и от последствий моей первой помощи не страдает. Можно было бы спокойно возвращаться к своей привычной жизни.

Но она вдруг повела головой, и левый наушник выпал из уха.

«Сама она не может поправить, у нее привязаны руки».

Я оказался у кровати быстрее, чем эта мысль промелькнула в моей голове.

По дрогнувшим ресницам, нахмурившимся бровям, напряженным мышцам шеи, отвернувшим голову в сторону, я понял, что она знает о моем присутствии. Почему-то меня это позабавило: «Игнорируешь? Игнорируешь даже будучи в таком уязвимом положении?».

Рей не соврал – характер налицо.

– Я – Камел, – хрипло выдавил я: давненько мне не приходилось представляться кому-то. Прочистив горло, продолжил. – Я... Мы уже встречались, но, наверное, ты меня не помнишь.

Полный игнор. Из движений – одна лишь пульсация артерии на шее. Но я уверен: она вся внимание.

Я впервые видел её в нормальной обстановке: не в аварии или драке – и по привычке охотников отмечал особенности. У её темно-русых волос приятный платиновый блеск, на видной мне части лба две тонкие полоски свежих шрамов, и еще подживающие розовые рубцы покрывают плечи. На левой ключице целая дорожка синюшных следов от подключичного катетера, на пальцах загипсованной руки аккуратно подстрижены ногти. У нее приятные черты лица, прямые и придающие лицу строгий вид, но аккуратное девичье ушко, робко проглядывающее через волосы. И очень длинные ресницы, от которых залегает тень под глазами. У ресниц тот

же, что и у волос, платиновый отблеск.

Шум из выпавшего наушника перестает доноситься: диск кончился. Почти минуту я стоял, разглядывая её, в абсолютной тишине и полнейшем игноре: и это меня крайне развеселило. «Я в курсе, что ты тут, но даже если я привязана к кровати, это не значит, что у меня нет права выбора. Я выбираю тебя игнорировать. Тебя не существует. Пшел вон».

Эта гордость показалась мне ужасно милой.

Достаю свой МРЗ-плеер, добытый на задании, разворачиваю накладные наушники. Если подумать, мне на пользу, что сейчас она привязана.

Протянув руку, осторожно отвожу упавшую на лицо прядь её волос за ухо: и, наконец, достаиваюсь реакции. Гневный взгляд – до чего же глубокий серый цвет глаз! – прямо в душу.

– Я хочу дать тебе послушать другую музыку – эта, наверное, надоела? – говорю вкрадчиво, словно иностранке, и показываю наушники. – Я надену их на тебя?

Ни «да», ни «нет», ни «угу». Гнев в глазах сменяется недоверием.

– Нужно убрать волосы, чтобы не мешались. Я уберу?

Ни «да», ни «нет» – лишь неотрывно смотрит прямо на меня. Какое-то странное чувство свербит в груди, пока убираю прядь за ухо.

Охотник во мне привычно отмечает, что волосы у неё на удивление гладкие, а щека – прохладная.

Аккуратно надеваю наушники. То, как я над ней нависаю, навевает воспоминания о прошлой нашей встрече на этой кровати.

Девушка не шевелится, только внимательно и сердито следит за мной, словно из засады.

– Надеюсь, тебе нравится рок-музыка, – дружелюбно улыбаюсь я.

Конечно же, безответно.

Включаю песню, что была моей любимой, уставившись в ответ в эти серые глаза: никогда б не подумал, что гляделки могут быть такими весёлыми. «Слушай, упрямая ты бука, надеюсь, тебе понравится». Проходит десять секунд, двадцать, тридцать – трек доходит до припева – и, наконец, её взгляд смягчается. Похоже, альтернатива ей по душе. Она закрывает глаза и откидывает голову направо: видимо, в таком положении ей удобнее всего. А я, пока наблюдал за реакцией, думал: до чего же она изменилась. Конечно, я встретил её не в лучший момент жизни, но, если бы просто так встретил в коридоре, вряд ли узнал.

Прислушиваюсь: не слишком ли громко? Всё-таки её голова пережила много испытаний – не хотелось бы вызвать боль. Мельком смотрю на сиротскую пару CD дисков на тумбочке: судя по аляпистым обложкам, это было не самое интеллектуальное музло. Что ж, в плеере у меня больше музыки, чем в них вместе взятых, раз в сто. Усмехаюсь: «Теперь надолго хватит». Пытаюсь вложить плеер ей в руку, чтобы

она могла перелистывать треки сама, как вдруг:

– У меня в сумке, – её голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности, – был телефон. Он сломан?

Она искоса смотрит на меня: скорее испытывающе, чем враждебно. Пока я запоздало соображаю, что ответить, она вновь закрывает глаза и отворачивается:

– Вся моя музыка там.

Мне нечего ей ответить, и она не произносит больше ни слова. Пальцы загипсованной руки обхватывают плеер, и я автоматически отмечаю, какие крошечные у неё ногти, по сравнению с моими. Потоптавшись беспомощно ещё полминуты, ухожу. Она не окликнула меня, да и, в общем-то, зачем.

Чувство какое-то смешанное. Точно понятно лишь одно – последней эта встреча точно не станет.

И голос у неё не такой высокий, как я ожидал.

Глава

Время обеденное: Энола Гай должна отправиться в столовую – поесть сама и принести обед своей подопечной. Это значит, что у меня есть минут пятнадцать, чтобы тайком взглянуть на артефакт, укрытый в дальней палате.

Я могу приходить и официально, но пока предпочитаю без лишних глаз. Всё оказалось несколько сложнее, чем было запланировано.

Она всё ещё выглядит болезненной, хотя смело идёт на

поправку. Раны затягиваются, синяки рассосались, скоро можно будет снять гипс. Серьёзных повреждений скелета или внутренних органов нет: просто чудо, учитывая, что с ней случилось.

Как ни посмотри, на Крушину она нисколько не похожа. С другой стороны, с чего им быть похожими – это тело другого человека. Тело Крушины разошлось на молекулы.

Судя по докладам Энолы Гай, «Авионика», пришедшая в себя, всегда была «Авионикой», и ничего похожего на поведение Крушины в докладах я не заметил. Разве что угрюмость и молчаливость – но, как бы мне не хотелось принять это за доказательство успеха миссии, это скорее естественная реакция на нестандартную ситуацию. Я запретил Эноле Гай говорить, где она находится, по какой причине к ней не пускают родных, и что вообще происходит.

Сомнительное доказательство и ощущения Рея, опознающего её как мёртвую: биологически девушка стопроцентно жива. Его нестандартное восприятие её может означать что угодно в равной степени.

И всё же я уверен: в тот раз, самый первый раз, за горло меня схватила Крушина. Дам руку на отсечение: я узнал эту силу, этот гнев, эту боль. Я видел их в тот, последний миг, когда она осознала, что умирает. Я помню, как она рванулась ко мне – хотела забрать меня с собой. Тогда не смогла.

Но вот, наконец, добралась: протянула ко мне руки с того света, через время и расстояние. Она прошла через всё это,

чтобы меня убить.

От одной этой мысли моя кровь закипает в предвкушении.

Но что же случилось после того, первого раза? На протяжении стольких недель, находясь рядом со мной, она абсолютно не реагировала. Все потому что была без сознания? Или потому что это была не Крушина?

««Авионика»? Не смейся меня. Ты там, я знаю».

Преисполненный предвкушением, толкаю дверь и захожу в палату.

«Авионика» недоверчиво глядит на меня, но в её взгляде я не нахожу ничего знакомого. Любопытно, что она не удивилась моему приходу.

– Добрый день! – пускаю в ход всё обаяние, что есть, и стараюсь подойти к кровати как можно увереннее: хотя ещё помню, как она застала меня врасплох в тот, первый раз. Конечно, сейчас её руки зафиксированы, но Крушина всегда была изобретательна в атаках. – Авионика, так?

Молчание в ответ. Взгляд становится надменным: небеса милосердные, что за экземпляр рода человеческого мне достался! Не разочаруй меня, я много жду после таких многообещающих реакций!

– Ты, похоже, не удивлена. Знаешь, кто я?

В этот раз пауза не длится долго.

– Полагаю, вы чей-нибудь начальник, – небрежно роняет она. Она холодна и равнодушна, а меня, наоборот, распирает от желания выяснить, что же за диковина передо мной. – Ра-

но или поздно должен был появиться какой-нибудь главнюк.

Словечко, часто употребляемое Крушиной, прошивает током: но обольщаться рано – я слышал это слово и от других людей, это не доказательство. И всё же мне, с одной стороны, до жути страшно быть рядом с ней, а с другой это возбуждает ещё больше.

– Очевидно, что вы не врач, – её взгляд слегка обегает по моим плечам и груди и возвращается к лицу – и смотрит она мне прямо в глаза, не стесняясь и не волнуясь. – Так же, как и то, что это не больница, девушка, приходящая сюда – не сиделка, а это, – она поболтала руками на привязи, – не часть лечения.

Ах, какой взгляд! Какая провокация из угла, в который тебя загнали! Во мне гудит вулкан: либо эта «Авионика» по стечению обстоятельств такая же стерва, как и Крушина, либо их души начали симбиотически влиять друг на друга, существуя вместе. Мне отчаянно хочется, чтобы Крушина была там, в глубине этих серых глаз: у меня руки чешутся оттуда её вытрясти.

Ничего не отвечаю, но блеск в глазах наверняка меня выдаст.

– Для чего я вам? – впервые в её голосе проскальзывает эмоция – недоумение. Моё молчание выбивает её из колеи. – Не думаю, что вы мне помогаете, уж извините. Не думаю, что у вас есть какой-то корыстный план относительно меня. Так для чего я вам?

Передо мной просто напуганная девушка. Теперь досаду чувствую я: не будь такой неинтересной, сопротивляйся.

Я молчу, и она вновь суровее.

– Полагаю, вы хотите меня убить.

Тепло разливается в груди. «Молодчинка, так держать! Как же работает твоё мышление? Чувствуешь опасность интуитивно?».

– Думаю, вы маньяк, – будничным тоном заключает она. – Вы что-то хотите узнать, – пылливо смотрит на меня, пытается считать реакцию, – Что-то относительно тела? – «Ох, не выдать бы себя, не выдать!». – А как узнаете, сделаете так, словно меня и не было?

Эти слова выбивают из меня дух, но следом в голове разливается эйфорическое щекотание. «Так и знал! Ты не могла сама это понять, наверняка это Крушина подсказывает тебе! Она помнит, что такое «охота», она помнит, чем они заканчиваются. Она знает меня, она помнит, что случилось между нами, она велит тебе меня опасаться!».

– Что за глупости! – улыбаюсь как можно более миролюбиво, а сам почти невесом, эйфорическое тепло разливается от груди к кончикам пальцев. – С чего ты это взяла?

– Мне делают уколы и перевязки, заботятся о выздоровлении тела, но вот это, – она подняла руки и продемонстрировала короткий ход привязи, – явно не для моей безопасности.

«Ну давай, Крушина, покажись! Ради этого я даже риск-

ну!».

Опираюсь рукой на кровать, наклоняюсь вплотную, заглядываю в её глаза.

– Это потому, что ты в прошлый раз напала на меня.

«Давай же, давай! Я в зоне атаки!».

Смотрю то в правый, то в левый глаз, ищу намёки, знаки, что подскажут мне, что Крушина там, дрожу от предвкушения удара. Но на меня строго смотрит лишь «Авионика».

Десять секунд, двадцать, тридцать. Сердце колотится. Ничего не происходит. Но вдруг...

– Не без причин, – цедит она.

Мурашки продирают по спине, волосы на затылке встают дыбом. Лоб изнутри черепной коробки словно щекочут пузырьки шампанского.

– Глава?

Вздвогнув всем телом, отшатываюсь от кровати. В дверях стоит недоумевающая Энола Гай с подносом еды. «Чёрт, я и забыл о ней!».

– О, время обеда! – чувствую, как кровь ударяет в лицо. «Улыбайся, и ничего не объясняя, ретируйся». – Не буду вам мешать!

На ватных ногах просачиваюсь в коридор и, обессилив, опираюсь на стену. Меня бьёт мелкая дрожь от гремучей смеси ужаса и восторга. Не в силах совладать с собой, закиваю от смеха.

«Как же восхитительно!! Аааа! До чего же хорошо!».

Камэл

Не знаю, что за затмение на меня нашло.

Стоя у завобмундирования, я твёрдым голосом потребовал отдать мне рюкзак девушки из изолятора. Если бы он задал хоть один вопрос, я бы просто убежал. Но завобмундированием лишь кивнул и через полминуты передо мной лёг прозрачный пакет с рюкзаком внутри.

Я даже опешил от лёгкости, с которой всё получилось.

Пока шел с пакетом до своей комнаты, был скован: если бы хоть кто-то спросил у меня, что в пакете, я бы без разговоров бросил пакет и сбежал. Но никто не спрашивал.

И стоило за моей спиной закрыться двери комнаты, я тут же расслабился: рюкзак теперь в моем пространстве, значит, теперь он мой.

Давненько меня ничто так не будоражило.

Мой трофей выглядел удручающе. Когда-то, может быть, он был аккуратным и симпатичным, но сейчас изломан, и наполовину бурый от засохшей крови. Во мне снова шевельнулась вина: нужно было быть аккуратнее с ней тогда!..

В большом отделении нашлись лопнувшая от удара бутылочка воды, разбухшие от воды и крови тетради, пенал с ручками – всё испорчено. Не пострадал пропуск в ВУЗ, поскольку был заламинирован. «Кафедра лесного дела» – ого, необычно. Преображенская Авионика Дмитриевна – хах, родители у неё оригиналы, конечно. Надо будет узнать потом,

что означает это имя. Третий курс – так-так, ей что, действительно двадцать? На год старше меня: а по ней и не скажешь.

На дне рюкзака, посреди пластиковой трухи, что осталась от футляра помады, и связки ключей, нашелся телефон. Девчачья розовая раскладушка, но корпус металлический – удар выдержал. Сомневаюсь, что потоп он пережил, но внутренности под батареейкой живые. Пробую включить: и, о чудо, монитор загорается.

Правда, телефон совсем разряжен.

Телефон пошел в карман – на новом задании можно будет попробовать зарядить его и перебросить с него музыку.

В отдельном кармашке рюкзака нашлись наушники-вкладыши: слава богу, чёрные. Они тоже в карман – это временно, при случае обменяю на свои.

Пока укладывал вещи назад в рюкзак, опять невольно включил охотника. Обложки тетрадей – в основном пейзажи: утёс, гора, море. У неё крупный почерк, округлые буквы, но почти ничего нельзя разобрать. Иногда попадаются квадратики на полях – Наверное, рисует, заскучав на лекции. Она с силой давит на ручку, когда пишет – продавлиывает лист. Смотрю в пенал: так и есть – у ручек обломанные кончики. Ручки у нее обычные, а механический карандаш очень девчачий. Ластик такой крохотный – почему не купишь себе новый?..

«Хватит!».

Устыдившись, быстро свалил всё обратно и затолкал рюк-

зак под кровать. Сердце часто стучало, мне стало не по себе.

Я поймал себя на мысли, что мне интересно посмотреть, что у неё в телефоне. Что на заставке? Какой у нее рингтон? Что она снимает на фотокамеру?

Мне хотелось узнать о ней побольше.

Телефон жёг грудь через карман. Затмение нашло на меня второй раз за день: я вынул рюкзак из-под кровати.

«Если хочу узнать побольше, можно просто спросить у нее лично».

Никого не опасаясь больше, я шел с рюкзаком в санблок. Ничего не боясь, зашел в изолятор: я нашей встречи прошло не больше двух часов, она не должна была меня забыть.

– И снова я! – веду себя, как идиот, но мне всё равно хорошо. – Добыл твои вещи, – демонстрирую ей рюкзак. – Из-за того, что бутылка лопнула, все внутри пришло в негодность, телефон в том числе. Но если ты скажешь, что тебе нравится, я попробую это достать.

Глаза, полные недоумения. Я готов рассмеяться: она похожа на маленькую птичку сейчас. Такой озадаченный вид!

– Музыка, – говорю я, – вроде той, что я дал – подойдёт?

Неловкое молчание. Она никак не сообразит, что к чему.

– Или найти что-то вроде того? – указываю на CD на тумбочке.

– Нет!

Быстрый ответ! Я готов расхохотаться.

– Понял! Тогда поищу, – рука сама собой козырнула. За-

тмение номер три: в жизни такого не делал. Надо скорее уходить. Мне и стыдно, и смешно.

В дверях нос к носу столкнулся с Энолой Гай. Пока я лихорадочно соображал, как объясниться застигнутому на месте преступления, услышал:

– Спасибо! – подала голос Авионика.

Я оглянулся. Она действительно меня благодарила. Побыв на волоске от смерти, пребывая неизвестно где, с полным отсутствием информации о ситуации и связанными руками она не забыла о вежливости. Отчего-то меня это поразило.

Повисшую паузу нарушила Энола Гай.

– Облигация! – объявила она невпопад будничным тоном.

– Явка! – ответила ей Авионика.

– Актёрство!

– Отечество!

– Отчество!

– Октава, – вырвалось у меня прежде Энолы Гай. Они играли в «слова», и мне захотелось стать частью игры.

От повисшей паузы стало неловко: конечно, как-то глупо с моей стороны лезть к ним двоим, но отчего-то я очень хотел быть причастным.

– Акватория, – откликнулась Авионика, и я воспарил к потолку.

– Яблоко, – подхватила Энола, демонстрируя принесенный на полдник фрукт. И повела глазами в сторону двери: пора б тебе, Камэл, уйти.

– Общество, – ещё пара слов – и пойду. Это просто детская игра: но почему мне так хорошо?

– Одеяло.

– Олово.

– Огниво.

– Вы во что там играете? – возмутилась Авионика. – «Перебери слова на «О»»? «Озорство»!

– Отцовство! – прыснула Энола.

– Отрочество! – выпалил я.

– Да чтоб вас! «Одиночество»!

Мне пора уходить, нужно незаметно вернуть рюкзак обратно, но почему же я до сих пор держусь за дверную ручку?

– Око!

– Окно!

Закрывая за собой дверь, слышу лишь возмущенный возглас:

– Да твою ж налево!..

Давясь от смеха, я сполз на пол по стене. Боже, мне в жизни не было так весело!

Ё-на

«Чудные» сны мне снились, сколько себя помню. Иногда это были нелепые бытовые зарисовки: показываю друзьям котят в кресле, которое почему-то стоит посреди кухни; иногда – что-то на грани фантастики, например, остромордый поезд, передвигающийся, не касаясь рельс. Иногда я расска-

зывала свои сны, иногда – забывала. Но всё чаще меня посещало дежавю: когда мы с друзьями склоняемся над креслом, чтобы посмотреть на котят, а кресло – на кухне: наемдни его переставили туда, чтобы почистить; или когда спустя много лет по телевизору показали поезд на магнитной подушке: тот самый, что не касается рельс.

Поначалу мне всё казалось нормальным: «сон в руку», «вещий сон» – на каждом шагу можно было услышать об этом. «Ух ты!», «Ничего себе!», «Вот это совпадение!» – я так не думала. Я была уверена, что все видят будущее во снах.

Годы ушли на осознание, что это не так.

Если мне кто-то снился, я рассказывала ему, что мне приснилось. Поначалу все относились со смехом: «У нас тут свой личный пророк!» – но потом сны сбывались. Если сон был хорошим, то все были в восторге, если сон был огорчительный, меня начинали винить: «Ну что же ты накаркала!», «Я, наверное, начал думать о твоих словах, вот и сбилось!». Потом и вовсе, если у близких что-то случалось в жизни плохое, они первым делом спрашивали меня: «Тебе это снилось?». Вне зависимости от правды я всегда отвечала: «нет», и вне зависимости от правды они оставались убеждены, что я вру, и что из зловредности не помогла им. Со мной сперва перестали общаться подружки, потом – дальние родственники. Не сказать, чтобы я сильно расстроилась: у меня было дежавю и по этому поводу.

И все же я благодарна своим «чудным» снам. Они делают меня уникальной, заставляют людей по-особенному относиться ко мне. Люди очень хотят мне присниться, и в то же время до дрожи этого боятся.

Относительно себя я вижу предсказания часто: ведь во сне спящий – это главный герой. Но есть одно, особое, ради которого я, наверное, живу. Это сон, в котором Камэл приходит ко мне и говорит: «Я за тобой». Во сне я настолько счастлива, что согласна идти куда угодно, хоть на смерть.

Следуя регламенту, я рассказала о своем предсказании главе, глава рассказал Камелу – и теперь между нами пропасть. Он с подозрением относится ко мне, избегает.

Но сон непременно сбудется, я это точно знаю. Это был точно Камэл: такие янтарные глаза я встречала лишь у него.

Стоит ли волноваться об исходе, который тебе известен?.. Это как если бы, ложась спать, беспокоиться о том, взойдет ли солнце утром.

Я знаю: солнце взойдет. Конец мне известен. Я это видела во сне, а мои сны не могут меняться.

Так почему же сейчас я так отчаянно беспокоюсь? Зачем, сидя в столовой, настропалила уши, и ловлю каждое слово Энолы Гай? Она упомянула твое имя. Сказала, что ты приходил к Крушине.

О чём ты общался с той, которая больше не является твоим заданием? Зачем приходил к ней уже дважды? Ты раньше так не делал.

Я знаю, что солнце взойдет. Мои сны не меняются.

Но почему сейчас у меня темнеет в глазах, сжимается челюсть и внутри все пылает при упоминании того, что ты сближаешься с кем-то?

Ты в итоге придешь за мной. Ты позовешь меня с собой.

И я предпочла бы, чтобы ты и дальше был равнодушным ко всем: тогда я смогла бы и дальше выносить твоё равнодушие ко мне.

«Не сближайся с ней, прошу тебя».

Как бы я хотела быть способной тебе это сказать!..

Авионика

Я думала, их всего двое: «Энола», постоянно присутствующая здесь, и «глава», которого она часто упоминала, но я видела его лишь раз. Сиделка, бережно ухаживающая за мной, и её сообщник, который меня опасался.

Никто из них не говорил вменяемо: не объяснял, почему я тут, чего они от меня хотят. «Энола» играла со мной в слова и устраивала посиделки с косметикой, «глава» и вовсе общался так, словно я ему что-то должна из прошлой жизни. Но ответа на вопрос, что им надо в итоге, я так и не получила, сколько бы ни спрашивала.

И только я смирилась с мыслью, что пара психов за чем-то украла меня, только настроилась ждать очередного их обострения, как появился ещё один.

Это меня обескуражило: этого я никак не могла ожидать.

После замешательства меня охватил ужас: ведь со мной, обездвиженной, непонятно где, непонятно как – он мог делать всё, что хотел. Его ничего не останавливало, потому что, видимо, на пороге этой комнаты для всех переставал действовать уголовный кодекс.

Когда он заговорил, я не расслышала ни слова от шума крови в ушах – с такой силой молотилось моё сердце. Мне казалось, что голова лопнет от напряжения.

Когда же незнакомец запросто прикоснулся ко мне, я похолодела от страха. Кровь от головы резко кинулась в живот, внутренности скрутило узлом, в глазах потемнело.

Но он просто надел на меня другие наушники. Выбирая трек, что-то говорил, но я опять не разобрала ни слова. Что происходит? Кто это? Почему он всё это делает?

Незнакомец включил музыку. Стоял рядом, и робко улыбаясь, ожидал реакции.

«Энола» обо мне «заботилась», «глава» меня «боялся», но этот был на них не похож. Кто он и что ему нужно?

Чтобы проверить, я спросила про свои вещи: «Энола» и «глава» игнорировали этот вопрос, но он вдруг взял и принёс мне их. Я этого не ожидала: «Значит, он с ними не заодно?». Пока я соображала, что к чему, он долго в чем-то оправдывался. Мне было неловко, что он оправдывается, я хотела сказать, что всё нормально, как вдруг меня осенило: «Он видит меня тут, и это кажется ему нормальным?».

И всё встало на свои места. Он один из них – и, что бы

ему ни было нужно, это явно не моё спасение.

Я убедилась в этом, когда пришла «Энола»: она его не выгнала, хоть и не была с ним особо приветлива.

«Она не хочет, чтобы он тут был, но запретить ему быть здесь не может?».

А потом он зачем-то вклинился в игру в слова, которую завела «Энола».

«Ему и это тоже кажется нормальным?».

Они заодно, сто пудов. На смену робкой надежде пришло раздражение.

«И с чего он столько ржет? Ему весело?».

Энола обо мне «заботилась», глава боялся, но стесняшка обращался со мной не как с пленницей: для него я была равной. Ему всё это казалось нормальным.

Так кто это? Он с ними заодно – раз нормально общается с «Энолой» – или такой же пленник, как я?

Он кажется адекватным, но раз эта ситуация не кажется ему странной, значит, мне просто кажется?

На чьей он стороне?..

Независимо от всего, впервые за столько времени я встретила «нормальное» отношение. Стесняшка изменил всё, что было до этого: он подарил мне надежду на спасение.

Ё-на

У здешних обитателей круг развлечений, как в санатории советского образца: сплетни за обедом, спортивный зал, биб-

лиотека, кинотеатр одного зрителя. Маловато, но местным обитателям вполне хватает: работы много, свободного времени мало.

У меня круг занятий еще более узкий: мне нельзя ни читать художественных книг, ни смотреть фильмов – иначе потом будет очень сложно разобраться, что к чему в моих снах – где сценарий книги, где пророчество. Но чтобы описать увиденное, кругозор должен быть достаточным, поэтому в моей жизни есть энциклопедии. Иллюстрированные, но в которых не встретишь рубрику «Это интересно», или каких-нибудь интересных исторических фактов: чтобы воображение не разыгрывалось.

Если подумать, то в принципе, в моей жизни ничего не изменилось: на каждый праздник мама неизменно дарит мне энциклопедии. Что бы я ни просила: игрушку, одежду, поездку, разрешение заниматься музыкой – я получала одни лишь познавательные книги. Если у меня был юбилей, то две штуки.

Это всегда оставляло во мне очень странное послевкусие. Мама была из богемы: утонченная, элегантная, возвышенная. С длинными пальцами, тонкими запястьями и волосами, убранными в греческий пучок. Я не могла представить, как она стоит в книжном магазине, в своем пальто с воротником из лисы, и наряду с партитурами и упаковочной бумагой, покупает эти монументальные книги в твердом переплете; как она складывает эти манускрипты в авоську и несёт

эту килограммовую мудрость домой. Мне казалось, что мама в жизни ничего тяжелее журнала не поднимала.

Вероятно, она хотела сделать меня умнее. Может быть, она хотела оградить меня от музыки и дать любое другое будущее. Может быть, поэтому её выбор был таким беспорядочным: астрономия, ботаника, археология, математика, анатомия?..

Хотя возможно и обратное: она думала, что я недостаточно талантлива в музыкальном плане, и хотела замаскировать это чем-то другим? Иначе она бы могла спросить меня, про какую область науки я хочу почитать.

Если так подумать, то и в плане фильмов была та же история: у нас дома было, естественно, пианино, дорогая стереосистема, но не было телевизора. Мама говорила, что телевидение отупляет. Что драмы нужно не наблюдать со стороны, а переживать. Очень иронично, если вспомнить, что твоя дочь – сновидец.

Во снах я проживаю другие жизни, чувствую чужие боли, испытываю чужой страх, испытываю желание умереть.

Чтобы освободиться от этих эмоций, день я обычно посвящаю порядку. Привожу в порядок себя, комнату. Записываю сны, эмоции, мысли, делаю зарисовки. Переписываю начисто, чтобы отдать материал аналитикам. Читаю, практикуюсь в рисунке. Глава дал мне комнату в самом конце коридора, и оставил две смежные комнаты пустыми: чтобы меня окружала тишина.

Я благодарна ему: моё детство было наполнено музыкой, и она возвращает меня в болезненное состояние. В тишине голос разума слышно яснее и чётче.

Я бы не вспоминала об этой грёбанной музыке ещё сто лет, если бы не узнала, что Камэл пошел к той девке, чтобы отдать ей свой плеер: хотел развеять её скуку. Она подарок оценила, и поэтому он подрядился принести ещё.

Этот факт сел занозой в сердце: чтобы добиться его расположения всего-то и надо было, что заговорить о музыке?..

Камэл

– Ты в последнее время очень оживленный, Камэл! – сияет улыбкой завобмундированием, отдавая экипировку на задание. Мы видимся уже третий раз на неделе: две разведки и вот охота. – Никогда не видел тебя таким радостным. Интересное задание?

Оживленный? Радостный? Я?

Хотя, есть подумать, так и есть. Киваю.

Охота меня не интересует. Там, вовне, у меня есть побочный квест.

На первой разведке мне удалось найти место, где продаются зарядные устройства, а на второй – раздобыть немного денег. Сегодня охота – возможно, мне удастся купить зарядку для телефона Ави. Наверное, не слишком нагло будет одним глазком глянуть на её плей-лист... Это поможет мне собрать для неё новый: парочку песен я уже в него накидал.

Пока не начал этим заниматься, не чувствовал себя таким ограниченным. С той подборкой, что сейчас у Ави, проблем не было: я был на длительном задании в мире людей, и возможность добыть плеер, найти музыку и пополнять её время от времени у меня была. Но дома все не так: всё, что принесется из внешнего мира, хранится у завобмундированием.

Пока формировал новый список песен в голове, наткнулся на проблему тщательной избирательности. «Что могло бы ей понравиться? Не слишком ли жесткая песня, и не слишком ли агрессивен солист?». Вспоминал отовсюду понемногу: тут хороший текст, здесь – соло гитары, тут – барабаны, а тут исполнение на высоте. Формировал и думал: «Когда ты будешь слушать, обратишь ли внимание на те же моменты, что и я?».

«Одни ли у нас интересы?».

«Что тебе нравится? Почему?».

Я мог бы просто спросить, что понравилось ей из моего плейлиста, но не могу часто ходить в изолятор – не хочу попасться на глаза главе.

Подумал, что стоит добавить несколько лайвов, с овациями и выкриками из толпы: может, они помогут представить, что она на концерте, а не на больничной койке. И поймал себя на желании сходить куда-нибудь: ни разу в жизни не был на настоящем концерте. Послемиться бы в толпе, попрыгать в такт, с дребезжанием, отзывающимся в груди, и криком, тонущем в общем гуле. Думаю, это было бы здорово.

Но это, конечно, должен быть не охраняемый милицией концерт. Ведь я всё ещё в федеральном розыске.

Энола Гай

Никогда не водилась с девочками, которые часами играли с пупсиками: то пеленая, то купая, то укачивая. Я играла иначе: стояла из конструктора домик, обустроивала его – и всё, конец, уходила играть во что-то другое. Никогда не играла дальше, не имитировала жизнь – мне казалось это таким скучным. Девочки, нянчившие кукол, казались мне примитивными, у которых воображение не позволяет придумать игру поинтереснее.

Я никогда не хотела братика или сестричку. Отчасти моё равнодушие можно было объяснить здравым смыслом: отношения между отцом и матерью были такие, что ребёнка они могли найти разве что в капусте.

Поэтому брат у меня появился, когда я была на пятом курсе института. После его рождения каждый родственник считал своей обязанностью замогильным шепотом сообщить мне: «Сначала доучись, а потом уже детей заводи». Как будто бесконечные вопли по ночам: сначала брата, потом отца на мать, потом матери на отца – могли пробудить такое желание. Конечно в моменты, когда брат делал что-то впервые сам, во мне шевелилось что-то бабское, охватывал первобытный восторг: человек, новый человек! Но это был недостаточный импульс, чтобы пробудить во мне желание родить

своего личного.

Мне не приходилось заботиться о брате: сменить подгузник там, искупать, накормить – к моменту, когда он мог принять заботу от кого-то, кроме матери, я уехала в Россию.

Получается, я никогда не заботилась ни о ком беспомощном.

Это могло стать проблемой, когда мне поручили уход за Никой: поэтому пришлось узнать хотя бы основы ухода за лежачими пациентами. Как давать лекарства, подавать утку, следить за гигиеной тела, перестилать бельё, купать пациента, делать профилактику пролежней и загущения мокроты в легких. Всё это представлялось рутинной, но, на удивление, эта рутина приносила мне удовольствие.

Для меня Авионика никогда не была «пациентом». Во мне жила уверенность, что она станет одной из нас, поэтому нужно позаботиться о товарище.

Мне нравилось, что на концах её волосы тоже вьются – и я начала ухаживать за ними так же, как за своими. Мне было больно смотреть на ее раны, и я радовалась, если при смене повязки обнаруживала, что рана затягивается. Я попросила главу добыть мазь, рассасывающую рубцы, чтобы бороться со шрамами. Мне нравились её тонкие пальцы, и я ухаживала за ногтями, чтобы руки оставались аккуратными. Я делала для её лица тот уход, который обычно практикую сама.

Мне нравилось, что мои усилия приносили результат: Ника хорошела на глазах. Она из едва живого, тощего и иска-

леченного тела возвращалась к облику симпатичной, выздоравливающей девушки.

Вопрос определения потенциала Ники и дальнейшего её пребывания в организации решался главой, вопрос физического здоровья полностью лежал на Анне, и как-то завис вопрос об психологической адаптации: говорить с Авионикой об организации глава запретил, а без этого нельзя было даже просто ввести её в курс дела. Подвешенное состояние не самое приятное в мире (это по себе знаю), и чем дольше оно – тем вероятнее срыв.

Ника пришла в себя, глава всё тянул, Анна игнорировала этот вопрос, и поддержку пришлось взять на себя. Пусть я не могла поведать, что происходит, но, думаю, любая девушка почувствует себя увереннее, если будет знать, что выглядит хорошо. А простые игры смогут организовать между нами какой-никакой разговор и отвлечь от беспокойства.

Поначалу она дичилась, но потом смирилась. Каждый раз, видя главу, я просила его поторопиться с решением и определить статус Ники. Глава не определялся, так всё и продолжалось.

Однажды, нанося увлажняющий крем Нике перед сном, хохоча над очередным проигрышем в «муху», я вдруг осознала, что в моей жизни никогда не было такого дружеского момента. Никогда не было такого, чтобы у меня была подруга, мы бы ухаживали за собой и просто так болтали, смеялись. С одной стороны, это было приятное чувство, с

другой – пугающее.

Я подловила себя на том, что мне нравится заботиться о ком-то, и что в целом мне приятно общаться с незнакомым человеком. Раньше я и предположить не могла, что мне такое понравится.

В тот же миг мысли метнулись к ребенку в моей утробе.

Мои ли это чувства? Мне ли это нравится?

И холодок пробежал по спине, потому что чёткого ответа не было.

Глава

Прошло три месяца, как она вернулась.

Её кости срослись, раны затянулись, тело восстановилось.

Девяносто два дня Рэй докладывает мне о своих ощущениях мертвечины. Десять с половиной недель Энола Гай находится с ней рядом и превосходно себя чувствует.

Три месяца тишины. С того, первого дня, больше ни разу она не показывалась.

Я помню, что она искусная разведчица, но продержаться столь долго – это впечатляет.

Она там, я это знаю. Но как же мне её выманить? Где её нынешнее слабое место?

С первого дня ломаю голову.

Личное дело Крушины прописалось на моем столе. Я копаюсь в анкетных данных, рапортах и своих воспоминаниях.

Должно же быть что-то, то станет триггером её возвраще-

ния.

Тогда я привез тебя такую же покалеченную. Ты восстанавливалась полтора месяца: и я очень ждал этого срока сейчас. Полтора месяца прошло, чуда не случилось: ты до сих пор прикрываешься «Авионикой».

Тогда ты дичилась всех, на всё смотрела скептически. Вместо ответа чаще фыркала. Никак не могла свыкнуться с тем, кто мы и что тут делаем.

И что ты действительно одна из нас.

Тем интереснее было обнаружить, что к такой нелюдимой тебе все таскались за советами. То ли потому, что ты недавно пришла из мира людей, то ли потому что ты не из болтливых и особо не могла выдать чужую тайну – но каждый находил тяготящую его проблемку и спрашивал твоего мнения на этот счет. И тем любопытнее было то, что никому ты не отказывала: со всеми беседовала, каждому что-то объясняла.

Ты со всеми говорила, но ни с кем не сближалась. Ты могла назвать секретик каждого, но вряд ли хоть кто-то горел желанием узнавать что-то о тебе.

Наверняка, я был тем, кто знал тебя лучше всех.

В том сарае, под звёздным небом, я открыл тебе свою душу: но почему же не догадался залезть в твою?..

Как мне вытащить тебя сейчас? Чем зацепить?.. Не могу понять.

Ёна

Кто бы что ни говорил, встречаются по одежке. Я думаю, именно в этом все дело.

Поток фотонов, родившихся в недрах Солнца, летит до Земли примерно 8 минут. Всеми правдами неправдами прошедшие через ионосферу, тропосферу, стратосферу, мезосферу, термосферу, экзосферу фотоны врезаются в некую женщину и отражаются от неё. Глаз некоего мужчины ловит отразившийся фотон, палочки и колбочки реагируют на длину волны. Проходит всего $1/400$ секунды: изображение уменьшается и проецируется в затылочную область мозга, отвечающую за зрение. Мозг опознает получившееся изображение: форму, цвет, размер, – и сопоставляет его с «каталогом» образов, сформированном за жизнь, и даёт заключение о том, что только что было увидено.

Всё.

За $1/400$ секунды самец понимает, красива самка перед ним или нет. Это – первый и самый важный аргумент, который он о ней получает.

Конечно, образ красоты индивидуален, обусловлен и генетически, и формируется в процессе жизни. У каждого мужчины свои представления об идеальной пропорции лица, тела, соотношении цветовой гаммы внешнего облика женщины в целом и так далее, которые он может и не осознавать.

Но это не отменяет происходящего за те первые $1/400$ секунды: если ты не победила сразу, готовься брать крепость осадой, расчехляй имеющиеся таланты и изюминки.

Я свои 1\400 секунды проиграла.

А она, похоже, сорвала джек-пот.

Не верю, что его привлекли в ней харизма и обаяние: вряд ли можно счесть милашкой того, что при тебе пытался убить человека. Не верю я и в его совесть, в то, что и в первый раз, и последующие разы он ходит только на чувстве вины. Не верю я и в то, что беседы с ней такие содержательные, что, едва вернувшись с задания, стоит очертя голову нестись в лазарет.

Поэтому приходится признать простой факт: мозгу человека, которого я люблю, нравится субтильная девушка с заурядной внешностью. Может быть, ему напоминают о матери её серые глаза, или грязного русого цвета волосы; может быть, его привлекают прямые брови или резкая граница перехода губ, от чего у нее вечно решительный и строгий вид. Может быть, ему нравится, что на него смотрят, как на ничтожество, или игнорируют, когда он пытается заговорить.

Нужно смириться и принять факт: ему не нравятся высокие девушки, с глазами цвета «зеленое яблоко» и волосами цвета «морозный антрацит». Не нравится, когда с ним ищут разговора, искренне уважают и ждут.

Ему не нравлюсь я. По объяснимым наукой причинам. Но от этого не легче признавать этот ранящий факт.

Что же заставит тебя в итоге прийти за мной?..

И хватит ли мне выдержки дождаться тебя?

Камэл

«Всё, хватит!».

Не в силах больше сделать и шага, плюхаюсь в сугроб под какой-то куст. Спина окаменела и не шевелится, мышцы ног горят от прилившей к ним крови, руки как будто чужие: даже телефона не достать. Сейчас, полежу минуту, и вызову машину.

Всё было зря: охота прошла впустую. Это было понятно после второй разведки, но глава решил рискнуть.

Чувак выслушал стандартное предложение, и выбрал уйти. Сказал, что слишком от этого устал. Просил только, чтобы было быстро и не больно.

Жаль. В этот раз мы с охотой явно опоздали.

Каждая мышца тела дрожит: давно я не был таким измотанным. Видимо, тело, что я отнёс в овраг, было слишком тяжелым. Хорошо, что пошел густой снегопад: через полчаса не будет уже никаких следов.

Руки вновь обретают чувствительность: нахожу телефон в кармане, неловко жму на кнопки, и говорю, что всё кончено. На том конце отвечают, что они рядом, пять минут.

Откидываюсь на спину: крупные хлопья падают на лицо, и тут же тают.

Смотря, как из темного неба причудливыми траекториями выныривает снег, внезапно вспоминаю о тебе.

«Вот так проходят твои дни?».

Какого это: целый день лежать лишь на спине? О чём ты

думаешь, глядя лишь в потолок?

Мне захотелось поделиться этим тёмным небом, падающим снегом и ощущением сугробной постели под спиной.

Я бы мог это сфотографировать, но твой телефон всё еще разряжен. У меня не было возможности решить вопрос с зарядкой: охота отняла всё время. Рабочий телефон, что зажат в руке – придётся сдать.

Но кое-что на память я пронести смогу.

Протягиваю руку и срываю сухое соцветие с куста.

Наверное, весной это была сирень.

Рэй

Сегодня был день пересмотра архива на актуальность предсказаний. Мне достались предсказания десяти-пятнадцатилетней давности: это, видимо, было золотое время организации. В архивах упоминались такие потенциалы, которые и представить себе сложно. Сиамские близнецы, засыпающие в своём теле, но могущие проснуться в другом – их условно называли «Соньками». Прорицательница Василиса, выдающая очень точные прорицания, но на армянском языке, которого совсем не знала, во время приступов лунатизма. Девушка, исцеляющая наложением рук.

Камэл, Энола, Ё-на и даже Андрей бледно смотрятся на их фоне, не говоря уж обо мне. Вот были масштабы, вот были потенциалы – не чета нынешним. Что случилось в эти десять лет? Была демографическая яма и число потенциалов со-

кратилось пропорционально населению? Или способов найти потенциал стало меньше? Или потенциалы обмельчали в принципе?

Сколько ни думаю об этом, факта это не меняет: сейчас организация на грани выживания.

И я должен приложить все усилия: раз не на охоте, то хотя бы в аналитике.

Хотя бы в этом – сопоставлении фактов – я хорош. Если мой мозг не занят делом, он начинает искать причины и следствия моего потенциала – и думать об этом, если честно, мне поднадоело. Лучше выносить вердикты чужим словам, ощущениям и снам.

Становится чуть спокойнее от мысли, что меня страшит еще десяток аналитиков с большим опытом, поэтому я могу быть чуть смелее в суждениях. «Это не подходит, это тоже, это тоже». Складывается впечатление, что я даже чего-то значу.

Ох, ну правда, разве можно всерьёз рассматривать предсказания, в которых фигурирует проектор для диафильмов или карточки для таксофона? Прошлый век: таких технологий уже даже в глубинке не найти. Есть еще предсказания с прямым указанием года или привязкой к конкретному событию: терракт в театре, победа Милана в суперлиге, проигрыш кандидата в президенты – все эти предсказания можно отправить в мусорку, потому что события уже исполнились. Всё это – потерянные потенциалы, которые были упущены,

и, скорее всего, уже мертвы.

Есть и вовсе не предсказания вовсе, а какие-то зарисовки, фантазии. Ждущий парень в кафе, у которого сильно болит рука, двое, возвращающиеся на велосипеде в тяготящей тишине, раздражённая девушка, ожидающая зелёный свет светофора зимним вечером, парень в слезах, молящий о спасении умирающего, парень, сламывающий ветку с сиреневого куста, – что это вообще всё и для чего это кому-то знать? Как можно применить такое? И таких среди предсказаний тоже полно...

99% из того, что я анализирую – мусор: это уже было, это непонятно, как применять, это непонятно, как толковать. Но, вспомнив лицо главы, когда он пришёл за мной, понимаю: ради одного единственного процента стоит постараться.

Возможно, где-то там сейчас перекидывает ногу через ограждение ещё один мальчик, уверенный, что сошёл с ума: и в моих силах будет направить к нему главу.

Глава

Камэл доложил о неудаче на последней охоте. Ожидаемо: ведь в самом предсказании указывалось на «упокоение». Жаль, конечно, я надеялся, что всё же прокатит.

Хотя потенциал был не сказать что очень интересный. Был бы интересный, я пошёл бы за ним сам. В конце концов, мой потенциал: нравиться абсолютно всем – только на это и

годен.

Раньше я формулировал его по-другому: «парень, у которого получается всё, за что бы он ни брался». С самого детства так было: стоило мне проявить к чему-то интерес, у меня получалось это с первого раза. Мама говорила, что я в полгода сел, через неделю – встал, а через две недели – пошёл. Читать научился в три года. Ездить на велосипеде, плавать, делать сальто назад – с первого раза. Любая игра, которую бы я ни начинал, оканчивалась моей победой. Забить с трехочковой? Без проблем. Пробежать эстафету? Запросто. Выйти на городскую олимпиаду? Легко. Любой конкурс, любое соревнование, даже самое маленькое – давалось мне без усилий. Поэтому я скоро начал отказываться от участия – ведь результат был известен наперёд. Я соглашался только если был кто-то, кто бросал мне вызов: тогда это обретало хоть какой-то оттенок развлечения.

Меня обожали все: от маминых подруг до младшеклассниц, от случайных гостей в нашем доме до бабушек в автобусе. Отец брал меня с собой на все корпоративные выезды, и его коллеги были очарованы таким маленьким взрослым сыном. Я знал силу своего авторитета и пресекал конфликты в классе, выбирал, что будем делать в воскресенье с друзьями, что будем смотреть в семейном отпуске. Меня звали на все стрелки между школами: и, разумеется, где нельзя было договориться словом, я без труда одерживал победу кулаками.

У такой жизни был только один недостаток: ничего не хо-

телось делать. По большей части я делал не то, что хотел (ведь это нужно было искать), а то, что должен был – и был доволен.

«Парень, у которого получается всё» сломался на Тане. В других обстоятельствах я был бы счастлив, что мой потенциал меня выручает, но только не здесь. Я был виновен, но никто виновным меня не считал, потому что я всем нравился.

«Нравиться всем» оказалось недостаточным: я хотел, чтобы она любила меня. Она этого не делала, и я решил пойти простым, привычным мне путём: я всегда всем нравился, и понятия не имел, как заслужить любовь.

Когда пришли меня вербовать, я был на грани отчаяния. Я был согласен на всё, лишь бы искупить свою вину.

Мой потенциал мне снова помог: дела в организации пошли на поправку, я стал следующим главой (естественно), вина перед Таней отступила, у еды наконец-то появился вкус. Я погрузился в природу потенциалов, пытался понять, почему они появляются, как развиваются. Я изучал воплощение и развоплощение: интересно было, потенциал – это ментальное или физическое?

С моим потенциалом я неплохо преуспел: но, как и ожидалось, довольно быстро мне это наскучило.

И в этот момент появилась Крушина. Я привык к восхищенным, принимающим и доброжелобным взглядам – и тут она с открытой враждебностью. Это меня позабавило, и развлекало ровно до того момента, пока она не стала моим са-

мым верным последователем. До последнего я надеялся, что она не столь мне предана – до самого конца, пока она не перестала дышать в моих руках. Она меня разочаровала: всегда разочаровывала.

И вдруг она возвращается, подтверждая мою теорию. Аберид, захват чужого тела – всё оказалось возможным.

Я смотрю на её новое тело – кто-то сказал бы, что всё ерунда и никакого абериды не случилось. Цвет волос, цвет глаз, черты лица, пропорции – всё иное. Прежнее тело было на десяточку, это едва на семь с половиной потянет. Тёмно-серые глаза, средне-русые волосы, прямота линий, бледность, худосочность – всё в пику тому, какой она была, нет совпадений ни в чём. Но я общался с Крушиной дольше всех, и чаще, чем кто-либо, смотрел ей в лицо. Угол брови, хмурающейся, когда она меня видит, взгляд исподлобья, наклон головы – всё Крушины той поры, когда она впервые попала в организацию. Тот же тон, то же недоверие, то же молчание. Тот, кто мало с ней общался, не заметит сходств, то для меня они очевидны. Особенно они очевидны, когда это не «Крушина», а «Авионика»: когда она с Энолой Гай, Реем – теми, кого она не знала, – она совсем другая. Она с ними по-другому разговаривает, по-другому на них смотрит, не напрягает плечи, не опускает головы. Это заметно, если внимательно смотреть.

«Парень, у которого всё получается» вновь преуспел: эксперимент удался. Осталось теперь понять, как вытащить

Крушину насовсем. Если честно, я рад получить верного союзника обратно. Пусть я тот, кто её убил своими руками – неважно: ведь я всё ещё парень, который всем нравится. Ей снова не устоять.

Рэй

В детстве мои приятели мечтали о велосипедах, видеоиграх и чтобы мать не узнала, откуда у нас каждый день шоколадки и жвачки. Я же больше всего хотел, чтобы у меня было что-то важное, значимое, моё. Сильнее желания классно оторваться, понтануться перед другими во мне была зависть к людям, которые могли что-то лучше меня. Умеющим управлять самолетом, знающим английский язык, прыгающим четверной тулуп, полетевшим в космос, выигравшим городскую олимпиаду по информатике.

Все они нашли что-то, чему посвятили своё время, свои мысли – и достигли успеха. И все они были наголову выше меня.

Я тоже хотел «призвание». Что-то, чем была бы забита моя голова, из-за чего я не спал бы ночами, работал сутки напролет, совершенствуясь, ради чего вывернулся бы наизнанку. Я хотел знать, для чего я нужен.

Но, даже если что-то было, я никак не мог его отыскать.

Я многим занимался, многое нравилось, многое приносило удовольствие и удовлетворение, но ничто из этого не занимало меня полностью. А мне бы хотелось быть захвачен-

ным по самую макушку. Чтобы обо мне говорили: «Да у него же один волейбол в голове», например, или: «Это же математический гений, чего ты от него ждешь?!».

Но обо мне так не говорили, потому что я никогда не был на 100% чем-то увлечен.

А потом во мне пробудился потенциал: и от этого все лишь сильнее запуталось.

Сглатывая привкус крови сквозь ком в горле, я думал: «Это? Я родился ради этого? Это – мой дар? И как вообще это можно применить?».

Ответа у меня не было. Было немое недоумение. Я начал избегать людей, потому что на десятой минуте пребывания в толпе у меня заканчивалась слюна. Я постоянно травился едой, потому что абсолютно не различал вкусов. Я потерял всякую тягу к жизни, у меня осталось лишь два вопроса: «За что?» и «Что с этим делать?».

Когда мать определила меня в психушку, я даже не обиделся: потому что уже не знал, где нормальное, а где ненормальное. В самое-то психушке, конечно, сразу стало понятно, что до было нормально, поэтому я с такой силой ухватился за главу.

Я жил просто так. Делал, что под руку подворачивалось. Не загадывал на будущее, потому что не ждал его. Не вспоминал о прошлом, потому что нечего было особо вспоминать. Я жил тем, на что натыкался мой взгляд, и забывал об этом, стоило этому ускользнуть из виду. Таким я был пар-

нем.

Но потом на моих глазах ты восстала из мертвых.

Все бы назвали это чудом, но лишь я один во всём мире мог сказать, в чём подвох.

В тот момент я был в полном восторге.

Но потом, месяцы спустя, это начало надоедать.

«Это? – думал я, глядя на тебя каждое утро. – Я родился ради тебя?».

И что Камэл в тебе нашел?

Глава

Твой голос вновь звучал очень рядом и так буднично, будто не произошло ничего из ряда вон выходящего.

«Ну и что?».

Вздвогнув, я очнулся от сна в отвратительнейшем из настроений.

Интересно, как долго ещё будет преследовать меня эпизод, случившийся в том сарае под звёздами?

Взглянул на часы: слишком рано, чтобы вставать. Чёткое осознание, что вряд ли снова засну, раздосадовало меня ещё больше. Впрочем, когда Крушина приносила хоть что-то хорошее?

Я встал с твердым намерением налить себе кофе, но в шкафу призывно блеснула бутылка коньяка. «Пить с утра плохая привычка, – подумал я, когда звякнула стопка о стол, – но технически ещё ночь».

«Может быть, – подумалось мне под плеск коньяка, – это поможет забыться и вновь заснуть».

Коньяк мягко скользнул в горло и жар разлился в груди. Вторая последовала безо всяких рассуждений.

Голова мгновенно пошла кругом. Я откинулся на спинку кресла и под прикрытыми веками замелькало прошлое.

Лето, солнечный день. Я шёл на задание и встретил её на выходе: она смотрела из темноты здания наружу через открытые двери. Мы встретились глазами и повисла неловкая пауза.

– Мне нужно уехать, – зачем-то остановился я.

Она утвердительно мотнула головой. У неё был такой вид, что я не устоял и направился в гараж: за транспортом. «В конце концов, – говорил я себе, – выходить во внешний мир ей не запрещено. Тем более, я буду рядом».

В гараже нашелся советский велосипед с высокой рамой: я лет двенадцать таких не встречал. Выбор был сделан тут же: меня захватила жажда приключений прямиком из детства.

– Садись, – призвал я её, стоящую в темноте, кивнув на багажник.

Я ждал, что она откажется: откровенно говоря, это было бы лучше всего. Поэтому удивился, сколь стремительно она вышла из темноты и молча уселась, схватившись за боковинки седла.

Это было похоже на эпизод из фильма: и мне хотелось

быть частью этого как можно дольше.

Мы ехали молча, вслушиваясь в мерное поскрипывание педали, шорох шин и перешептывание сосен над головами. Везти её оказалось не так легко, как мне казалось: сто лет никого не катал. Тем интереснее было поднажать и преодолеть себя.

Когда вдали показалась точка отправки, она удивлённо воскликнула:

– Станция!

Я прыснул. Девчонка девчонкой! Совсем не похожа на ту, которая валялась избитой на снегу и дерзко на меня пялилась, на ту, которая за несколько месяцев тут так ни с кем и не нашла общего языка.

Через лес тянулись только одни железнодорожные пути, и о том, что это остановка напоминала лишь платформа из плит и покосившаяся табличка с названием, половину которой съела ржа.

Я заволок велосипед на платформу.

– Мы поедем на поезде?

«Как маленькая!» – снова фыркнул я, услышав её голос. Хмурая девушка, молчавшая почти всё время с момента охоты, внезапно сменила амплуа.

– Да, – усмехнулся я невольно, протягивая ей руку, чтобы помочь залезть на платформу. – Ненадолго.

Руки моей она не взяла, залезла сама. Умора просто! «Сильная и независимая».

Когда прибыла электричка, я загрузил велик в тамбур. А она тем же тоном, что и раньше, поинтересовалась у меня, стоя на платформе:

– А как же билеты?

Такая серьёзная, такая правильная: дитя и только. Я снова не сдержал смеха.

– Ты видишь кассу где-то?

Обескураженная, она выглядела невероятно забавно.

– Остаёшься? – поинтересовался я у неё, стоя в тамбуре.

Двери зашипели, она рванулась вверх по ступеням. Это было так забавно, что я расхохотался.

В тот день я много смеялся.

Мы ехали в тамбуре молча, прислонившись по разные стенки. Мерный стук колес, тёплый солнечный свет, мелькающий из-за деревьев, пылинки, летающие в солнечном луче. Я поймал себя на мысли, что в душном и тесном тамбуре было очень уютно.

Перегоны были короткими, несмотря на то, что направление непопулярное. Однако доехать до места назначения всё равно не довелось. В тот день вообще все шло не по плану.

– Контролеры, – объявил я больше чтоб понаблюдать за тем, как она оглянется. Оглянулась она презабавно: как испуганная ворона – с подскоком.

С велосипедом перебежать не получится, а денег на билет я не взял. В другое время нарушение плана меня бы раздражало, но в тот день меня это даже развеселило: почему бы

и не сойти чёрт знает где? В конце концов, у нас есть транспорт.

Ещё веселее было наблюдать, как дёргается она: хотя, казалось бы, в её жизни уж были вещи пострашнее, чем нарушение правил проезда в электропоездах. Контролеры открыли двери в тамбур в одно время с дверями на улицу: она выскочила в ту же секунду.

«Что за девчонка!».

– Садись, – просмеявшись, я снова оседлал велосипед. – Дальше своим ходом.

Леса тут уже не было, и мы катились по проселочной дороге мимо полей. Томно пахло гречихой и теплой пылью. От края до края, насколько было видно, голубело небо.

Я такое в последний раз видел в детстве.

На место, куда я изначально направлялся, мы бы не доехали, но посреди полей попадались те, что оставляли «отдыхать». Там можно было найти лекарственные дикоросы: за ними меня отправила, как ни странно, Анна.

Я объяснил Крушине, что нужно делать, и мы разбрелись по разные стороны поля. Мне самому собирать травы было не очень-то интересно, гораздо интереснее было наблюдать, как она, воодушевленная, шагала по пояс в траве, как поворачивала букет трав в руке, складывая траву каждого вида отдельно, как перекусывала стебель, не сумев сломить. Она выглядела счастливой – такой доселе её мне видеть не доводилось.

Она настолько ушла в себя, что ни разу на меня не оглянулась. На базе она только этим и занималась.

Солнце спустилось низко к горизонту, комары начали одолевать. Что назад нам сегодня не успеть было ясно, как день, но и это отклонение меня веселило.

– Закругляйся, – позвал я её: еле доорался. И продолжил, когда она пробилась по мне сквозь траву: – Скоро стемнеет, а нам еще нужно найти ночлег.

На эту бурю эмоций я и рассчитывал: смятение, смущение и восторг.

– Что? Мы ночуем здесь?

– Поезда уже не ходят, так что нужно найти, где преклонить голову хотя бы до утра.

Еще большее смятение, смущение и озадаченность. Просто отпад!

– Это из-за меня, да? – потупилась она, убирая травы в приготовленную мной сумку. – Если бы не я, ты был бы без велосипеда, успел бы на поезд, тебе не пришлось бы выходить раньше...

Вина. И почему я так рад этим эмоциям?

– Пошли, – ответил я как можно нейтральнее: я намерен ещё понаслаждаться этим спектаклем. – Иначе комары съедят.

К дачному посёлку мы подкатили в сумерках. Было лето и нужно было угадать, какой домик с дачниками, а какой нет: нарваться на хозяев будет неприятно. Такой великолепный

день, полный веселых приключений, не хотелось омрачать.

Я выбрал один из участков с краю, у входа в который была высокая трава.

– Давай сюда.

Участок был неухожен: его покрывали заросли высокой травы с белыми цветами. Подняв велосипед над головой, я пробирался, стараясь не слишком примять траву. Аромат этих цветов был плотным и пьянил сладостью.

– Какой высокий донник!

Я оглянулся на восхищенный возглас Крушины. Мне трава была по грудь, её скрывала почти по плечи. Из-за приподнятого ли настроения, или потому что были сумерки, но, честно признаться, ни до, ни после того момента я не видел ничего прекраснее.

Пристроив велосипед так, чтобы его не было видно с улицы, я двинулся к домику. Я выбрал участок с постройкой попроще: меньше вероятность, что там будет какой-нибудь бездомный. Проблем не хотелось бы.

Домиком это могло называться лишь условно: скорее, большой дощатый сарай с запором-вертушкой. Однако внутри, помимо сломанного сельскохозяйственного инвентаря имелись небольшие нары с засаленным матрасом: спасибо большое хозяину, сделавшему место, где можно присесть.

Я зашел и огляделся изнутри: было тепло, пахло древесной и пылью – доски нагрелись за день. Похоже на домик на дереве: всё детство о нем мечтал.

Второй раз за тот день место мне показалось по-домашнему уютным.

– Я малину нашла. Будешь?

Оглянувшись, я наткнулся на пригоршню, полную ягод. Это меня поразило: она уже принесла. Нашла, поделилась, позаботилась.

На базе она так не поступала.

– Заходи, – велел я ей. – Нужно дверь закрыть: комаров напустишь.

Сарайчик явно был не рассчитан на двоих: в нём было не развернуться. Чтобы как-то отвлечься от смущающего вторжения в личное пространство, я протянул руку и снял со стены хозяйскую олимпийку поры той же, что и наш велосипед. Её, конечно, неизвестно, кто носил, и когда в последний раз стирал, но ночью будет прохладно, а она в одной футболке.

Странно, но она без разговоров оделась: может быть, уже давно к тому времени замёрзла, а я не замечал.

Мы сидели в темноте, плечом к плечу на топчане. Сладкий аромат донника, пальцы, липкие от малины, пятно тепла её руки, сочащееся через рукав чужой куртки в том месте, где наши предплечья соприкасались, ночная прохлада, тянущая по ногам, и звёзды, сверкающие сквозь щели между досками.

Повисла неловкая тишина. И от того-то, наверное, на меня нашло затмение.

Это была атмосфера: ночь, звезды, тишина? Разговоры в

темноте, когда не видно лиц, разговоры по душам, когда не так страшно, что увидят всю грязь. Вокруг тьма: и тьма внутри себя кажется не такой уж непроглядной?

Это было знание, что все таскаются к ней за советами? Любопытство: что же такое получают они, раз не зарастает эта народная тропа?

То, другое или всё вместе – но я открыл рот.

– В моей жизни была девушка, которую я любил.

Мне стоило остановиться в миг, когда я это произнёс, но собой я уже не владел. Слова лились из меня, из глубины моего сердца, и я продолжал, говоря всё быстрее и быстрее.

– Очень красивая. Добрая. Нежная. Она состояла из одних достоинств, была моим идеалом. Мы поначалу мало общались, но постепенно мне всё больше стало не хватать времени, проведенного с ней вместе, наших разговоров. Общение хорошо на меня влияло: я чувствовал, что рядом с ней становлюсь лучшей версией себя – сильнее, благороднее, умнее. Мне хотелось делиться с ней вещами, которые мне понравились, какими-то новостями. Чем больше я её узнавал, тем больше к ней привязывался.

Когда я осознал, что влюбился, ещё не поздно было остановиться. У моей возлюбленной был один, но всё перечёркивающий недостаток: она любила другого. Любила крепко, любила взаимно, и, что самое безнадёжное, он был уже мёртв. Я рассудил, что в соревновании с призраком мне не победить, и решил спустить всё на тормозах. Я уважал её,

уважал её выбор, и, если честно, мне сильно досаждала реальная перспектива постоянно проигрывать идеальному возлюбленному.

Но она продолжала быть рядом. Продолжалось наше общение, и мне все время хотелось большего. Мне снилось, что мы с ней пара. Каждую ночь я держал её за руку, обнимал, целовал. Я бы понял ещё, если б снился секс, но нет, всё было не так поверхностно. Во сне она ласково улыбалась, клала голову на плечо, переплетала пальцы с моими – но каждое утро это оказывалось неправдой. Больших сил мне стоило наяву не схватить её вдруг за руку, не поцеловать в висок, как я привык во снах.

Я не сохранял её телефон, и не добавлял в друзья в соцсетях, чтобы не было искушения написать, когда меня накроет тоска. Я сдерживал себя, как мог, потому что жить совсем без неё стало бы невыносимо.

Бог знает, сколько бы всё это продолжалось, если бы я не начал прислушиваться людскому мнению. Все вокруг твердили одно и то же: она молодая, ей пора прийти в себя, найти себе кого-нибудь. Я вроде как получил негласное одобрение, поддержку, откуда не ждал. Вроде как если начну ухаживать за ней, то, вроде как, все одобрят. Я начал задумываться об этом, и пришел к выводу, что девушка она разумная, тоже это всё понимает. Я, конечно, благородно дам её горю утихнуть – годик или два побуду рядом, стану незаменимым, и, рано или поздно, её взгляд обратится на меня.

Я настолько убедил себя в этом, что совсем не учёл вторую сторону недостатка моей любимой: она хотела воссоединиться с любимым, она хотела умереть. Боже! Если бы я помнил об этом! Если бы это было главным, о чем бы я думал, на что обратил бы внимание!..

У неё ведь так часто это проскальзывало: нет мечты, нет планов на будущее, нежные воспоминания о прошлом... Я упорно всё это игнорировал, ведь это противоречило моему плану.

То, что она продолжала читать, смотреть фильмы, общаться с людьми сбило меня с толку. Для меня самоубийцы – это неудачники, которых травят, у которых нет друзей и достаточной смелости жить. Она в этот шаблон никак не укладывалась: помогала всем, всем улыбалась, обо всех заботилась. Была грустной порой, но «все понимали». Если бы я больше думал о ней, чем о себе, своих страданиях и о том, как я героически её жду, всё было бы иначе.

Если бы я помнил всё это, её поступки не вводили бы меня в заблуждение. Когда я болел, она спрашивала, не приехать ли, не купить ли лекарства. Когда видела грязь на мне – стряхивала, когда у меня отрывалась пуговица – предлагала пришить. Она заботилась обо мне, и это я воспринимал как особый знак внимания. Я лишь потом узнал, что она была со всеми такая. Если бы я смотрел повнимательнее, я бы, наверное, и сам заметил.

Мы продолжали общаться, наши разговоры становились

все дольше, и пресловутые люди начали отводить меня в сторонку и потихоньку спрашивать, встречаемся ли мы. Я злился, отрицая, но убеждался, что стою на верном пути. Если никто не видит ничего предрассудительного в нашем общении, то, наверное, всё хорошо?

Так я думал, всё больше убеждался в каких-то своих правах на неё. Мне начало казаться, что я имею приоритетное право на её время и внимание, начал обижаться, если она реагировала не так, как я хотел. Постепенно пропасть между тем, что я думал, и тем, что было на самом деле, становилась всё больше и больше.

И однажды она разверзлась.

До сих пор не могу понять, что на меня нашло. Сколько думаю об этом, не могу понять.

Она попросила меня помочь с ноутбуком. Зная, что она неплохо шарит в обслуживании ПК, я решил, что это – «знак». Что если она позвала меня после работы к себе домой – это значит лишь одно: пора действовать.

Я пришел, она открыла, мы сели рядом на диван. Говорили, смеялись, я искал проблему. С экрана монитора я косился на её коленки. Пока работали антивирус и архиватор, меня сводил с ума аромат её духов, едва различимый в конце дня.

Решение проблемы затянулось. Она предложила чаю, и тут что-то пошло не так.

В меня как бес вселился. Я повалил её на диван, заломил

вверх руку и начал лихорадочно целовать. Никогда в своей жизни я не был таким сильным, как тогда. Безумие, видимо, подсказывало мне, что делать – как её обездвигнуть, как заставить её замолчать, как половчее перехватить, чтоб не вырвалась. Помню, что помнил: она говорила, что не боится смерти, но боится насилия. Помню, что злорадство по этому поводу давало мне солоновато-горьковатый привкус во рту. От возбуждения кружилась голова и вся комната, её близость, тепло и сопротивление делали желание нестерпимым.

Я пошел бы до конца, если бы она вдруг не затихла. Яростно билась, трепыхалась, а потом резко обмякла.

Во мне как переключатель щелкнул. Отпрянув, я пытался осознать, что сделал, и что делать дальше. Ужас, который я испытал, при взгляде на безжизненную неё, меня мигом выхолостил: она лежала на диване неподвижно, словно труп. Лишь остекленевшие глаза были распахнуты в крайнем изумлении, и устремились куда-то в сторону окна.

Я выскочил из комнаты: она так и осталась лежать на диване. Я не знал, что делать, метался по кухне, стараясь хоть что-то осмыслить. Меня мелко трусило, и тысяча граней страха раскрылась во мне. Я был сам себе омерзителен: и предположить не мог, что способен на такое.

Спустя какое-то время меня насторожил монотонный звук лязгающего пластика. Я почувствовал, что по ногам тянет холодом, и в тот же миг это бряцанье, её взгляд в окно – всё сложилось. Я метнулся обратно в комнату – так и есть:

она стояла на подоконнике и пыталась выбить рукой москитную сетку. Я оттащил её, пытался вразумить, но внутри меня уже разливался жгучий ужас: едва я увидел это бестолковое движение рукой в попытке преодолеть смешное препятствие, всё осознал.

Я насильничал не больше минуты, но этой минуты хватило, чтобы сломить её, лишить её рассудка.

Я уговаривал её одуматься, прийти в себя – и не мог смотреть в это одержимое лицо. Я впервые в жизни столкнулся с человеком, потерявшим всякую связь с миром. Её главной целью сделалось дойти до окна и шагнуть из него.

Я надеялся, что она придет в себя, но что бы ни делал, она тут же находила окно взглядом и устремлялась туда изо всех сил. Я заливался слезами, молил о прощении, взывал к её разуму, стоял на коленях, хватал её за руки – но как бы ни надрывался, улучшение не приходило.

Врачи скорой застали меня в полу на прихожей. Я с трудом выволок её из комнаты с окнами, и она утихла, кукольно обмякнув в моих руках. Я держал её в замке рук и рыдал, пряча лицо в её спину. Отчаяние, ужас, боль, ненависть к себе – я не мог ничего из этого сдержать. Я надеялся, что сейчас врачи выведут её из шока, и она придет в себя.

«Я тогда исчезну, навсегда исчезну, больше не появлюсь! Я никогда, никогда больше ничего не попрошу, поэтому пожалуйста, Господи, пожалуйста, помоги ей. Господи, Божья мать, святой Николай, все святые – прошу вас, прошу:

пожалуйста, помогите! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!...».

Врачи спросили, что случилось. Я, каясь и рыдая, рассказывал всё. Они выслушали, вкололи мне успокоительное, и занялись ей: задали простые вопросы, и, не получив реакции, спросили, где её документы.

Помню, что всё произошло очень быстро. Они дождались участкового, которому я всё рассказал, уже не рыдая. Врачи её забрали, а меня оставили с участковым. Тот при мне позвонил её родителям, сообщил, что случилось, и ушел, сказав, чтобы я никуда не уезжал из города.

Я вернулся домой и не находил себе места. Я метался из угла в угол и ждал, что вот-вот мне что-нибудь сообщат. Я желал этого звонка больше всего на свете и столь же сильно боялся его: и потому ничего не мог делать.

Но ни на следующий день, ни через день, ни потом мне из милиции не позвонили. В больницу позвонить, а тем более идти я боялся – ведь там были её родители, но страшнее всего было узнать, что состояние её не улучшилось.

На третий день нервы у меня сдали, и я пошел к участковому.

Тот, вздохнув, пояснил, что факта насилия нет, телесных повреждений нет, поэтому преступления как бы нет. Девушка недееспособна, а родители подавать заявление отказались. Иди, парень, домой, и никогда больше не приходи.

Я ничего не понял. Подумал, что они что-то перепутали

и метнулся в больницу. Там была её мать. Я валялся у неё в ногах, клялся, что не хотел этого, каялся. Она подняла меня с колен, уставшим голосом сообщила, что я не виноват, что Таня давно ходила по краю. Сейчас она за чертой, но все уже давно ждали этого.

Иди, парень, домой. И никогда больше не приходи.

Я брёл домой и не мог принять услышанного. Что происходит? Почему все так равнодушны к тому, что произошло? Разве произошло что-то незначительное? Девушка сошла с ума после того, как я попытался её изнасиловать! Она пытается покончить с собой! Она раз за разом стремится выброситься из окна вместо того, чтобы ходить на работу, радоваться жизни и быть с близкими! Я – причина произошедшего, так почему никто не наказывает меня?!

Я видел её еще один только раз. У нас в городе только одна лечебница для душевнобольных, я приезжал туда каждый день. Приезжал, ходил вдоль забора и смотрел в окна, пытался увидеть её. Перед глазами стояло безжизненное тело, в которое я её превратил, лихорадочно блестящие безумием глаза. Я помнил её, живую, плачущую и смеющуюся, возмущающуюся и печальную. Я надеялся, что увижу её опять такой.

Но увидел я её еще лишь раз. Её, цепляющуюся на створку форточки, стаскивали с подоконника. Я, стоя по ту сторону забора, наблюдая за этим рыдал навзрыд.

Я убил её. Неважно, что там было до меня, что послужило

причиной, а что – поводом, не важно, что она дышит, ходит, ест. Я убил её. Я убил.

Она там мучается из-за того, что я её полюбил. Она там страдает из-за того, что я хотел, чтобы она стала моей. Она несчастна из-за моего желания, чтобы она смотрела только на меня. Страдает она, её семья, её друзья, близкие, знакомые, коллеги. Из-за меня у нее не будет шанса полюбить, завести семью, детей, внуков. Из-за меня, из-за моей эгоистичной любви страдания в мире умножились.

«Как я могу жить с этим? – вертелся у меня в голове вопрос, но я не в силах был его задать. – Имею ли я право продолжать жить после такого?».

Выговорившись, я ощутил эйфорию облегчения. Я выплеснул из себя все, что меня тяготило, открыл самый грязный секрет. И с воодушевлением ждал вердикта.

– Ну, и что? – помолчав, произнесла она.

Она произнесла это простым, будничным тоном, и никак не продолжила свою мысль дальше.

Я почувствовал себя опустошенным. Моя боль вылилась из моей души, но в её душу не попала: так куда же она делась? Внезапно мне стало жаль, что я так разоткровенничался. То горе, та обида, та боль, что я так долго в себе пестовал: куда это все делось? То, что было источником моих эмоций, что наполняло мои мысли и сердце: куда ушло? Чувства, так долго бередавшие мои раны: куда они пропали?

Я пытался снова и снова вызвать в себе страдания, к ко-

торым привык – и не смог. Я был пуст, обессилен и выпотрошен. Ради чего я это всё высказал? Чтобы самое дорогое, что у меня было, покинуло меня?

Она сидела рядом, спокойная и отрешенная. Если бы она забоялась меня, стала опасаться, или, наоборот, жалеть и сокрушаться о моей судьбе или судьбе Тани – я, может быть, и получил бы желаемое: другую эмоцию. Но она была абсолютно спокойна, словно я рассказал ей безобидную историю из своего детства.

Мне стало страшно: образовавшаяся пустота внутри пугала меня. Мне было некомфортно, и я осознал, что моё страдание было тем, что делало меня мной. Я страдал, потому что хотел быть лучше, чем я есть. А теперь, когда я всё высказал, это ушло.

Боль покинула меня, но от этого я ничего не приобрёл.

Я ощутил злость. Эксперимент не удался: лучше, чем был, я не стал. Я не приобрёл, я потерял.

Я разочаровался в Крушине. В тот миг, наверное, для нас двоих всё и решилось.

«Ну и что?». Как же ты могла мне такое сказать?..

Я хотел от тебя спасения, и не получил его. Я хотел тебя спасти: но не потому ли ты тоже погибла от моей руки?..

Очнулся я в кресле на рассвете: в слезах, с раскалывающейся головой и саднящим сердцем.

Когда Крушина приносила что-то хорошее?..

Энола Гай

– Повтори.

Глава потрясён. Отчасти я его понимаю: меня саму до сих пор потряхивало – правда, по другому поводу.

И этот многогранный страх был моим собственным.

До сего дня всё было в порядке. Я наслаждалась окружающим меня комфортом, монотонностью действий, отсутствием необходимости хитрить, отсутствием необходимости сближаться с кем-то. Я наслаждалась ощущением, что мне ничего не угрожает, ведь чем больше времени я проводила с ней, тем меньше верила в теорию о вернувшейся Крушине.

Все кругом были убеждены в этом после истории как Ника едва не удавила главу. Я всегда сомневалась в этом аргументе: мало ли что может выкинуть человек после наркоза? Я слышала, что люди и не такое выкидывали, отходя.

С Крушиной мы лично не знакомы, но ничего из похожего на рассказы о ней за Никой я не наблюдала. В моменты, когда она пыталась разговорить меня, проскальзывали простые темы: семья, праздники, фильмы. Она прощупывала почву: и ни одна тема не ассоциировалась у меня с Крушиной.

Довольно скоро я забила на слова главы об опасности. Сытая жизнь, ночи в тёплой и мягкой постели, отсутствие необходимости убивать людей – что ещё нужно для счастья?

У меня как будто был отпуск: я наслаждалась созиданием, миром, покоем. Даже начала строить планы на будущее.

До определенного момента.

Мы как обычно играли в слова. Это и разговор, и тренировка для ума, и убийство досуга, и сглаживание неловкости, и развитие кругозора – пять в одном. К тому же это способ узнать человека косвенно: словарный запас может многое о человеке сказать. Ника, например, сыпала названиями растений и почв, но в то же время могла вернуть и названия каких-то инструментов. Меня это забавляло, ведь я побивала её косметическими средствами и музыкальными терминами. В такие времена приходилось останавливаться и объяснять, что за слово употребил – тогда это было больше похоже на разговор.

Если играть в эту игру довольно долго, рано или поздно обычные слова заканчиваются. Чаще всего затык возникает со словами на «а» – самое популярное окончание. Была очередь Ники, я, смеясь, подгоняла её. Мне нужно было идти за обедом, и я хотела выиграть время на подумать. Я была спокойна и весела, когда она вдруг произнесла:

– Аберид.

И пристально посмотрела на меня.

Я застыла на месте. Мороз подрал по спине, волосы встали дыбом на затылке.

Она думала, что я попрошу объяснить слово, но я не просила. Я и так знала – так назывался процесс развоплощения тела из придуманной главой теории утилизации потенциалов.

Ледяной иглой пронзило меня осознание: «Авионика»

это слово знать не могла.

И уж тем более не соответствовал «Нике» тон, каким она его произнесла.

В глазах потемнело, мир сузился в точку. «Она там, она там, она там!» – шумела кровь в ушах. «Аура», «яд», «опасность», «убийца» скакали в моей голове.

Меня обуял неконтролируемый животный страх, и я опрометью кинулась из палаты.

Когда за мной захлопнулась тяжелая металлическая дверь, наваждение слегка отступило. Почувствовав себя в безопасности, я, наконец, оглянулась.

«Авионика» сидела неподвижно, и, отвернувшись, смотрела в сторону. Осанка, поза, наклон головы мне были незнакомы: а я ведь видела её каждый день больше двух месяцев!

Внутренности скрутило холодным узлом.

«Господи, это правда. Это действительно правда! Там – Крушина!».

Я стояла, окоченев от ужаса. В голове билась лишь одна мысль.

«Что ты такое? Что ты такое? Что ты такое?».

Неосознанно мои руки обвили живот: и когда я обнаружила это, мой страх умножился на два.

«Спокойствие», «мир», «удовольствие от заботы», и «страх смерти», испытанный только что – это мои были чувства?

Привкус горечи во рту стал отрицательным ответом.

Я расслабилась. За эти несколько недель я дала слабину. Я позволила «этому» повлиять на меня.

Теперь меня трясло от собственного страха. Скорее: мне нужно как можно скорее к главе.

Авионика

Внезапно всё изменилось.

Что конкретно послужило причиной, мне неизвестно, но отношение ко мне резко изменилось.

«Энола» начала говорить. Поначалу я решила, что она просто ошиблась, заговорив на тему, которую раньше игнорировала. Но она снова и снова отвечала на мои отвлеченные вопросы: подробно и развернуто.

Казалось бы: это шанс задать вопросы, на которые я больше всего бы хотела получить ответ, вопросы, что я задавала постоянно в первое время, и все из них были проигнорированы. Но, получив, наконец, такую возможность, я не могла решиться задать вопрос и услышать ответ.

Мне было жутко от этой внезапной перемены, мне было страшно от мысли, что все мои опасения окажутся правдой.

За последнее время моим миром стала эта комната и место, откуда приходит «Энола», «глава» и «Камэл». Мне начало казаться, что та, моя прежняя жизнь, ненастоящая. Не существует никакого внешнего мира: института, родителей, полиции. В моей жизни нет и больше не будет ничего, кроме этого места и этих людей.

Что мне делать, если это окажется правдой?

В конце концов, «Энола» подняла эту тему сама. Она сказала то же самое, что и «Камэл» в день нашей первой встречи.

«Ты попала в аварию, – чуть удивленно ответил он на мой вопрос, и дальше заверил: – Для всех ты там умерла, поэтому здесь можешь быть свободна. Можешь больше не бояться, и жить, как хочешь».

Тогда он говорил столь уверенным тоном, что я на миг поверила в этот бред. И глаза – необычайно светлые, желто-рыжего оттенка – честные-пречестные. Выражение лица, поза, взгляд – всё говорило об его искренней вере в производимое.

«Камэл» всегда говорил со мной откровенно, так, будто не существует никакого запрета. Это было очень заметно на контрасте с «Энолой». Так странно: судя по речи, мы росли в одной стране, судя по возрасту должны были смотреть одни и те же мультфильмы, телепередачи, праздновать одни и те же события. Но, находясь в одной комнате, мы словно принадлежали разным видам: наше общение сводилось к играм. Она никогда не заходила дальше, сколько бы я не провоцировала.

А теперь всё иначе. И эта новая, непривычная реальность, пугала своей непредсказуемостью.

Хотя, отношение «Камэла» не изменилось. Интервалы между его посещениями становились всё длиннее, и с каж-

дым разом становилось очевиднее, что за его сочувствием стоит ещё что-то. Он уже отдал мне свой плеер, затем принес сухую кисточку сирени. Глядя в пол, пересказывал мне сюжеты книг или фильмов. Если появлялась «Энола», немедленно заливался румянцем и переключался на игру в слова.

Мне показалось, что он равнодушен к «Эноле».

Вообще-то, «Камэл» на верблюда был совсем не похож. Совсем молодой парень, высокий, широкоплечий, с узкой талией. Не качок, но под одеждой угадывалось сильное тело. Светлая кожа, гладкое привлекательное лицо, темные волосы: короткие на висках, спадающая на лоб чёлка. Тёмные свитер и джинсы. Предупредительные жесты. Вежливая речь. Ироничные замечания.

И удивительные глаза цвета жидкого золота.

Вообще-то он был приятным. Откровенно говоря, «Камэл» был очень привлекательным.

И это меня больше всего смущало. «Камэл» казался мне самым вменяемым, но в то же время я помнила, что он с ними заодно.

Хотя, если он приходит к «Эноле», то чего мне опасаться? С другой стороны, мысль о том, что он ходит не ко мне, тоже заставляла чувствовать что-то неприятное.

В любом случае, слова «Камэла» совпали с показаниями «Энолы». Про аварию, скорее всего, правда: доказательства налицо. Но что на счет всего остального?

«Я для всех умерла там»?

Похоже, они зачем-то забрали меня с места аварии. И вместо того, чтобы увезти меня в больницу, эти добрые самари-тяне решили выводить меня самостоятельно. Но для чего?

Чего я должна «больше не бояться»? От чего «быть сво-бодной»? Это как понимать?

«Там», во внешнем мире, я никого не боялась. «Там» я была свободна, у меня было все, что мне нужно. Я училась, строила планы, разговаривала с родными и гуляла с друзьями. Хотя теперь воспоминания об этом уже не такие яркие.

Это «тут» я привязана к кровати и постоянно живу в стра-хе.

Я ждала, пока происходящий вокруг психоз выйдет на но-вую стадию, но теперь мне страшно. Я не знаю, что делать, не хочу ничего менять, потому что твёрдо убеждена: лучше уже не будет.

Камэл

Мне нужно перестать видеться с тобой. У меня с головой не в порядке.

Сперва я поймал себя на мысли, что постоянно вспоми-наю о тебе. Когда был снаружи, то чаще, чем раньше, подме-чал что-то интересное: «Об этом можно потом тебе расска-зать». Иногда подгонялся, не слишком ли долго ты поправ-ляешься, не сильно ли болят твои травмы, не достает ли те-бя глава. Время от времени мне вспоминались какие-то твои реплики: предмет, который мы обсуждали, внезапно обретал

новые краски. Ты говорила, что любишь метро за запах земли – и я начал его замечать. Ты говорила, что хотела бы проходить факультативную астрономию в школе – глядя в ночное небо и мне теперь хочется знать название созвездий.

Потом я отметил, что рыщу глазами по сторонам в поисках того, что можно принести тебе тайком. Та кисточка сирени преобразила тебя на мгновение: мне хочется увидеть это выражение лица ещё раз.

Твой телефон жжёт карман: я обещал тебе музыку, но все никак её не организую. То возможности нет, то времени, но чаще побеждает желание оставить эту музыку себе: послушать, что тебе нравится. Понять, что ты любишь. Найти что-то общее.

Такого раньше не было, это настораживает и заставляет задуматься. Когда я на задании, я могу ещё взять себя в руки.

Но стоит мне оказаться у твоей постели, – и вовсе начинается безумие. Если на мои: «Привет!» или «Как дела?», ты повернёшь голову и волосы рассыплются, у меня мелькает ненормальная мысль протянуть руку и поправить их. В попытке одолеть наваждение и отвлечься от завораживающего платинового блеска, я опущу взгляд и наткнусь на изящные пальцы, выглядывающие из гипсовой повязки. «Как веточки,» – подумается мне, и параллельно придется сцепить руки в замок, дабы сдержать переплести свои пальцы с твоими.

«Что это ещё такое? – будет недоумевать сознание, пока я старательно что-то буду пересказывать. – Что происходит?».

По ходу истории ты легонько усмехнешься, а натренированное сознание охотника услужливо отметит, что твои губы цвета клюквенного морса, пролитого на снег, потрескались. Кровь моментально бросится мне в лицо от желания облизнуть эти губы, смягчить эту корку – и чтобы усидеть на месте, не подавая вида, придется призвать всю силу воли. Нужно продолжать рассказывать историю, не смотря на предвкушение горько-сладкого привкуса клюквы во рту.

Я думал, что это была какая-то розовая аномалия, но это повторилось и в следующую встречу, и после. Я сидел рядом с тобой, а ладони горели от воспоминания, как сжимали твои запястья. Стоило тебе шевельнуть ногами, и мгновенно вспоминал, как они упирались мне в спину в машине. От этих воспоминаний становилось щекотно в голове и жарко в животе.

Я решил, что если перерыв между визитами будет дольше, то все пройдет. И действительно, последняя охота заняла много времени, была сложной в исполнении, требовала концентрации – я почти не думал о тебе.

Но едва вернувшись, первым делом я направился не к себе, а в лазарет. Сам не помню, как оказался у твоей постели. Глубокая ночь, ты не проснулась ни от скрипа двери, ни от света, пролившегося внутрь в момент, когда я заходил.

Факт очевиден: это не сработало. Но, может быть, это не так уж плохо?

Темнота и отсутствие прямого твоего взгляда делают ме-

ня бесстрашным. Протягиваю руку и завожу мягкий локон за аккуратное хрящевое ушко. Щека такая прохладная: тебе холодно?

Снимаю кофту, в которую переоделся по возвращению, и накрываю хрупкие круглые плечи.

Не могу больше отрицать: я в тебе заинтересован. Ты меня привлекаешь.

На миг становится легко, но затем тяжесть наваливается с новой силой.

Как теперь быть?

Глава

За последние трое суток я спал от силы часа четыре. От усталости ломит тело, от напряжения ноют кости в голених и предплечьях. От недосыпа внутренности мелко трусит, а из-за нарастающего стресса трясутся поджилки.

Я начинаю напрягаться, потому что идёт целая полоса провалов.

Последняя охота прошла неудачно. Потенциал был так себе, и из пророчества уже было ясно, что шансов получить его мало – но я решил рискнуть. И ничего не добился.

Нынешняя вылазка тоже не увенчалась успехом: то ли пророчество было пустым, то ли аналитики плохо сработали. По всем местам глухо.

Перспективных пророчеств для разработки тоже не осталось: мой единственный сновидец давненько не выдавал ни-

чего годного, потому что волком смотрит на единственного оставшегося толкового охотника. Всё ждёт, пока сбудется пророчество о них двоих, что он её заберёт. Нужно придумать, что с этим сделать, иначе я останусь совсем без информации.

Надо бы поручить аналитикам перетряхнуть архив: может быть, там найдётся что-нибудь перспективное. Людей займу заодно.

Это тоже проблема: людей у меня полно, но из них лишь треть – потенциалы, из которых годным для работы сейчас можно назвать разве что Камэла. Охотники и так были наперечёт, а из-за возвращения Крушины мне пришлось снять с фронта ещё и Энолу. У той потенциал что надо, но с ней и так договоренность была лишь на время. Потенциал замедления перспективен, хотя теоретически сложен в обращении, но я не могу на него рассчитывать, пока он в утробе матери. Я надеялся, что, если дать ей больше времени свыкнуться с ребёнком, она к нему привяжется; я думал, что, если дополнительно простимулировать её заботой о ком-то беспомощном, у неё стрельнут гормоны, проснётся материнский инстинкт – и она доносит ребёнка – это хотя бы ещё полтора года эксплуатации. Но этого не происходит: и очень скоро грозит стать проблемой. Неужели и этот расчёт окажется неверным?..

И, конечно, главной проблемой, требующей решения, остаётся Крушина, запертая в изоляторе. С её появлением

началась эта полоса неудач: может, и не стоило её перехватывать.

Я направлялся в свою комнату, чтобы поспать, но ноги сами привели меня в лазарет: опомнился, когда схватился за ручку двери в изолятор. Что ж, мне и впрямь хотелось проверить, как она тут. Сейчас, одним глазком взгляну – и пойду отдыхать.

В палате темно: глубокая ночь, время сна. Узкая полоска света из приоткрытой двери падает на кровать.

Крушина спит, отвернув голову вправо. Волосы закрывают лицо: издали я даже могу принять её за настоящую. Руки по-прежнему зафиксированы и не дают ей переверачиваться: мне это скорее не нравится. Может быть, стоит уже развязать её – над этим нужно подумать.

Ещё больше мне не нравится, что поверх больничного одеяла её грудь и плечи накрывает мужской бомбер: кто-то пришёл сюда раньше меня и заботливо её укрыл. Не припомню, чтобы давал такое распоряжение.

Внутренности перестают трястись от недосыпа и вместо этого обливаются жидким пламенем. Закрываю дверь и направляюсь в кабинет. Сон как рукой сняло: кажется, дел у меня больше, чем я планировал.

Это напомнило мне о прошлом: о том дощатом сарае, чужой кофте, призванной спасти тебя от ночной прохлады, задушевном разговоре и том, что последовало после моих откровений. Об ещё одной моей ошибке.

Настроение стало хуже некуда: стоит утопить себя в работе.

Четвёртое правило Павлова: если что-то мучает тебя – устрани это.

Авионика

Живёшь себе, живёшь, никого не трогаешь. Встаёшь по утрам, куда-то едешь, что-то там делаешь, обедаешь, болтаешь с друзьями, едешь домой, ужинаешь, опять что-то делаешь, потом ложишься спать. И, поскольку все вокруг тебя делают то же самое, тебе кажется, что ты всё делаешь правильно. Из-за того, что все вечно копошатся и чем-то заняты, ты тоже копошишься и стремишься чем-нибудь заняться. Из-за того, что все вечно жалуются на усталость, ты тоже её испытываешь и тоже на неё жалуешься.

Все недовольны в какой-то мере своей жизнью, и ты недоволен своей в какой-то степени.

Иногда приходит в голову: «А, собственно говоря, почему я недоволен?» – и начинается самокопание, которое, впрочем, мало куда приводит. Самое большое – ты приходишь к выводу, что нужно что-то изменить: пить больше воды, читать вместо того, чтобы смотреть сериалы, ходить в спортзал вместо того, чтобы лежать на диване. После недели частого хождения в туалет, засыпания от трех прочитанных страниц и двух недель тренировок возвращается на круги своя. Учеба, друзья, сериальчики и домашние дела как-то заполняют

время и даруют покой. Как-то безопаснее смотреть на мышиную возню и возиться самому. Инстинкт стадного животного побеждает.

Иронично, но до того, как попасть сюда, я пыталась понять, что в моей жизни не так. Было, знаете ли, такое поганое, тяжелое и неотвязчивое ощущение, что я несчастна. Ничего не идёт как надо, не приносит удовольствия, не радует.

Ха.

Не чувствуешь своего тела, пока не поранишься. Не ценится свобода передвижения, пока она вдруг не пропадает. Не воздаешь должное личному пространству, пока вдруг не оказываешься прикованным к больничной койке, и посторонний человек помогает тебе с интимными вещами. Довольно дискомфортно, когда не можешь даже поднять рук, поменять положение тела. Унизительно, что не можешь и просто волосы поправить, и сделать более интимные вещи, которые предпочёл бы ни с кем не делить. Чёрт бы все это побрал, но вдвойне унизительно, что из-за ограничений, которым я подвергаюсь, осязание обострилось. Очень стрёмно ощущать, как по твоим интимным частям из тебя вниз весело течет жидкость, как на простыне она моментально остывает; чувствовать распираение в тканях при испражнении, и как что-то мягкое и теплое тут же становится мерзким и холодным, размазывается по твоему телу, палату наполняет соответствующий аромат. Ты лежишь, желая умереть от стыда, стараешься не шевелиться, чтобы не изгваздаться в этом, и

ждешь, когда придет посторонний человек, обмоет тебя, вынет запачканную простыню, перестелет постель, ничего при этом не комментируя.

И потом ты с этим же человеком, видевшим при свете дня те твои места, что не принято показывать посторонним, должен как ни в чем не бывало обсуждать пожелания на завтрак, какое масло для волос лучше сработало и почему тебе не нравится творчество Толстого и Достоевского, а Грибоедов – в самый раз.

Я, может быть, воспринимала бы всё иначе, если бы действительно болела: если бы у меня была сломана шея, и я лежала колодой на постели, не чувствуя своего тела, без возможности передвигаться. Но напротив: тело я чувствую превосходно. А вот передвигаться не могу из-за того, что обслуживающий меня человек привязал меня к кровати.

Быть пленницей втройне унизительно. Что я сделала, чтобы заслужить всё это?

Я всю жизнь старалась не нарушать правил.

Слушайся маму. Слушайся бабушку.

Доедай всё, что есть на тарелке.

Уступай пожилым место в транспорте.

Дорогу переходи на зеленый свет.

Не путай «тся» и «ться».

Говори всем «здравствуйте», «пожалуйста» и «спасибо».

Хорошо учись. Хорошо себя веди.

Я вела. И куда меня это привело?

Я всю жизнь надеялась, что если буду соблюдать правила всегда, когда могу, мне однажды можно будет нарушить их, и за это ничего не будет.

Но все оказалось не так. Удача не копится, нет никаких баллов за примерность, а я – в полном отчаянии.

Когда мне становится холодно, я не могу укрыться. Кожа ощущает движение воздуха, поднимаются мурашки, оголённые участки холодеют, и это становится все заметнее на контрасте с телом в тепле. Я вижу одеяло, что лежит в углу кровати, но даже если я подтяну его ногами, мне никак не укрыться. Всё, что я могу делать: это лежать и фиксировать свои ощущения.

Для чего я жила? Для чего продолжаю цепляться за такую жизнь? Умом я понимаю, что не стоит надеяться на возвращение в реальность, а сама продолжаю. Жду, что однажды смогу выбраться отсюда. Что я могу сделать, чтобы покинуть это место?

Ё-на

Самая мощная сила в природе – это сила ядерного взаимодействия: она держит вместе кварки, которые составляют протоны и нейтроны. Она так и называется: сильное ядерное взаимодействие, – и распространяется на самые маленькие, субатомные частицы. Это так удивительно. Связь между самыми крошечными частицами любого ядра любого вещества во всей Вселенной – в мире нет связи, прочнее этой.

Вы знали?

Сильное взаимодействие работает только тогда, когда субатомные частицы находятся очень близко друг к другу. Каждая частица стоит на своем месте в структуре, и изо всех сил взаимодействует только с частицами, стоящими рядом. Сколь бы много не было атомов в веществе, она будет взаимодействовать только с теми, кто в её атоме.

Дальше связь не распространяется.

И весь этот порядок вещей может изменить только катаклизм: попавший извне чужеродный кварк выбьет с орбиты родную для ядра частицу, и все изменится.

Все как в человеческих общинах, не правда ли?

У нас тут тоже завелось одно нейтрино.

С каждым днём всё заметнее её влияние на всех. Неуловимо все: охотники, ребята из аналитического отдела, программисты, даже работники столовой, поначалу её опасавшиеся, привыкли к тому, что она здесь. А после того, как глава дал ей статус утраченного потенциала – Крушины – они перестали бояться и начали даже начали интересоваться ей.

Так что удивительного в том, что те, кто в первых рядах – глава, Энола, Камэл и Рэй – оказались под её влиянием? Что в ней так их притягивает?.. Что в ней есть такого, чего не хватает мне?

Она попала сюда и изменила все связи. А я, получается, стала той, кого она выбила с орбиты.

Как же меня это достало!..

Я нахожусь тут уже восемь лет, на моём счету тысячи пророчеств, десятки найденных потенциалов. Я следую установленным правилам, ограничиваю себя в книгах и фильмах, живу по расписанию.

Но стоит появиться ей – и все начинают скакать вокруг неё. Она жива, между прочим, благодаря моему пророчеству! Это я увидела сон о девушке с золотыми волосами, это я запустила эту цепочку спасения! Но если бы я знала, чем это обернётся, промолчала бы.

Как же бесит!

Она же ровным счётом ничего не сделала! Она просто пришла в себя и лежит в палате, залечивает раны. Ещё никак не доказана вообще её полезность, но разговоров только что о ней. Ко мне же начались какие-то необоснованные претензии.

– Сегодня снова ничего? – аналитик, принимающий сегодня у меня тетрадь, не сумел скрыть своего разочарования, увидев пустые страницы. – Это уже становится не смешно...

«Чёртов сноб! Думаешь, перед тобой автомат по производству прорицаний?». Но я мило молчала.

– Уже три месяца ни одного сна – такого раньше не случилось...

«Думаешь, это так легко, умник? Иди, приляг да выбей у Вселенной предсказание!». Но вместо этого изо всех сил улыбалась.

– Мы уже все архивы пересмотрели – там ничего толко-

вого. Если ты не можешь, то и мы без работы остаёмся.

«Да ты все никак не уймешься? Если ты не можешь себя занять, какая моя в этом вина, козёл?».

Улыбку становилось держать все сложнее.

– Чего улыбаешься? Ты не заболела часом?

«Пиздец тебе. Я пыталась». Я уже набрала в грудь побольше воздуха, чтоб послать этого типа с сальными волосами подальше.

– О, Ё-на! Утречка!

Пшшшшшшш: гнев вышел из меня вместе с воздухом. Глава приближался по коридору и ласково улыбался.

– Ты и впрямь неважно выглядишь, – быстро оглядев меня констатировал он. – Сходи-ка до Анны, пусть она тебя глянет.

К Анне?! Мне?!

Я в порядке!!

Ей приходится нелегко из-за сокровища в изоляторе, с которым все носятся, как с писанной торбой. Я – не некоторые, не собираюсь причинять неудобства, привлекая внимание к своей персоне.

Меня выбило с привычной орбиты, это правда. Надеюсь, выбило в сторону моего предсказания: иначе для чего это всё?

Энола Гай

После шести последних недель могу с уверенностью ска-

зять: не ходить на охоту – это просто потрясающе!

Никаких засад в любую погоду, никаких вопросов: «Предпочтешь жить с этим или умереть?», никакого караула над многочасовым тлеющим костром, разводимым после неправильного ответа. Больше не трясёт от напряжения, не сводит от страха челюсти, не тошнит от гари. Можно вкусно есть по расписанию, носить одежду, которую хочешь, в любое время ходить в душ и ложиться спать в мягкую постель. Раньше, во время перескока с одной разведки на другую, о долгом сне и полноценной еде приходилось только мечтать. Иногда поесть можно было только в машине, что везет тебя с одной точки слежки на другую, а поспать – когда был напарник.

Это было тяжело и физически, и морально, но не скажу, что мне это так уж не нравилось. Такой бешеный ритм не оставлял времени для размышлений: мне не приходилось терзаться чувством вины и страхом перед неопределенностью будущего. Глава ставил задачу, потом новую, и новую, и новую. Он думал за меня, что делать; выдавал на задание одежду и инструкции, присылал с водителем перекус, бронировал квартиры посуточно, обеспечивал связь и прикрытие. Мне всегда было, куда идти, чем заняться и куда вернуться. Я всегда знала, чем всё закончится. Мне не нужно было думать ни о чём.

Но эти несколько недель передышки дали возможность вволю поразмыслить. И осознание происходящего приводит меня в ужас.

Мне раньше все казалось логичным: и процедура охоты, и выдаваемые инструкции, и поведение всех участников охоты. Но если подумать, разве охота – это не банальное убийство?

Ведь оно и есть же. Ты приходишь к человеку, который немного отличается от остальных, и спрашиваешь его: «Хочешь жить или умереть?». Что это за вилка такая: жить будешь только если присоединишься ко мне, если откажешься – умрешь. А как же вариант вернуться к своей, пусть и хреновой жизни? Почему его нет?

И почему я раньше не задавалась этим вопросом?

Изначально глава просил представлять на месте потенциалов, на которые ведется охота, ребенка в моей утробе. И я представляла: сейчас его тело поддерживается моим, но стоит ему родиться с таким метаболизмом – разве сумеет он прожить хотя бы день? Он будет жить год за годом, и ментально уйдет вперед раньше, чем за ним поспеет тело. Что это будет за жизнь и разве можно это назвать жизнью?..

Моё решение лишить его такой жизни было логичным. И, раз лишаю жизни его, то логичным казалось помочь другому потенциалу избежать тяготящей действительности. Я этим руководствовалась в течение четырех месяцев, что ходила на охоты.

Но разве это не безумие?

Разве можно сравнить сгусток дефективных клеток и взрослых людей? Разве это равнозначное убийство?

Передо мной встают лица людей, которым я «помогла». Пусть они и говорили: «Я устал. Хочу уйти» – разве это давало мне право им в этом помогать?

Это осознание приводит меня в ужас. Я стараюсь не думать об этом, но в то же время возвращаюсь к этой мысли снова и снова.

«Скоро все закончится, – утешаю я себя. – Глава соблюдет договор, я уйду и никогда больше об этом не вспомню».

А взглядом натываюсь на человека, которому «помогаю» сейчас.

Девушка, в которой с моей лёгкой руки был признан потенциал умершего человека.

Девушка, привязанная к кровати до сих пор лишь за то, что знала какое-то слово.

Безумие, абсолютное безумие. Развоплощение? Переселение душ? Случайное возвращение в таинственную организацию для мести? И при этом – ни единого доказательства реального наличия потенциала, кроме моих слов и слов Рэя.

– Что?

Авионика-Крушина смотрит своими глубокими глазами снизу-вверх прямо в душу. Мне кажется, она и сама может понять, «что» со мной.

– Что стряслось? – роняет она в повисшую тишину.

Мысли лихорадочно бьются в сознании, как мотыльки в банке. Мне страшно от сотворённого, страшно от того, что ещё предстоит сделать, страшно возвращаться домой,

страшно оставаться здесь. Я опасаюсь главу, Ё-ну, Камэла, Рэя и её саму. Мне кажется, что либо они сумасшедшие, либо я безумна, либо мы все не в себе. Перед глазами мелькает тлеющая свалка, протянутая рука главы в полумраке абортария, недовольное лицо Анны, инструктирующей меня по уходу за лежачим больным и пунцовое лицо Камэла, робеющего перед Авионикой-Крушиной.

– Энола?

Я вспоминаю, что мои вещи остались на съемной квартире и наверняка уже выброшены хозяйкой. Холодею от мысли, что я не знаю, где мой паспорт. Тут же проносится в голове, что после аборта положено три дня больничного.

«Какой больничный? – одергиваю себя, – ты ведь даже не работаешь...».

– Энола!

Громкий голос Авионики приводит меня в себя.

«Энола».

Заставляет содрогнуться то, что мне не сразу удаётся вспомнить своё настоящее имя.

Точно. Все тут с кличками, которые раздаёт глава. И лишь один человек с настоящим именем – она сейчас обеспокоенно глядит на меня.

От этого взгляда что-то во мне щелкнуло, и я выпалила то, что приносило мне больше всего боли, самый большой позор своей жизни.

Я рассказала о своей беременности и что понятия не

имею, кто отец. Как я, утомленная медицинским бюрократическим адом, сидела в темном коридоре абортария на холодной металлической скамье, держа в руках заключение о замершей беременности. Я пыталась понять тогда, хорошо происходящее со мной или плохо – и вдруг незнакомый симпатичный парень попросил о помощи. Я согласилась – ведь это уводило меня от необходимости принять решение: хорошо это или плохо – здесь и сейчас. Я думала, ему нужна минутная помощь, но он забрал меня из реальности прямо в халате и тапках уже на долгие восемь месяцев.

Восемь месяцев я здесь и до сих пор не могу понять: происходящее со мной – хорошо или плохо?

Я ужасный человек. Я ненавижу себя, ненавижу ребенка внутри себя, из-за которого это всё происходит, и снова ненавижу себя, потому что из-за моей глупости этот ребенок вообще завёлся.

Я хочу прекратить жизнь, которую даже еще не дала. Я пользовалась жизнью, которую даже не дала, чтобы потом её уничтожить.

За всё это время я так и не приняла решения: правильно это или нет.

А Авионика, выслушав мой словесный ливень, произнесла:

– Ну и что с того?

Весь мир на миг замер. Всё остановилось, замолкло.

А ведь действительно, что в этом такого?

И в этот миг, когда всё в моей душе встало на место, замерло и остановилось, впервые во мне шевельнулся ребенок.

Глава

Блять, как же всё это достало.

Ладно, в этот раз я сам виноват: мои ожидания не оправдались, потому что я ждал слишком многого. Но можно же было, блять, выбрать другое время. Всё это совершенно сейчас ни к чему.

В памяти вспыхивают перекошенное гневом лицо Энолы, отлетевший с грохотом стул. Сдвинутые брови, но полные ужаса глаза. Визг, режущий ухо.

«Ты же обещал! Ты обещал!..».

Знаю, что обещал. Потому так и вышло.

Что за напасть. Одна неудачная охота, потом другая. Ни одного перспективного предсказания, все разведки вхолостую. Столько сил, столько времени впустую. Люди начинают терять веру, мотивацию. Усталость накапливается, а результата – нуль. Даже от последнего добытого нами потенциала – вернувшейся Крушины – толку никакого. Мало того, что она никак не проявляется, так и отравляющая аура не сработала.

Это из-за замедления? Или от того, что Энола провела слишком мало времени с ней? Или от того, что это не Крушина вовсе?..

Нет, Энола говорила про аберид. Да и ощущения Рэя не

меняются. Да и этот полный ненависти взгляд: я узнаю его из тысячи. Это Крушина. Это определено она.

Так какого чёрта? Какого чёрта не сработало?!

Я же все спланировал: либо Энола передумывает, поскольку привыкла о ком-то заботиться, и у меня будет потенциал замедления еще минимум на полтора года, либо Крушина убьёт ребенка отравляющей аурой, и будет железное доказательство, что потенциал действительно есть. Была вероятность, что Крушина прикончит и Энолу, но она была весьма несущественной.

Энола была одним из самых надёжных, не смотря на перепады настроения, охотников. Я предпочел бы, чтобы она не умирала. Поэтому мне втройне досадно от того, как это всё разрешилось.

Отпускать её обратно в мир я, конечно, не планировал, хотя, если бы она ушла, думаю, никогда бы не проговорилась, где была. Наплела бы что-нибудь про потерю памяти, или похищение инопланетянами. Вряд ли она привела бы людей к нашему порогу: в этом плане на неё можно было положиться.

Но дело тут в другом: отсюда нет обратной дороги. Все потенциалы, которые соглашаются уйти, умирают для мира людей. В этом принцип нашей работы: мы – тихая гавань для тех, кто не смог жить больше среди людей.

Я надеялся, что Энола останется. До последнего надеялся: пока из вида не скрылась машина с ней на заднем сидении. Обессиленно прислонившейся к двери, бледной, без единой

кровинки в лице. Прошло меньше получаса после того, как Анна выполнила мою часть договора. «Энола Гай», избавившаяся от смертельного груза, переделалась в свою старую одежду, забрала пакет с медицинской книжкой, и, не оглядываясь, не произнося ни слова, села в машину, которую я ей дал.

Я заглянул в салон и попросил водителя высадить её в трёх километрах от ближайшего населённого пункта: мол, ближе нельзя, машину заметят. Я давал ей ещё один шанс передумать. Но Энола лишь коротко кивнула, смотря куда-то в спинку переднего сидения: меня удостаивать взглядом было уже необязательно.

На дворе зима, а её лоб покрылся крупной испариной. С лицом серовато-белого цвета, и рыжими прядями, прилипшими ко лбу, образовавшейся в теле хрупкостью Энола напомнила мне сыроежку. Я так часто наблюдал, как взмётываются эти кудри при повороте головы: а сейчас у неё нет даже сил их поправить. Кисти рук, которыми она пытается удержаться за ручку двери, чтобы сохранять вертикальное положение, мелко дрожат. Скорее всего, сейчас ещё действует анестезия, поэтому она ничего не чувствует, но крови там должно быть много: я ощущаю привкус прогорклого сливочного масла во рту от этого запаха.

Ей не дойти до посёлка живой. За время поездки она потеряет слишком много крови. После абортов нельзя двигаться минимум сутки: но Энолу это не волнует. Она хочет вер-

нуться в мир людей как можно скорее.

Водитель вернётся сразу же, как высадит её. Но разведка, что дежурит в том районе, должна присмотреть за ней.

И вот, пять минут назад, пришел доклад о ликвидации «Энолы Гай». Масляная горечь во рту становится нестерпимой.

Что ж, одной проблемой меньше. Если нет перспективы – зачем за это держаться?

Теперь нужно позаботиться о второй проблеме.

Дремлющий потенциал так же полезен, как меч без рукояти. Мне удаётся спровоцировать Крушину на действия, но и позволять ей и дальше выводить из строя уже имеющиеся у меня потенциалы слишком расточительно.

Один охотник ликвидирован. Второй ходит по краю, посещая её без моего приказа. Мой единственный провидец четвертый месяц на измене, потому что зазноба изволила проявить интерес к другой самке. Четыре месяца снов – и ни одного перспективного, одна сплошная драма вокруг участников любовного треугольника.

Без прорицаний аналитики начинают чувствовать провал в работе, начинают слишком много думать о всяком, породить вредные теории. Что Крушина не Крушина вовсе, а просто человек. И даже доказательства этой теории рождаются: в конце концов, аналитики есть аналитики и пытаются занять чем-то свои умы.

Однако, опираясь на свои догадки, они приходят к выво-

ду, что я ошибся, и начинают сомневаться во всех моих решениях.

Слишком дорого обходится мне содержание этого незакрытого гештальта. С этим нужно что-то делать.

Нужно доказать, что это Крушина. Узнать, как ей удалось спастись, захватить тело, так долго в нём прожить и найти меня снова. Узнать, как практически реализуется аберид: ведь если она действительно вернулась, то это путь к бессмертию потенциала. Хотя, доказать, что потенциал передан в другое тело, тоже надо...

Как все это доказать, ума не приложу. И нет сил сегодня думать об этом.

Раньше меня будоражили сложные задачи. Сейчас же одно лишь раздражение.

Решительно захожу в изолятор и натываюсь на недоуменный взгляд.

В сознании вспыхивает: «Не было никогда у тебя такого взгляда!». Это злит: ««Авионика», снова «Авионика» – да когда ж Крушина будет?!».

Подавшись порыву, хватаю дверь в санузел и с грохотом сношу её с петель.

«Ебись оно всё конём!». От бессмысленного акта разрушения немного полегчало.

Проходит меньше секунды: а я уже отстегиваю руки Крушины от кровати. Давай, нападай: я сейчас в таком состоянии, что размажу тебя без сожалений.

– Отныне заботься о себе сама, – выдавливаю сквозь зубы, потому что гнев сковал челюсть. – Еду будут оставлять у двери. Запрещаю говорить. Запрещаю выходить. Выйдешь – я тебя убью. Поняла?

Что это с лицом? Недоумение? А в глазах что: неужто испуг?

Девушка прижимает к груди запястья и совсем не собирается нападать.

От разочарования рот наполняется горечью.

«Да лучше б это ты умерла».

Камэл

Это вошло в привычку: возвращаясь с задания, идти не к себе в комнату, а к тебе, в изолятор. Мне нужно лишь увидеть тебя, убедиться, что ты существуешь – и всё, можно продолжать путь.

Там, во внешнем мире, я заметил, что ты зажила в моей голове своей жизнью. Я часто думаю, что бы ты сказала про то или про это, как бы ты отреагировала, что бы тебе понравилось, а что нет. И, благодаря этим мыслям, задания стали не такими тягостными: я, вроде как, был больше не один.

И порой от этого становилось страшно: вдруг я все это лишь выдумал?

Ты точно была: качающаяся, в полусознательном состоянии, освещенная светом фар. Тепло твоего тела вспоминало моё плечо, тонкость твоих запястий, которые я удержи-

вал, вспоминаясь моим рукам. Цвет твоих волос часто попадался мне в толпе. Я обращал внимание на вещи, о которых ты говорила когда-то. Долгими дежурствами я слушал твой плейлист.

Ты стала тем, что заполнило мои мысли. Мой мир стал богаче.

Поначалу я просто вспоминал о тебе, и это было приятно. Потом осознал свою привязанность, и это немного напрягло. Я не мог понять, чего хочу, чего ты можешь хотеть, и эта неопределенность мне не понравилась. Но перспектива поговорить с тобой напрямую и разрешить эту неопределенность пугала куда больше.

В итоге я решил, оставить всё как есть.

Всё в порядке до тех пор, пока я могу увидеть тебя завтра.

И это убеждение работало ровно до того момента, пока дверь изолятора, где ты находилась, не оказалась заперта.

Я толкал дверь раза три, пока до меня не дошел этот простой факт. И тогда во мне проснулось давно забытая эмоция.

Ужас.

Я в панике припал к узенькому окошку двери: кровать пуста, дверь в санузел снята с петель.

«Что произошло? Что случилось?».

Взгляд лихорадочно метался по палате.

«Где ты? Где же ты?».

Из паники в эйфорию.

– Ави! – воскликнул я, когда ты показалась в окошке с той

стороны двери. – Что случилось? Ты в порядке?

Ты стучишь по уху, твои губы шевелятся и складываются в извиняющуюся улыбку. Ты меня не слышишь. Я растерян и вместе с тем очарован: «Ты, оказывается, можешь быть такой милой!».

Это же впервые, когда мы вот так, друг напротив друга, стоим? Ты не такая низкая, как мне казалось.

Показываю жестами: «ты в порядке?».

Короткий кивок, показываешь мне левую руку без гипса. Ох, как я рад!

«Где Энола?».

Пожимаешь плечами, лицо растерянное и испуганное. Показываешь девять пальцев.

Энолы нет уже девять дней?

Продолжаем играть в крокодила.

«Ты не голодная?».

Отрицательно машешь головой, показываешь три пальца и на дверь. Наверное, еду тебе приносят так же по расписанию. Ну и хорошо.

Странно, куда подевалась Энола-то? Но главное, что ты в порядке.

Ты в порядке.

Вопросы у меня кончились. Смотрю на тебя и понимаю: просто видеть тебя уже недостаточно. Я соскучился.

Я поговорю с главой: нужно узнать, что произошло.

«Мне нужно идти» (хотя не хочется). Через узкое окош-

ко двери мне видно лишь какую-то твою часть. Хочу видеть тебя всю.

«Я скоро приду».

Мне не видно полностью твоего лица, но мне показалось, что на нем промелькнула грусть.

Уходя, всем сердцем я желал, чтобы мне не показалось.

Авионика

Сколько прошло времени с тех пор, как я попала сюда? Три месяца? Шесть? Больше?

У меня напрочь отбило восприятие времени.

Из-за того, что изо дня в день повторялись одни и те же события, мне начало казаться, что все так и должно быть. Что эта жизнь – настоящая, и больше кроме нее ничего не существует. Я привыкла и начала ожидать определённых событий от каждого дня.

И вдруг всё начало стремительно меняться.

Сначала «Энола»: сперва отмалчивается по всем фронтам, затем с чего-то начала говорить на отвлеченные темы, а давеча и вовсе вывалила мне свою личную историю. Стыдясь и сбиваясь в рыдания, она выдала свой самый страшный секрет, но, увидя мою реакцию, ушла и больше не появлялась. Ни через час, ни на следующий день, ни потом.

Моя реакция была слишком спокойной? Но как еще я могла отреагировать на историю о нежелательной беременности? Не проходило и дня, чтобы она в моем лице упоми-

налась при любой ссоре родителей – успеваешь привыкнуть за двадцать с лишним лет. Уже не задевает.

Хотела ли я, чтобы мама избавилась от меня? Наверное, нет: за свою жизнь, какая ни есть, я благодарна. Но я хотела бы, чтобы они избавили меня от своих сожалений: ссорились бы хотя бы не при мне.

Интересно, продолжают они ссориться сейчас? Или не ругаются совсем, потому что меня больше нет?

Сомневаюсь, что смогу теперь это узнать.

Так или иначе, «Энола» пропала и не появлялась. Её не было, не было, не было; вместе с ней не было ни еды, ни воды, ни утки. Я снова одна, привязана к кровати, и ощущаю свою ничтожность и беспомощность.

Я звала на помощь: разумеется, никто не пришел. Никто никогда не приходил, с чего бы теперь?..

Время шло, и от безделья я все ярче ощущала физические потребности.

И в момент, когда у меня живот от голода прилипал к спине, а мочевого готов был лопнуть, в палату ворвался разъярённый мужик. В нём, зачем-то сорвавшем дверь санузла с петель, я не сразу узнала главу.

В тот момент я не испытывала страха: лишь смирение. Глядя на выражение его лица, мне стало ясно, что: (а) «Энола» больше не придёт, (б) мне больше не покинуть этих стен, (в) он меня убьёт – не сегодня, так завтра.

Внутри было пусто и звонко, я преисполнилась кротости.

Единственное, чего хотелось в тот момент: чтобы смерть была быстрой и не унижительной.

Спасти не хотелось. Хотелось, чтобы все закончилось.

Но глава удивил: он отстегнул меня от кровати.

Злобно сверкая глазами, он велел заботиться о себе самой, не покидать палату и не говорить с ним. Пригрозил смертью, хоть и не очень убедительно – и удалился.

(а) и (б), (в) на подходе. Психи поругались, остался лишь один. Я, видимо, была игрушкой «Энолы» – и, поскольку теперь её нет, игрушка становится ненужной. Сейчас «глава» придумает способ половчее избавиться от тела, и завтра придет за мной.

Адреналиновый жар захлестнул, запоздалые мурашки прошли по телу.

Завтра придёт, но сейчас есть дела поважнее: ссыпавшись с кровати, я метнулась в туалет.

Отлепившись от крана, напившись вдоволь, я осознала: если это мой последний день, то не стоило себе ни в чем отказывать.

Я скакала по палате, вспоминая, что такое радость движения и одновременно обливалась слезами от страха; горланила все песни, что только могла вспомнить, по нескольку раз, не смотря на непроходящий комок в горле; беззвучно плакала от бессилия, упав на кровать; долго грелась под теплыми струями в душе, параллельно рыдая от жалости к себе. Меня смущало отсутствие двери, но умирать с грязной го-

ловой категорически не хотелось. Это, наверное, единственный выбор, который я могла себе позволить.

Готовиться к смерти оказалось страшнее, чем мне казалось.

Но я уснула, проснулась – ничего. Потом снова уснула и проснулась – ничего, кроме нервного ожидания, напряжения во всём теле. Мне чудились шаги в коридоре, бряцанье двери в тамбуре, шелест одежды. Но «глава» так и не приходил.

Я считала общество «Энолы» навязчивым. Я думала, что в камере-одиночке можно всегда себя занять.

Спустя несколько дней я убедилась, что это совсем не так.

Чувство ожидания притупилось на третий (третий раз долгого сна) день: я перестала понимать, когда нужно есть, когда спать. Еда появлялась только если я долго спала: поэтому ела я не когда была голодной, а когда было, что есть. В первый раз еда казалась невероятно вкусной, но потом восприятие вернулось в норму. Я ела остывшую, чуть тёплую пищу – и пыталась обнаружить нотку горечи: яды ведь всегда горчат? Мне не хотелось было отравленной: когда отказывают внутренние органы один за другим это больно, а испускать последний вздох на заблеванном полу малоэстетично.

Я столько была в заточении и хорошо себя вела: можно же убить меня быстро и не больно?

У меня появилось много времени, которое категорически нечем было занять. Раньше из развлечений у меня были разговоры с «Энолой» и музыка в плеере. «Энолы» больше нет,

а говорить самой с собой мне не нравилось: казалось, что так быстрее сойду с ума. Плеер же сел через несколько часов – и больше не было человека, который заряжал его. Вообще очень много мелочей я заметила после того, как «Энолы» не стало, и прониклась к ней большей благодарностью. Если я была её игрушкой, то она хорошо со мной обращалась.

Весь мой мир: четыре стены, кровать, санузел, севший плеер, больничное платье с завязками на спине, и кисточка сирени под матрасом. Раньше у меня был человек, что обо мне заботился, надежда выздороветь и сбежать. У меня теперь были только я, мои воспоминания, мои рассуждения.

Моё отчаяние, моё смирение, моё безразличие.

Неудивительно, что когда у двери палаты я вновь увидела его, то сначала глазам не поверила: мне так многое чудилось в последние дни. Ожидая смерти я столь многое забыла...

Но когда я поняла, что мне не показалось, возликовала.
«Камэл!».

И тут же осеклась.

«Камэл!.. А Энолы тут больше нет...».

Я смотрела на него, стоящего по ту сторону двери, и внезапно осознала, что испытываю к нему.

Поначалу общение с Камэлом было неприятно, непонятно и навязчиво. Ужасно раздражали его светские разговоры ни о чём, будто мы просто встретились на улице, а я вовсе ни к чему не привязана. Бесила его тёмная макушка – потому что он говорил со мной, не поднимая головы, всё вре-

мя смотрел в пол; бесил румянец неустановленной причины, густо обливающий скулы, но остальное лицо при этом цвета не меняло. Бесило, что его уши видела в разы чаще глаз.

Он казался каким-то фальшивым, неполным, фрагментарным. Он очень сильно не вписывался в происходящее, от чего раздражал еще больше: для чего он тут появился, чего хочет? Я настороженно слушала его бормотание, каждый раз едва сдерживая в горле вопль: «Что тебе нужно?!».

Обескураживало его непосредственное поведение: настолько резким был контраст с «Энолой» и «главой». Еще больше с толку сбивала его забота: сначала плеер, а потом то сухую веточку принесёт, то мандаринку, то счастливый билет из трамвая. Эти трогательные дары были в точку: раньше все эти вещи мне нравились. Он рассказывал разные истории, и раз от раза всё больше смелел: истории становились дольше и красочнее, вворачивались смешные словечки, которые я раньше не слышала, он каламбурил, шутил. Теперь Камэл смотрел не в пол, а на меня, и в его глазах, лице не читалось ничего, что могло бы мне навредить. Наоборот, он смешил меня – и я смеялась.

Он явно старался меня развлечь: и я невольно начала включаться в диалог. Поначалу просто отвлеченные факты, а потом уже и более личные пошли в ход: словно если бы я говорила со случайным попутчиком, с которым никогда больше не встретишься. Каждая наша встреча была непредсказуема, а следующей вообще могло не быть: подробности моей

жизни просто помогали не провисать разговоры. Но потом я осознала, что рассказала о себе достаточно много личного человеку, о котором ничего не знаю. Всё, что было доподлинно мне известно – это его любимая музыка, ведь плеер он мне отдал в самую первую встречу и не успел бы подготовиться, и то, что он, в общем-то, красавчик.

Тёмные волосы, прямые брови, янтарные глаза, широкие плечи и грудь при узкой талии; черный свитер, ощущение уверенности и спокойствия, которое он излучал – всё это делало его похожим на большую и сильную птицу. На сокола или беркута.

Мне всегда нравились птицы.

Мне всегда нравились спокойные и надёжные парни.

Мне всегда нравились настойчивые парни с чувством юмора.

Господи, неужели я потеряла голову лишь из-за того, что тебе удалось однажды меня рассмешить?..

Да нет же?

Наверное, это из-за того, что ты был самым нормальным парнем из всех, что мне попадались.

Даже если все остальное: истории, книги, рассуждения – были фальшивыми, мне понравился твой плейлист. Ты открыл для меня думм-метал: музыку сильную и глубокую, для долгих размышлений. Песня со словами заставляет вникать, о чём поют, а думм-метал позволяет услышать собственные мысли.

Наверное, это случилось тогда, с момента первой песни. Раньше у меня не было момента, чтобы осознать это: я думала, ты приходишь к «Эноле Гай»; что это – хитрый ход по завоеванию внимания тайной пассии, способ не палиться перед «главой», который, наверное, был официальным парнем «Энолы».

Но сейчас, глядя на тебя, стоящего по ту сторону двери, понимаю: это не так.

Не может быть такого лица у человека, который смотрит лишь на знакомую, инструмент по завоеванию девушки. Располагающимся на дне души бабским чутьем я чётко поняла: ему всё это время нравилась я.

Это и польстило, и отяготило в то же время.

«Этого еще не хватало».

Серьезно, что это за ситуация такая? Меня украла пара маньяков, у них тут ошивается третий, позволяющий им удерживать меня. Парочка поссорилась, и один убил другого, а сейчас планирует меня. Третий явился посмотреть на шоу? Или попросит отдать меня ему?

Если будет так, то, может, стоит согласиться? Может быть, это мой шанс сбежать: нужно воспользоваться симпатией Камэла, надавать намеков, может быть, даже прибегнуть к чему-нибудь радикально-эротическому – и, возможно, я вырвусь на свободу?

Пока одна часть меня строила стремительные планы, вторая не собиралась возвращаться ни в какую свободу. «Гори

оно всё синим пламенем!».

«И все же, – думала я, играя с ним в крокодила через запертую дверь, – зачем ты опять пришел? Чего ты теперь хочешь?».

Никак не могу понять тебя, Камэл.

Я не понимаю, но опираюсь на дверь примерно там, где должно быть твое плечо. Тебе этого не видно, а я представляю, что опираюсь не на дверь, а на тебя: и мне становится немного легче.

Из-за того, что сейчас ты здесь, по ту сторону стекла; из-за того, какое у тебя сейчас лицо; из-за того, что ты не в порядке из-за меня, пустота внутри, образовавшаяся в эти последние дни, заполняется невероятным, густым, искрящемся теплом. Я вся в мурашках изнутри и снаружи, и всё, что мне хочется – чтобы этой двери больше не было.

Ты смотришь на меня, я смотрю на тебя: зачем говорить, если и так все понятно. Мы в ловушке: ты с той стороны двери, я – с этой.

Читаю по губам: «Я вернусь».

С решительным видом ты уходишь, а искрящееся тепло покидает меня дорожками слёз на щеках, вновь образуя пустоту.

Мелькает запоздало надежда: «А вдруг всё устроится?».

И тут же гаснет, провалившись в образовавшийся во мне вакуум: я не могу представить это «устроилось». А в моей жизни действует правило: чего не можешь представить, того

не существует.

Зато само собой представляется, что «глава» убивает Камэла, а затем наступает и мой черёд. Ясно вижу, как «глава» взмахивает лопатой, закапывая нас в одной могиле в каком-нибудь лесочке. Лицом к лицу, чтоб на веки вечные.

Что ж, «быть неразлучными до самого истления» звучит довольно романтично. Если не суждено прожить ещё хоть день, такое сойдёт за утешительный приз.

Глава

Впервые за долгое время дела пошли на лад.

Мне удалось обернуть смерть Энолы в свою пользу и стабилизировать ситуацию. Все убедились, что в изоляторе действительно Крушина, чья аура разбалансировала здоровье Энолы Гай, вызвала выкидыш, и, в конечном итоге, привела к гибели и матери, и ребёнка. Все уверились, наконец, в правильности той охоты. Аналитики воспряли духом, с двойным энтузиазмом взявшись спасти заблудшие потенциалы. Сновидец, наконец, выдохнула, убедившись, что я запретил посещение потенциала, опасного для жизни.

Так-то никто особо и не рвался к Крушине, кроме одного единственного человека. Его не убедила даже смерть Энолы. Он ворвался в кабинет стремительно, и с порога бросил:

– Что это всё значит?

Не ожидал я такой страсти от него. Понятно теперь, почему Ё-на места себе не находила.

Я вербовал Камэла полтора года назад: и тогда это был молчаливый пацан, гудящий от напряжения как телеграфный столб. Он был в бегах – и я за ним немало помотался. Сдается мне, ему порядком надоело скрываться от милиции, иначе бы я ни за что не настиг его.

Погасшие глаза, неровно отросшие волосы, замасленный ворот куртки. И лицо, выражающее абсолютную апатию и смирение. Таких лиц не бывает у детей – и это вызывало дрожь.

Сейчас Ё-на видит в нём сильного, красивого парня, каким он, безусловно, является. Но полтора года назад он был подростком, убившим отчима и сбежавшим из дома. Он принял меня за милиционера – и вышел ко мне. Выслушал меня – и последовал за мной.

Он был готов на всё, лишь бы больше не являться частью того мира.

Это ненормально спокойное выражение лица было частью его потенциала: слишком большая выносливость делает порог эмоций тоже размытым. Я никогда не видел его удивлённым, весёлым или расстроенным.

Но сейчас он просто в ярости.

Потрясающе. Вот что может сделать с человеком вождение. Грех этим не воспользоваться.

Такую метаморфозу интересно наблюдать, но лучше бы пресечь ее на корню. У меня на эту сладкую парочку другие планы.

– Я слишком долго позволял тебе делать что вздумается, Камэл, – говорю твёрдо, негромко, размеренно. Это лишь разгневанный юноша, и нужно вернуть его на землю. – Я закрою глаза на нарушение приказа тобой и Энолой, потому что знаю, что вы хотели, как лучше. – Камэл стушевался и опускает взгляд: попался, голубчик. – Моя вина, что я это позволил – и посмотри, к чему это привело. Я потерял Энолу, и не могу рисковать тобой: Крушина действительно опасна.

Не знаю, был ли Камэл близок с Энолой, но её смерть – неоспоримый факт. Камэл задумался, а, значит, время козырей:

– Или есть особая причина, по которой ты должен с ней видеться?

Готово. Метнувшийся на меня испуганный взгляд янтарных глаз, чуть ссутулившиеся плечи, кровь, бросившаяся в лицо. Минуту назад это был самец, готовый к битве за территорию, но сейчас это снова испуганный мальчишка.

Усилим эффект. Финальная точка.

– Есть что-то, что ты хочешь мне рассказать?

И вдруг он меня удивил. Уже второй раз за день.

– Она мне нравится.

Похоже, я его недооценил и не угадал с манипуляцией.

– Она мне нравится, как женщина, – повторил он уже более твёрдым голосом, с каждым словом становясь всё увереннее. Взгляд этого нахала, направленный прямо на меня,

досаждают. – И я не вижу в этом ничего удивительного или странного.

Вот же, блять. Да когда ж такое успело произойти? Когда ты успела влюбить его в себя так сильно?

Хотя, если подумать, умения влезать людям в душу тебе было не занимать. Вспомнить хотя бы тот случай в сарае под звёздами.

Дело принимает скверный оборот. Хотя за минуту до я был уверен в своей победе.

– Я хочу продолжать с ней видеться, – окончательно перейдя в себя, заявил Камэл. – Если она такой смертельно опасный потенциал, то она одна точно из нас, верно? Так что не вижу причины запираить её насильно: достаточно объяснить ей, почему нельзя выходить, так? Не пора ли адаптировать её к жизни внутри организации? К тому же, – перейдя в наступление, заявил он, – я единственный, кто сможет выдержать действие её потенциала с помощью своего собственного. Я хочу быть с ней.

Холодное пламя заливают мои внутренности.

– Ты действительно думаешь, что я позволю тебе закрутить роман?

– Она мне нравится, и когда будет время, я спрошу её мнения по этому поводу, – не могу припомнить, чтобы Камэл был столь красноречив хоть когда-то. – Быть или не быть отношениям со мной – решать только ей. Кроме её мнения меня не интересует никакое другое. Так что, глава, – протянул

он ко мне открытую ладонь, – прошу вас, ключи от палаты.

Он же не думает серьёзно, что я так всё и оставлю? Нужно быстро придумать, что ему ответить!

– Или же, глава, – внезапно тон его понизился и стал угрожающим, – у вас есть личная причина не допустить этого?

«Ах ты, щенок!...».

Огонь, свербящий в груди, бросился в лицо. Перед глазами пронеслись дощатые стены, звёзды, заглядывающие в щели, тепло у правой руки.

Нельзя. Нельзя дать ему понять, что я задет.

– У меня всегда есть личная причина, – говорю после небольшой паузы. – Я, как ты заметил, глава этой организации, и несу ответственность за всех вас и всё происходящее, – спокойно. Я должен говорить будничным тоном, тогда и Камэл успокоится. – Крушина останется в изоляторе до тех пор, пока я не решу, что ей можно выходить. Она ни с кем не будет иметь связи до тех пор, пока я не решу, что ей их иметь можно. Если бы я желал что-то с ней сделать, уже давно сделал бы.

Это правда. Любой под этой крышей в моих руках. Она жива лишь потому, что я не отдал приказа избавиться он неё.

И Камэл это знает. Поэтому возразить ему нечего. Внезапно у меня вырывается:

– Крушина была моим соратником, – «Я что, не вынес повисшей паузы?». Но уже продолжал с горечью, – И это больше не та Крушина, что я знал. – «Сожаление? Я сожалею?» –

Я просто хочу убедиться, что больше никто не пострадает.

Похоже, усталость и сожаление в моем голосе убедили Камэла не горячиться. Он, ничего не ответив, попрощался кивком головы и вышел.

Я устало откинулся на спинку кресла.

Первое: нужно занять расписание Камэла как можно плотнее. В ближайшие несколько недель он не должен вернуться.

Второе: нужно кончать с Крушиной. Всё зашло слишком далеко. Игра не стоила свеч.

Камэл

Что произошло что-то непоправимое я понял сразу, едва пришел в себя. И в том, что случилось это непоправимое, целиком и полностью моя вина.

Но я не мог поступить иначе.

Мать постоянно повторяла: если долго смотреть на девушку, можно увидеть, как она выходит замуж. Она, наверное, воспринимала эту фразу слишком буквально, поскольку у неё не проходило и месяца, чтобы после любовного расставания не следовала бы любовная встреча. «Не медли», «живи сегодняшним днём», «здесь и сейчас» – всё это было не про меня. Слишком тяжело мне дались последствия такого поведения матери, я не желал жить настолько поверхностно.

Я был убежден, что если делать, то на совесть. Раз и навсегда. Поэтому не дал себе времени на размышления.

Глава запер Авионику и явно задумал что-то недоброе. И время, за которое он может приступить к реализации, будет самое короткое. У меня же было лишь время, за которое можно преодолеть путь от его кабинета до лазарета.

Решение действовать было принято в ту секунду, как за мной захлопнулась дверь его кабинета. Раз и навсегда.

Такое уже было в моей жизни. То же чувство было у меня в тот раз, когда я схватился за молоток, стоя напротив отчима. Тогда на кону стояла жизнь матери.

Сейчас я противостоял главе и на кону стояла жизнь Ави. И я снова был решительно настроен действовать.

Ключ от изолятора остался у главы, но не может быть, чтобы ключ был только один. Авионика никуда не выходит, поэтому кто-то должен носить еду ей: только ради этого вряд ли кто-то будет ждать главу. Работники столовой работают по-сменно: передавать заботу о ком-то внешнем слишком хлопотно. Из персонала постоянно в организации только Ё-на и Рэй: никто из них не взял бы на себя эти заботы. К тому же, обитатели лазарета – это компетенция главврача, Анны: второй ключ почти наверняка у неё.

К ней я и ворвался, надеясь на успех: шанс у меня всего один.

Она не успела подняться с места: захват, столько раз применяемый мной во время охот, пошел в ход. Я схватил её крепко, но как можно более аккуратно: никто не должен пострадать. Прислушиваясь к звукам в коридоре, я прошипел

через сжатые напряжением челюсти:

– Ключ.

И чуть ослабил ладонь, закрывающую Анне рот.

– Карман сле...

Достаточно.

В голове было тихо, пусто и сумеречно, лишь золотой нитью светился план действий. Быстрым движением я оглушил Анну, тут же перехватив её, чтобы не ударилась, падая. Быстро стянул с неё халат: карман слева был явно тяжелее.

Конечно, Анна могла и обмануть, но шанс был всего один. И через пару секунд был уже у двери изолятора.

Мне нужно только одно: вывести Авионику, и этому ничто не должно было препятствовать. Я был максимально сконцентрирован на том, что происходит: руки, подбирающие ключи, не дрожали, сердце при виде Ави в больничном платье на голое тело дико не забилося. Я зашел, быстро и чётко облачил её в халат и велел забираться ко мне на спину. В голове звенело от напряжения, но в коридоре по-прежнему не было признаков погони.

Убедившись, что никого нет, мы направились к запасному выходу лазарета. Тому самому, через который семь месяцев её сюда завезли.

Лишь бы в связке оказались нужные ключи.

Оказались. Я вспомнил, что у Анны гиперконтроль: ей нужно все контролировать – вот почему все ключи в одном месте.

Третий раз за день повезло.

Пока я отпирал дверь, чувствовал близость Ави: как руки её давят мне на плечи, а пятки упираются в живот. Тепло её тела обволакивало мою спину и наполняло душу.

В момент, когда дверь распахнулась, я был свободен и абсолютно счастлив.

Снаружи тянуло прохладой сумерек. Высоко вверх взмывали макушки сосен, за ними проглядывало темное апрельское небо. Воздух был напоен сладостью подгнивающей хвои. Я бежал, вдыхая его с наслаждением: это был аромат победы.

Куда точно бежать, в сумерках было не видно. Я старался держаться подальше от накатанной досюда дороги, которой мы приехали в тот раз. Где расположена трасса я тоже точно не знал, но это было неважно: впервые в жизни мой потенциал был мне в радость. Мне казалось, что я могу бежать всю ночь и добежать до края мира, где нас никто не найдёт.

Но довольно скоро Ави заёрзала: передвигаться на чьей-то спине, наверное, неудобно.

Поскольку явной погони не было, я остановился, чтобы она немного передохнула.

Опуская её на землю, я задел рукой бедро и вдруг осознал, что на Ави нет белья. Залившись краской, я поспешно отвернулся, умоляя сердце и не только сердце успокоиться. Толи шум крови в ушах мешал, но Ави была тихой, словно не существовала. Так сильно испугалась происходящего, или

специально так себя вела – не было важно. Это нам на руку, ведь...

Последнее, что я помню – яркую вспышку от искр, вылетевших у меня из глаз, и резкую боль в затылке. Я потерял сознание, падая на землю.

Очнулся уже здесь.

Произошло что-то ужасное. Наверняка глава точно сделал что-то ужасное с ней: ведь я вроде как в порядке.

На сей раз Ави наверняка пострадала из-за меня. В прошлый раз всё обошлось, не смотря на мою неумелую помощь, но в этот раз точно не обойдется.

Может быть, не стоило ничего делать. Но если бы я продолжал смотреть, ничего не делая, что бы стало со мной тогда?..

Мне нужно добраться до главы, все объяснить ему. Может быть, у меня будет шанс смягчить отношение к Авионике.

Хоть бы она не сильно пострадала!..

Мне нужно добраться до главы, но рядом со мной вдруг встают два дяди в штатском. Они не в форме, но я узнаю их из тысячи, ведь я бегал от них столько времени: это следователи.

Вот оно, моё наказание. Глава сдал меня ментам.

Авионика

Раньше, когда я видела в фильме сцену погони в лесу, не верила, что можно долго так быстро бежать. Зависит от ле-

са, конечно, но все равно будет трава, ямы и горки: запнуться легче легкого. Однако, стоило мне сделать первый шаг в темноту, для меня все было уже решено. Я неслась, не чуя под собой ног, даже не бежала, а прыгала, стараясь очутиться с каждым шагом все дальше и дальше. Мне не мешали ни темнота, ни деревья, ни корни. Я не замечала ни холода, ни босых ног, ни жжения в ладонях от отдачи палкой. Я желала лишь одного: оказаться как можно дальше отсюда.

В фильме убегающего обычно преследуют. За мной никто не бежал, хотя я и не оглядывалась. Инстинкт загоняемого зверя подсказывал мне, что позади никого. Тело было сжато от напряжения и холода, но не страха. И хотя саднило стопы, горло горело, а легкие разрывались в груди, я чувствовала эйфорию. Счастье быть свободной, счастье быть здоровой, счастье легко двигаться, не задумываясь о настоящем, бежать к спасению. Я убегала, не сбавляя темпа, не останавливаясь передохнуть, не оглядываясь – только вперед, вперед.

Обычно в кино в самый неподходящий момент беглец зацепляется ногой за какую-нибудь корягу, или не замечает скрытый в траве обрыв, и живописно падает, чтобы зритель мог ахнуть и получить свою долю адреналина. Я не зацепилась и не упала. Просто справа из темноты на меня вылетел человек. Последнее, что я помню, это рассыпавшаяся оранжевыми искрами боль, вспыхнувшая в моей скуле.

Пришла в себя я в палате. В месте удара онемела левая

скула. Затекала спина. Руки, как ни странно, были не связаны. Я попыталась подняться повыше, и вдруг заметила кое-что.

Сначала я не поверила своим глазам, потом не поверила своим ощущениям. Но всё было наяву и ровно так, как я видела.

Внутри стало пусто. Я не разозлилась, не разрыдалась, не закричала. Я, наконец, поняла, с кем имею дело.

Прямо перед моими глазами на том конце кровати над одеялом возвышался только один холмик.

За побег мне отняли стопу.

Ё-на

Со мной многое в жизни происходило.

Меня травили в начальной школе: пинали портфель, плевали на куртку, рвали тетради. Папу считали человеком нетрадиционной ориентации: и одно это предположение навело страху как на детвору, так и на учителей. Я не понимала, при чём тут я и что конкретно мне нужно сделать, чтоб все прекратить. Понимала лишь, что их страшит неизвестность. Где страх, там и противостояние.

Потом папа женился, и мне казалось, что всё прошло. Как оказалось, такое не забывается: один раз изгой – всегда изгой.

Девочка, с которой я подружилась в средней школе, была «засланным казачком»: выведала мои стыдные секреты и рассказала о них всем. Среди секретов, конечно, было имя

мальчика, что мне нравится, и о чём я мечтаю. Мальчик мне нравился тот же, что и всем. А мечтала я стать доктором. Во всём этом не было ничего примечательного, поэтому об этом быстро все забыли. А я вынесла урок – дружбы не бывает.

Внешностью я пошла в отца, а поведением и характером – в бабушку по папиной линии. Мама не любила ни первого, ни вторую, поэтому она практически никак со мной не пересекалась. Я пошла не в маму и была не такой красивой дочерью, которую бы она хотела: поэтому мама меня стеснялась. Мы никуда не ходили вместе, у нас не было ни единого совместного фото. Мы мало говорили, потому что маму раздражали мои рассуждения и лицо. Так я узнала, что всегда есть причина, чтобы быть отвергнутым, и вернулась к уроку номер 1.

Мама же и сдала меня в психушку.

Было много неприятного, но всегда я реагировала одинаково: никак.

Зачем реагировать на то, что не можешь изменить? Просто игнорируй это – и все встанет на свои места. До этого момента все работало как надо.

Со мной происходило очень много плохого, но почему же ты все никак не пройдешь?!

Я не могла просто продолжать тебя игнорировать: ведь ты ставила все новый и новый флаг на принадлежащей мне территории.

Какого хрена?

Уже неделю только и разговоров о том, что глава отослал Камэла так надолго на задание лишь потому, что Камэл потребовал свободы для Крушины.

Шесть месяцев! Он отправил его во внешний мир на шесть месяцев!

Никто еще не покидал эти стены так надолго.

И я лучше всех знаю, что нет никакой охоты сейчас в разработке: мне не снилось ничего толкового уже очень давно.

Какого хрена?!

Что ты с ним сделала? Почему он так тебе предан? Что в тебе такого, что привлекает его с такой силой?

Со мной раньше ни происходило, я всегда оставалась спокойной.

Но сейчас я просто вне себя. Каждый раз, проходя мимо лазарета, думаю, что, если бы глава не запер дверь, тебе бы не поздоровилось.

Ну что? Что в тебе такого особенного, чего нет во мне?

Мне удалось разузнать немного о тебе. В прошлом ты слыла красавицей: и от того была популярна. Твоя сила в течение семи лет убила всю семью: сначала мать, потом бабу, затем и переехавшую жить к тебе тётку. Квартиру, которую ты унаследовала, сейчас используют как точку штаба. Соседи думают, что квартиру ты сдаёшь, а сама живешь в другом городе.

После школы ты поступила в колледж, и связалась с плохой компанией. На драки ходила чаще, чем на пары – после

одного такого замеса тебя, почти потерявшую сознание от травм, завербовал глава.

Поначалу все были к тебе расположены, но твой эгоизм и хамство быстро всех образумили. Единственный, кто добился твоего расположения – это глава. Ему ты не хамила, вы подолгу разговаривали, часто обедали вместе. Один раз даже спонтанно поехали вместе на разведку и вернулись только утром следующего дня.

Так какого черта тебе сейчас понадобился Камэл?! Пытаешься позлить главу? Вывести его на ревность?

Если припомнить, таким же образом ты использовала Ан-дрэ: постоянно работала с ним в паре, перетекая из разведки в охоту, всегда вместе, всегда рядом. А потом засадила ему два ножа в руку, потому что он препятствовал твоему плану показательного самоубийства.

Все отзывались о тебе как о человеке, с которым никто не хотел бы пересекаться. Как о человеке, не знающем о такте, говорящем все, что в голову взбрeдет. Творящем, что хочет, и не думающем о других. Носящим за пазухой нож.

Так что же Камел в тебе такой нашёл? Неужели он из тех, кого привлекают такие стервы?

Или ты учла ошибки прошлого и решила его одурачить? Притвориться тихоней, жертвой, нуждающейся в защите? «Смотри, какая я несчастная! Пожалуйста, помоги мне, спаси меня!».

Тошнит меня от твоего притворства. Ненавижу таких как

ты: использующих людей в своих целях, манипулирующих ими.

Я больше не допущу, чтобы ты и дальше использовала Камэла.

Я не могу просто поговорить с ним, убедить его, но, поверь мне, у меня все же есть козырь в рукаве. Не радуйся раньше времени: в этой борьбе ты не выйдешь победительницей.

Потому что мои сны всегда сбываются.

Рэй

О том, что Камел неровно дышит к девчонке из изолятора, судачили давно и все, кому не лень, поэтому их побегу особо никто не удивился. В том, что вернули в тот же день только её, тоже не было ничего особенного: было логичным пока разъединить беглецов, чтобы дать время Камэлу подостыть и прийти в себя. Тут я был с главой согласен: проспись, дружище, пойми, какую глупость наворотил.

О том, что до этого Камэл просил меня, как своего друга, присматривать за девчонкой в его отсутствие, конечно, никто не говорил, но глава не дурак и сам догадался. Поэтому я особо не удивился, когда глава попросил помочь ему с манипуляциями с пойманной беглянкой. Он желал иметь в моем лице конфидента, который подтвердил бы Камэлу по возвращению, что с его дамой сердца обращались как надо. Да и, возможно, попросту не хотел оставаться с ней наедине после

всего, что его в прошлой жизни объединяло с Крушиной.

«Дело точно в этом, – обнадеживал я себя, заходя в бокс перед палатой первым: глава отправился за Анной. – Не может быть, чтоб глава опраивлял меня на прямой контакт с биологической радиацией только потому что меня не жалко. Это было бы обидно».

Хотя в этом было бы рациональное зерно: из всех обитателей организации мой потенциал самый малоприменимый, если не сказать бесполезный. Что проку в возможности определять живое и мертвое, если оно и так понятно по другим признакам? Но тут же все иначе.

Ох, одно расстройство от неё: смотреть на человека, что по мне отзывается падалью, стараясь не скручиваться от рвотных позывов. Это и противно, и бестактно. «Хорошо, что ей меня не видно...».

И в этот момент наши взгляды встречаются.

Уровень везения – Рэй.

Угх! Меня скручивает до боли в пищеводе. Хорошо, что я еще не завтракал, иначе еда пропала бы зря. Ох, стыдоба-то какая... Вины девушки в происходящем нет, если так подумать. И с моей стороны такая реакция крайне невежлива, но что поделать. «Если они с Камэлом поженятся, – улыбаюсь про себя своей шутке, чтобы отвлечься, – трудно будет организовать совместный пикник».

Робея, поднимаю глаза: чувствую, что нужно объяснить-ся. Но девушка уже максимально сдвинулась в кровати, что-

бы её не было видно, и сжалась в комок: будто если я её не увижу, мне не поплохеет. От этой неловкой заботы – она же обо мне сейчас позаботилась? – мне становится еще более не по себе. Скорее бы уже пришел глава и закончилась эта ярмарка неловких ситуаций.

Так странно видеть её снова прикованной к постели: навевает воспоминания о первом её дне здесь. Тогда она славно вырубил меня ударом ноги в живот, когда я кинулся защищать главу. Не подумал бы, что она такое сумеет. Сейчас она выглядит смиренно, даже, я бы сказал, безжизненно. До этого, когда я навещал её до побега, она мне нравилась больше.

Щелкает замок двери за спиной: вот глава с Анной, наконец. Поспешно опускаю маску на глаза, чтобы не увидеть их случайно.

– Прости за ожидание, – мягко извиняется глава, проходя мимо меня в палату. – Не переживай, мы быстро закончим.

Какая забота, право. Я хотел бы показаться способным справиться с любым заданием, но наверняка меня выдал легкий салатный оттенок лица.

– Подождите пока тут, – останавливает меня глава, когда я уже схватился за ручку, чтобы зайти.

«Мог бы и вовсе не звать, – раздраженно проносится в моей голове, – если хотел побыть с ней наедине». Но послушно прикрываю дверь.

Металл ручки приятно холодит ладонь, и я с радостью отвлекаюсь на это ощущение. Стараюсь дышать как можно

глубже: об этом способе отвлечения мне рассказывала Эн-о-ла. Вдоох – выыыыдох, вдоооох-выыыыдох. Кэмел, я тебе, конечно, друг, но опекун для твоей пассии из меня аховый.

Слышу, как Анна запирает дверь в коридор на ключ, чтобы никто не смог войти. Затем шаги в мою сторону.

– Что сегодня тестируем? – улыбаясь, интересуюсь я у Анны, потому что глава не счел нужным ничего объяснить. – Что мне делать-то?..

Однако вместо ответа левое запястье словно обжигает крапивой. Вскрикнув от неожиданности, сдёргиваю маску: мое запястье накрепко притянута к дверной ручке строительной стяжкой. Анна стоит в двух шагах от меня с каменным лицом: и от этого мороз по коже. Рот моментально наполняется кровавым привкусом.

– Что пр?..

Закончить вопрос мне не даёт пронзительный женский вскрик в палате.

Забыв обо всём, оглядываюсь и вижу в узкое дверное окошко, как девушка, согнувшись, завалилась на кровати на правый бок: волосы ссыпались на лицо, привязанные руки натянуты, будто бы она пытается защититься. Рядом с кроватью спиной к двери стоит глава, в левой руке у него длинный тонкий нож, неравномерно покрытый чем-то алым. Больничная рубашка девушки стремительно меняет цвет на правом боку.

Я не могу пошевелиться. Внутри меня пусто. Мозг фик-

сирует факты, и не торопясь выдает заключение: глава пробил Крушине печень ножом. В голове не укладывается. Все как во сне.

– Что ты чувствуешь? – слышу я голос Анны. Она стоит рядом, но голос звучит откуда-то издалека: я весь внимание, не могу оторвать взгляд от происходящего в палате. Внезапно голова болезненно врезается в стекло: это Анна заламывает мне правую руку, прижимает к двери и требовательно повторяет: – Тошнота или кровь?

Тело как будто принадлежит не мне: я чувствую боль в правом плече, левом запястье, жжение от холода в левой скуле, но больше ничего не чувствую. Нет сил разлепить губы, чтобы ответить, не могу даже просто закрыть глаза. Я ничего не могу.

– Просто ответь, – повышает голос Анна, и заламывая руку сильнее. – Кто сейчас в этом теле?

«Что?».

– Чей это потенциал? – почти кричит Анна.

До меня, наконец, доходит смысл её слов. Вот что это такое.

Это охота на потенциал.

Смотря на бесстрастное лицо главы, кровь, капающую с ножа, скорченное от боли тело девушки, я вспоминаю приснопамятное: «Охота на потенциал – это весело».

– Гниль, – выдыхаю я. Я почти ничего не ощущаю, но в этом ощущении можно не сомневаться. Привкус крови при-

надлежит главе, но гниль – однозначно Крушине.

Я же твердил это всё это время. Неужели нужно было заходить так далеко?

– А сейчас? – спрашивает Анна. Заломленная правая рука начинает неметь.

– Гниль.

Кровь напитывает подушки и матрас под девушкой. Глава остаётся неподвижным.

– И сейчас?

Киваю головой. Сколько крови! Как далеко глава намерен зайти?

Неужели он хочет спровоцировать клиническую смерть, чтобы попытаться вернуть тело к жизни снова? Но сейчас, без Андрэ с даром воскрешения, в тело вернется только одна душа: но какая?..

– Сейчас?..

– То же.

Кровь пропиталась насквозь: и начинает капать на пол. Как же страшно, наверное, ощущать, что из тебя утекает жизнь. Держись там! Глава дождетя, пока души покинут тело и...

И тут я замечаю, что в палате нет ни одного медицинского аппарата: они не планировали оказывать помощь здесь и сейчас.

К тому же, Анна рядом со мной и это значит, что реанимация не готова и никого не ждёт.

Ужас осознания прошивает холодом насквозь. В ушах звенит от собственного крика. Анна пытается удержать меня, а я бьюсь в дверь всем телом, пытаюсь достучаться до главы.

В голове лишь одна мысль, бьющаяся в такт сердцу, пронзающая болью мозг, резонирующая с криком.

«Не надо!!!».

Я наполовину отчаяние, наполовину ужас. Все вокруг расплывается и прыгает, я чётко вижу лишь темные локоны.

И вдруг девушка поднимает голову. Наши взгляды пересекаются, и я замираю.

Кажется, это в первый раз, когда я смотрю ей в глаза. Все прекращает существовать: есть только эти глаза – глубокие, очень темные, заглядывающие прямо в душу. Я почувствовал себя беззащитным ребенком: я впервые видел агонию. Это ни на что не похоже, ни с чем не сравнимо; это надламывает душу и разрывает сердце. Рот наполнился вкусом крови, ярким и металлическим. Это длилось долю секунды – и она обмякла.

С меня как будто сорвали кожу. Надрывный крик выдал моё отчаяние, но не облегчил боль.

Я разрыдался.

Анна отпустила меня и постучала по стеклу, привлекая внимание главы.

Я посмотрел на него в надежде, что сейчас он позовет кого-нибудь, кто-нибудь что-нибудь сделает. Я понимал, что

поможет лишь чудо, но до последнего надеялся на него.

Прошла секунда, две, три – и ничего не происходило. Глава молча смотрел на Авионику, а потом шагнул и вытер нож о простынь.

Я закричал. Долго, надрывно и матом. Я умолял помочь ей.

Глава все стоял и стоял, а меня ноги уже не держали.

Я бессильно рухнул на пол, меня трясло, слезы не прекращались.

«Это убийство,» – бормотал я. Явное, преднамеренное убийство, и произошло оно спокойно и рядом.

Я был соучастником этого убийства.

Убили девушку, руки которой были связаны. Убили обычного человека: ведь я ощутил это за секунду до смерти.

Можно охотиться на потенциалы, но разве это было охотой? Ей даже не дали выбора...

Получается, в конце она была обычным человеком. Человеком, которого тут вообще быть не должно. Человеком, у которого есть родители, любимые вещи, друг.

Друг...

«Господи, – отчаяние захватило меня с новой силой, – как же я все это ему объясню?..».

Я сидел на полу, схватившись за голову, воя и скуля, пока глава не открыл дверь, и ножом, которым убил Авионику, не срезал стяжку. Я отшатнулся и распластался на полу всем телом. И там, валяясь под ногами главы, услышал:

– Все прошло удачно.

Потрясенный, я уставился в лицо главе. Он был абсолютно спокоен и устало улыбался.

– Крушина ушла из этого мира навсегда, – сообщил он. – Можно смело сказать, что она больше не вернется. Так ведь, Рей?

Я не нашел в себе сил ответить.

Глава

К тебе вечно все таскались за советами. Боялись, обсуждали за спиной, не садились за один стол, но все равно – стоило случиться в их жизни какой-нибудь бедке, они всеми путями пытались поговорить с тобой наедине. И поскольку эта народная тропа не зарастала, похоже, ты никому не отказывала.

Если подумать, я тоже всегда к тебе прислушивался. И когда был молод, а ты – ещё моложе, и потом. Я был больше энергичен, чем рассудителен, а ты всегда флегматична и отстранена. Мне казалось, что прислушиваться к твоему мнению – прекрасная идея, ведь у тебя не было вовлечённости ни во что, ты всегда как бы наблюдала со стороны. К тому же, в твоих словах всегда находилось рациональное зерно: видимо, жизнь заставила тебя стать мудрой гораздо раньше положенного.

Я не жалел тебя, мне все это было на руку. Жалко ли будет этого лишиться, я не задумывался.

Потом, когда тебя не стало, я обнаружил, что ты продолжаешь жить во мне своей жизнью. Твой голос стал голосом моей совести, я ориентировался на твой осуждающий тон, когда обдумывал какие-то идеи. Не знаю, как это работало, но ты действительно помогала мне принять нужное решение и после своей смерти.

В тот раз я не хотел, чтобы ты умерла.

Я до последнего не верил, что ты это сделаешь. Я всё ждал, что ты остановишься в последний момент, и мы просто вернемся в центр. Я думал, ты берешь меня на «слабо», как обычно.

Я показал тебе свою слабость, там, в сарае под звёздами. Это связало нас образом, которого я бы предпочёл, чтобы не было. Ты пожалела меня – и стала доверять сильнее, чем следовало: в этом была твоя главная ошибка.

Я изобрел способ развоплотиться, но умереть, испытывая его, был не готов. Если честно, я был уверен, что это не сработает. Для чего я рассказал тебе о нём? Хотел ли я, чтобы ты захотела его испытать? Хотел ли я избавиться от тебя? Может быть, желание оказаться правым и было сильнее страха потерять тебя, но неверие в успех в любом случае преобладало над всем этим: я не верил, что сработает.

Миг, когда сработало, был самым худшим и самым лучшим в моей жизни одновременно: в моих руках появилось абсолютное оружие, за которое я заплатил потенциалом, на который рассчитывал. Впрочем, ни то, ни другое я по назна-

чению применять не мог: вроде как и не обидно должно было быть?..

К тому же, как я уже говорил, пусть физически тебя не стало со мной рядом, ты обнаружилась в месте гораздо более близком. Я осознал, что теперь есть лишь та ты, что живет в моей голове. Такая же наивная и при этом ироничная, немногословная и спокойная: какой я тебя помнил.

Твоя мудрость и спокойствие не ушли из мира навсегда: будучи в моей памяти, ты стала моей частью, моей силой. В моей голове ты была только моей.

Но, спустя столько лет, внезапно я получил пророчество о возвращении тебя настоящей.

К этому я был не готов.

Да и мало кто может быть готов к возвращению человека с того света. Документально есть лишь одно свидетельство, и то с него некоторые начали летоисчисление.

«Как ты смеешь? – эта мысль была у меня первой. – Самозванка!».

И в то же время мне стало до смерти интересно, с кем я встречусь. Что с тобой было там, на том свете? Что ты мне расскажешь?..

Разве я мог упустить возможность такое узнать?

И пока я рассуждал, то отметил, что та ты, из моей головы, внезапно замолчала. Как ни пытался, я не мог больше вызвать твой образ в голове.

Неужели ты была со мной все это время, а сейчас реши-

лась вернуться в физическую форму чтобы...

Чтобы что? Я был крайне заинтригован. Бросил все силы и возможности на то, чтобы найти тебя снова.

И нашел.

Сперва ты напала на меня: и прикончила, если б не Камэл. Это было так на тебя похоже, что до смерти меня растрогало. Сидя на пятой точке на полу, вдыхая жадно кислород, я смотрел в это новое для меня лицо и был готов расплакаться от умиления. Будто бы увидел твоего ребёнка, и отметил в ней унаследованные от тебя черты.

Но потом что? Ты затаилась. Вела себя тихо и мирно, как обычный, цивилизный человек. Притворялась несведущей. «Ребенок» тем временем между делом обаял двух моих лучших охотников в лучшей мамочкиной манере.

Я был на измене все эти месяцы. Ты явно что-то задумала, но не спешила воплотить план в жизнь. Если честно, я устал ждать нападения. Возможно, это была твоя тактика: надоест до смерти, чтобы я расслабился, и потом ударить, когда ослаблю бдительность. И пока я пытался тебя перехитрить, не появляясь в палате, ты умудрилась запудрить мозги Камэлу – самому эмоционально бедному человеку здесь. Он плохо ощущает своё тело, от этого плохо понимает свои эмоции – но тебе удалось раскачать его до умопомешательства.

Камэл похитил тебя. И ты, вместо того, чтобы воспротивиться ему (ведь я-то, цель твоего отомщения, здесь), позволила себя увести. А потом попыталась удрать от него пря-

мо в лесу, голышом, босиком и в крошечной тьме. Чем ты думала? Чего добивалась?

В чем твой мотив? Ты так стремилась попасть сюда чтобы что?

Мне надоело искать ответы на эти вопросы. Игра стала скучной и затянулась. Если не желаешь мне помогать, то тебе пора вернуться туда, где твое законное место.

Тем более, что помочь тебе будет вовсе не сложно.

Человеческое тело очень хрупкое: ты убедилась в этом на своей шкуре. Заставить тебя снова провести аберид не получится: вряд ли ты согласишься на это второй раз – так что придется разрушать физическую оболочку по старинке.

Легко можно сломать тонкую внутреннюю биохимию: например, выпить крепкий раствор поваренной соли – 10 столовых ложек на полстакана воды. Соль моментально свяжет все молекулы воды в организме: сосуды сузятся в ниточку, давление упадет, кровь сгустится, почки разбухнут и откажут. В одних местах начнут образовываться отеки, а от других мест жидкость отхлынет совсем. В итоге: гипоксия, схлопывание сосудов, и долгая, мучительная смерть в течение минимум 18 часов от обезвоживания и отравления мочевиной одновременно, сопровождаемая непередаваемыми болями от спазмов.

Можно и просто водой отравить – шесть литров будет достаточно. Будет невыносимо больно умирать от отеков, оставаясь в сохранном сознании. В среднем это занимает от де-

сяти, до восемнадцати часов.

Можно отравить кислородом: просто заставить подышать через масочку концентрацией большей допустимого. А еще легко дисквалифицировать главный дыхательный орган – легкие: если пробить легкое, в котором пониженное давление, дав ему контакт с внешней средой, оно попросту схлопнется и не расправится само. Думаю, все это тоже довольно долго и болезненно.

Мне нужно было убить тебя насовсем, но вовсе не хотелось, чтобы ты умирала в долгих мучениях, от сильной боли. Нужно было, чтобы ты осознавала момент смерти: чтобы отследить изменение в ощущениях Рея – изменятся они или нет? -, но при этом не было бы и шанса на выживание. Поэтому я выбрал кровотечение: для столь субтильного тела потерять быстро два стакана крови уже будет погранично. Нужно было кровотечение, которое даст быстрый и надежный результат.

У мышц и костей довольно большой предел прочности, но вот внутренние органы обладают нежной структурой и не выдерживают повреждений. Я выбрал печень: в ней много крупных сосудов, кровь вытечет быстро, болевой шок надежно отвлечет от происходящего. Ты будешь в сознании, умрешь быстро, но при этом тело не будет изуродовано.

Знать о тонкой биохимии, и в итоге выбрать такой незамысловатый пацанский метод – это моя дань уважения к тебе, к той, что я помню, к той, лежащей на снегу после оче-

редной драки. Пусть это будет достойная смерть, без долгих страданий.

Я думал, стоит ли вернуть одолженное тобой тело родителям девушки. В мире нашли бы труп, завели бы уголовное дело, и, как водится, через годик закрыли: зато родители бы обрели покой и могилку дочери, над которой можно было бы проливать слезы и пропалывать травку. Да, пробитая печень и отсутствующая правая стопа указывала бы на насильственную смерть, но, судя по всему, дело бы закрыли за неустановленностью виновного лица. Или повесили бы этот эпизод на какого-нибудь маньяка: в любом случае, нам это ничем не угрожало.

Но по итогу я решил, что тело постигнет та же судьба, что и прочие отказавшиеся потенциалы. Я решил пожалеть родителей – они у нее должны быть достаточно молодыми. Пусть лучше помнят её живой и здоровой, пусть помнят, какая замечательная и целая она была. Все равно годик, два, три погорюют и перестанут: так всегда бывает.

В конце концов, у Крушины тоже нет могилы. Я помню её: живой и здоровой, какая замечательная она была.

Да, это лучший вариант, это лучше всего.

Рей

Наверняка, каждому хочется, чтобы в его жизни произошло что-то значительное. Чтобы был момент, в который ты понимал: «Я жил ради этого».

Чтобы было что-то столь ценное, за что действительно можно было отдать жизнь. Но, сколь неприятной и серой ни была бы жизнь, размениваться по пустякам как-то никому не хочется.

Пусть это «что-то» будет вечным, глубоким, длящемся намного дольше жизни любого человека. И пусть оно будет понятно любому человеку.

Убеждения, например, любовь. Или дружба.

Было бы красиво умереть, защищая кого-нибудь слабого, нуждающегося в спасении.

Хотел бы я, чтобы Камэл, уезжая, попросил меня: «Всеми силами защищай ту, что я так люблю. Любой ценой сделай так, чтобы она осталась жива».

И я бы умер, защищая её. Это было бы благородно, достойно и стильно.

Но Камэл не просил такого. Он попросил лишь пригладеть за ней.

И я просто глядел.

Но что бы я ещё сделал? Набросился бы на главу? Закрыл её своим телом? Угрожал бы Анне выбитым из рук главы ножом и требовал реанимировать девушку?

Любой из этих вариантов нелепен. Я не мог ничего сделать.

Мне выпал шанс уйти красиво. Отдать мою никчемную жизнь ради мига, показывающего, что я как человек не так

уж плох. Я мог бы стать героем.

Этот шанс почти был у меня в руках, но я ничего не мог сделать.

Больше того, я стал в сотню раз хуже, чем был: ведь стал соучастником возлюбленной моего друга.

А потом стал в тысячу раз хуже, потому что ровным голосом сообщил другу о смерти его возлюбленной. Ровным, грустным тоном я сказал ему, что девушка, которую он любил до зубовного скрежета от тоски, покончила с собой единственным доступным ей способом: откусив кончик языка.

Камэл был в замешательстве. Если бы это сказал глава, он бы ни за что не поверил.

Но то, что это сказал я, его убедило. Насколько плохим человеком я могу стать?.. Есть ли куда падать ниже?

Глядя на шокированного Камэла, я вспоминал, как валялся на полу перед палатой, закрыв лицо руками и беззвучно рыдая. «Это наша с Камэлом вина, – крутится в моей голове с тех пор. – Зачем мы взяли ее с собой? Лучше бы дали ей умереть там».

Но я ни за что не дам ему разделить со мной эту мысль. Пусть хотя бы он живет спокойно.

Я не хочу, чтобы моя подлая, поганая, гнусная жизнь продолжалась. Меня снедает стыд, меня гнетет вина, и я понимаю, что уже никогда не смогу коснуться простых и чистых вещей: доверия, дружбы, любви. Я их не заслуживаю.

Но, тем не менее, продолжаю жить.

Камэл

Моя любовь закончилась, не успев начаться.

Это первое, о чем я узнал, вернувшись сюда, домой.

Оказалось, ментов вызвал не глава, а врачи, когда им принесли неизвестного без сознания. Мчсники, делающие плановый облет, нашли меня в лесу без сознания. Я назвался именем пацана, которого знал в детстве: менты не требовали документов. Они сами за меня придумали историю о заблудившемся сталкере, ищущим заброшенный санаторий, записали в протокол, попросили меня расписаться внизу, и попрощались.

Всё время общения с ними, и последующие два дня меня мелко трусило: я все ждал, что они меня разоблачат. Что вычислят, придут, предъявят обвинение и отвезут в СИЗО. Представлял, что будет суд, и на него, может быть, придет мать. Хотя, может и не придет: ведь это она в тот раз позволила в милицию.

А они больше не появились. Даже как-то разочаровывает.

В больнице тоже второй раз никто документы не просил. Я был относительно здоров, быстро восстанавливался – и в качестве отработки помогал с местным ремонтом. Спустя две недели, после того, как крыло было отремонтировано, меня неохотно отпустили.

Стоя на пороге больницы лицом к лицу со свободой, мне нужно было решить, что делать дальше. Едва придя в себя

две недели назад я был крайне зол на главу, конечно, но теперь, когда выяснилось, что менты пришли не по его наводке, гнев подутих. Я стоял, смотрел на светлое майское небо, вдыхал полной грудью запах свежевскопанной земли и думал, чего же я хочу.

Я мог остаться тут, в мире. Устроиться чернорабочим, снять жилье, восстановить документы, попробовать связаться с матерью. У меня бы получилось жить без охот, приказов и главы. Я мог бы организовать себе ту жизнь, которой у меня не было.

Но я хотел вернуться домой. И моим домом было место, где меня принимали таким, каков я есть. К тому же, только там я мог получить новости о тебе.

И вот, я вернулся.

И узнал, что тебя больше нет.

Как же так?

Палата сверкает чистотой. В воздухе витает запах дезинфектора. Поставили новые двери, перекрасили стены и пол, прикатали другие кровати, сменили компоновку.

Здесь больше нет ничего, чего бы ты дотрагивалась. Место то же самое, но в то же время уже совсем иное.

Я смотрю вокруг и пытаюсь воскресить в памяти, как все было раньше.

Моя мать была слишком влюбчивой. Видимо, тогда, глубоко в мою подкорку запало: чтобы не было плохо, не нужно любить. А если любить, то очень тихо, про себя. Ничем се-

бя не выдать, чтобы вражья сторона ни о чем не догадалась. Тогда не будет больно.

Вот я и молчал. А ты взяла и умерла.

Выжившая после подселения к себе чужой души. Выжившая, вылетев с дороги на полном ходу в машине с высоты третьего этажа. Выжившая после почти полугодового заточения.

Умерла. На сей раз, окончательно.

Иду по следам памяти, отодвигаю кровать. Вот так стояла твоя постель, я всегда стоял вот так. И всегда смотрел в пол или в тот дальний угол: на тебя смотреть не смел.

Слегка прикусываю кончик языка: это болезненно. Рей сказал мне, что ты покончила с собой на второй день побега. Умерла от кровопотери, откусив себе кончик языка.

Прикусываю еще раз, посильнее. Но даже так у меня не получается.

Сколько нужно сил, мужества и отчаяния, чтобы покончить с собой, да еще и таким болезненным образом? Что заставило тебя пойти на этот шаг?

Глядя на пустую палату, обезличенную и стерильную, я понимаю, что не могло быть иначе, и одновременно не могу понять. Силюсь вспомнить твоё лицо, и одновременно боюсь это делать: вдруг при жизни я недостаточно смотрел на тебя, и не вспомню достоверно?

Замечаю, что стыки между плиткой на свежескрашенном полу в этом месте темнее, чем в других местах. «Конеч-

но, – мелькает в голове, – так и должно быть. Ведь тут про-
ступает сквозь краску твоя кровь».

Все плывет перед глазами, закладывает нос. Я провожу по утопленному шву пальцем так, словно это сделает меня ближе к тебе. Горячие слезы срываются с ресниц.

Понятное дело, тела не осталось – это в духе организации. Ни у кого здесь не будет могил, куда можно было прийти и поплакать, поговорить, глядя на памятник, и зарыться пальцами в землю, чтобы быть хоть чуточку ближе. Тебя сожгли дотла вместе с вещами и развеяли над каким-нибудь полем, на которое мне никто никогда не укажет.

Ты умерла и станешь частью луговых цветов. У меня же не осталось ничего, кроме зыбких воспоминаний и несбывшихся надежд. Внутри пусто, но от этого даже как-то легко.

Все это время мне было тяжело: на меня давили чувства, осознанные и неосознанные – даже если мне нравилась эта тяжесть. Она доказывала, что я есть, что я существую, притягивала меня к одному только месту на Земле. Теперь тяжесть ушла, вместо нее образовалась зияющая пустота. Связь с реальностью начинает теряться. Я все вижу, все понимаю, но не могу все связать воедино.

Ави, тебя нет, совсем нет, нигде больше нет. От тебя не осталось ничего. Совсем, совсем ничего?..

Я больше хотел любить, чем любил?..

В то же время я четко осознаю, как много ты мне оставила. Музыка, фильмы, книги, явления – все, о чем мы гово-

рили, теперь связаны с тобой. Твои воспоминания, которыми ты поделилась со мной, стали нашими. Мои мысли о тебе останутся со мной. Ты останешься жить внутри меня такой, какой я тебя видел, пока я не забуду о тебе. Теперь ты живешь только во мне, принадлежишь только мне, хорошо это, или плохо.

Эта мысль как будто бы прикрывает дыру в моей душе. Перестаёт сквозить, я начинаю мыслить ясно. В первый раз в жизни я чувствую такую свободу.

– Спасибо, – шепчу я темной полоске твоей закрашенной крови на полу. Кафель холодит кожу, но только не там, где была твоя кровь.

Я благодарю тебя от всего сердца за подарок, который ты мне сделала. Обладая нечеловеческими свойствами немудрено забыть, что значит быть человеком. Ты – лучшая из людей, которых я знал, – показала мне это.

Есть вещи, которые я не могу изменить. Я могу выбирать. Наконец, я понимаю, что хочу сделать. Чего по-настоящему хочу.

Мне легко, как никогда в жизни: шагаю, едва касаясь пола. Я должен поделиться даром, который получил, должен помочь кому-то еще. Перед глазами лишь один образ: наконец, для меня гештальт сложился.

Все в мире связано, все мы – лишь часть чьего-то сна. Один поворот, второй, идти в конец коридора. Распахиваю дверь без стука: она замирает с тряпкой в руке.

Встречаемся глазами. Час настал, если ты готова.

– Я за тобой.

Ё-на

Если бы всё в моей голове было так гладенько, как я сейчас рассказываю, это было бы чудесно. Но была одна мысль, которая неосознанно, но ощутимо всегда сопровождала все мои рассуждения о великом.

Даже не мысль, а ощущение. Или нечеткое, но непоколебимое понимание.

Понимание, что я готова ради тебя наизнанку вывернуться, но тебе похер на это.

Тебе и на меня похер.

Ты для меня значишь многое, но я для тебя ничего не значу. Я в твоей жизни – дробь, стремящаяся к нулю, экспонента, параллельная прямая.

И как бы я ни рассуждала, какие бы планы ни строила, что бы там ни чувствовала: для тебя это ничего не стоит, ничего не значит.

Я понимала это чётче, ощущала это ярче, осознавала это сильнее, чем хотелось бы. Будь я немного глупее, неопытнее, нечувствительнее – я была бы счастлива, могла бы гордиться собой.

Я верила, что сон сбудется. Я хотела верить, что за теми, на кого похер, люди не приходят.

Но ты всем своим видом всегда показывал обратное.

И даже теперь, когда ты всё же пришел, я не могу отделаться от мысли, что всё это ты делаешь не ради меня, не по своему желанию, а потому что когда-то так было сказано.

Впрочем, не похер ли теперь?..

Камэл

Машина мчится вперед. В салоне нас двое. Скоро будем на месте: до той эстакады осталось минут десять. Пусть все закончится там, где началось.

Давлю на педаль.

Мимо проносятся, сливаясь, прозаические для нашей страны виды: поля и лесопосадки вдоль шоссе. Дорога пуста: для столь раннего утра это нормально.

Топлю газ в пол.

Ёна молчит и смотрит прямо перед собой. Страшно ей или нет – сейчас уже все равно.

Мы догнали какую-то машину, приходится сбавить ход. Ёна наклоняется, и включает магнитолау.

Все-таки нервничает.

Я ей не препятствую: помирать, так с музыкой. Нам осталось жить от силы две песни.

Она быстро перелистывает радиостанции: в основном натываясь на помехи.

Машина впереди нас поворачивает направо.

Давлю на газ.

Белый шум помех резонирует в пустоте внутри меня. Мне

кажется, я всю жизнь шел к этому моменту. В голове фоном проносятся картинки и ощущения из детства, припоминаются какие-то радости, какие-то обиды. Это была другая жизнь, другого меня. Чужая жизнь.

Нынешняя жизнь перед глазами не проносится. Я ничего не вспоминаю, не ощущаю. Я пытаюсь вспомнить что-то об Ави, но почему-то не могу. Это разочаровывает.

Давлю на газ.

Выходим на прямой участок дороги, в конце которого виднеется эстакада. И в этот момент Ёна натывается на песню, которая была в плейлисте Авионики.

– Оставь! – рявкаю я от неожиданности громче, чем хотелось бы.

Я часто слышал эту песню, поскольку гонял её плейлист по кругу. Хриплым голосом парень надрывно скандирует:

«Я сделал верный шаг –
Не дал тебе уйти.

Запомни: в этот раз

Я смог тебя спасти».

Мурашки продирают меня с головы до пят: я как будто прыгнул с обрыва в свои воспоминания и на миг выпал из реальности. Перед глазами проносятся твои образы: ты лежишь на асфальте, а потом с него поднимаешься, как тебя вынимали из машины, как бы бросилась на голову. Вспоминаю твое лицо – сначала равнодушное, настороженное, гневное, а затем озадаченное, или с кислой ухмылкой, или груст-

ное, или смеющееся, или оживленное. Твой рост, голос, тепло – я разом вспоминаю все.

Сам не замечаю, как начинаю размеренно повторять за ним:

– Внутри догорает смысл – чистого разума тонкая нить стирает привычные краски мира, смывает привычные тени с картины.

И шепотом молю Ави:

– Дай мне силы.

Эстакада уже начнется вот-вот.

– Дай мне силы!

Ё-на инстинктивно схватилась за ручку над дверью.

– Дай! Мне! Силы! – меня захлестывает адреналин и эйфория. Я пришел туда, куда так стремился.

Секунда – и мы на эстакаде. Глубокий вдох – и, ставя во всем точку, выкручиваю руль.

Камэл

Говорят, что дети, которые растут в неблагополучных семьях, более склонны улавливать настроение окружающих, чем прочие, ведь это было необходимо им для выживания. Наверное, я рос не в такой уж неблагополучной семье, или дело во мне, моем даре или характере: я упрявился, стоял на своем, или, может быть, причина совсем иная: но у меня не так. Я не очень понимаю, что чувствуют люди, еще меньше понимаю, что чувствуют женщины.

Как ты относилась ко мне?

Знала ли ты, что ты мне дорога? Насколько сильно и глубоко это чувство? Говорят, женщины сразу понимают, кому они интересны. Хотя, может быть, это из разряда про детей из неблагополучных семей.

Но мне бы очень хотелось, чтобы хотя бы это оказалось правдой. Чтобы ты знала, что ты мне нравилась. Чтобы ты понимала это, и стеснялась, например, сказать что-нибудь, или ждала инициативы с моей стороны. Мне бы хотелось, чтобы было именно так, чтобы ты умирала не такой одинокой и несчастной. Чтобы даже в той несвободе, что у тебя была, был бы хоть один не свойственный твоей прежней жизни положительный момент.

Я хотел бы, чтобы хотя бы на минуту, хотя бы на несколько секунд, но ты была счастлива. Чтобы хотя бы на несколько секунд я, или что-то со мной связанное, принесло бы тебе счастье.

Я хотел бы, чтобы ты была счастлива. Это было в моих силах, но я оказался неспособным воспользоваться шансом.

Я хотел бы остаться рядом, чтобы застать момент, когда ты сломаешься. Потому что именно в этот момент я сумел бы пробиться до твоего сердца.

Именно в этот момент я сумел бы защитить тебя от всего мира.

В этот раз не получилось, но давай встретимся в следующую

щей жизни? Обещаю, я не стану молчать. Не буду медлить, бояться, стесняться. Я буду лучшим, вывернусь наизнанку, расшибусь в лепешку: сделаю все, что не сделал в этой жизни, чтобы восполнить все в следующей.

Дождись меня, ладно? Прошу лишь об этом. Давай будем вместе в следующей жизни.

Спасибо, что и в этой была.

Авионика

Зимой так рано темнеет: сейчас девять вечера, а тьма во-круг уже ночная. Если бы не оранжевый свет фонарей, на остановке совсем было бы страшно стоять. Тот, кто придумал шестую пару, явно ездит не на общественном транспорте: в такое время его уже не дождешься. Мне нужно ехать домой с пересадкой, и пару остановок до места пересадки можно пройти пешком. Но я стою и жду единственный транспорт, идущий в нужном мне направлении, поминутно повторяя себе: «Вот сейчас, еще минутку».

Идёт снег крупными хлопьями: это очень красиво, но от этого снегопада на дороге затор. Я на остановке уже полчаса как, мне жаль потраченного зря времени и отмерзших ног. «Дождусь, – повторяю я себе, – немного осталось».

Машины ползут, снег летит, люди на остановку приходят и уезжают, приходят и уезжают, и только я одна стою и жду мифический троллейбус. Немереющие щеки, заледеневшие пальцы: дура душой со своим упрямством на обочине

жизни. Давно бы дошла...

«Ну и ради чего всё? Чего ты добилась?» – стучит в моей голове в такт шагам: психанув, решила идти пешком. С остервенением пересекаю ногами нападавший сугроб, а он мягкий, пушистый, нежный и быстро успокаивает меня. Ради такого, наверное, стоило подождать: ко мне возвращается возможность любоваться моментом.

Темно-коричневый мороз разгоняют одуванчики фонарей, и все накрывает пушистая белая пелена. Мне нужно перейти на другую сторону дороги: теряя терпение, жду, когда загорится зеленый свет пешеходам.

Сегодня явно не мой день.

Пробка продолжается и в эту сторону дороги. Водители останавливаются прямо на переходе, боясь упустить очередь. Спешащие домой габаритные тетеньки протискиваются вперед, толкая меня своими сумками. Они жалуются на невежливых водителей, а меня, поскользнувшуюся и пытающуюся сохранить равновесие, вдруг отчетливо пронизывает тоска: мне не нравится этот мир суеющих людей, мне не нравится этот холод, не нравится ждать, и никуда не хочется спешить.

Выпрямившись, вдруг понимаю, что происходит что-то странное. Я вижу все четко, но вокруг никого – ни машин, ни людей. Фонарь, под которым я стою, и снег, медленно спускающийся с небес, а вокруг всепоглощающая тьма.

«Кажется, у меня галлюцинация,» – осознаю я. Становит-

ся даже немного весело. Не пойму, что ее вызвало, но ощущения необычные. Мне не страшно, скорее, непривычно.

Вокруг крошечная тьма, а я в кружке света, отбрасываемого фонарем, и медленно наискось прорезают свет хлопья снега. Идти куда-то не решаюсь, ведь в реальности я рядом с дорогой: шагну – и попаду под машину.

Так стою я минуту, две, три. Пытаюсь осознать, что стало причиной происходящего? Переохлаждение? Переутомление? перевозбуждение? Стресс?

Проходит пять минут, а галлюцинация не проходит. Падающий снег холодный, тьма немного пугает, но в целом это начинает надоедать. Наконец, я делаю шаг навстречу тьме, выхожу из круга – ничего.

Странно. Я чувствую холод, давление ветра, но ничего не слышу. Ни скрипа снега под ногами, ни шороха одежды, ни дыхания или биения сердца. Странная галлюцинация, и она начинает нервировать. Возвращаюсь к фонарю и думаю: интересно, сколько на самом деле прошло времени? Стою ли я там, на пешеходном переходе? Остекленелый ли у меня взгляд? Или моя голова опустилась, а глаза закрылись?

И вдруг из этой безмолвной тьмы, без всякого предупреждения, выскочила девушка.

Я видела ее недолго, какую-то крошечную долю секунды. Я восприняла, в каком направлении она движется (по диагонали мимо меня), и увидела на её лице такое отчаяние, какое не требует объяснений. Вся наша встреча уложилась в три

действия: она выскочила и увидела меня, умоляюще выбросила перед собой руку, я схватила эту руку.

Дальше помню лишь боль, душераздирающую ломоту во всем теле.

«Приехали, – мелькает вспышкой у меня в голове, – я попала под машину».

– Ты живая? – спрашивает меня какой-то парень и тянет за руку вверх. В спине и ногах тупая слабость, затылок и бок справа очень сильно ломит, на лбу испарина, а сердце так и прыгает в груди.

– Не надо, я сама, – преодолевая себя, глухо выдавливаю из себя слова. Парень отпускает мою руку и растворяется в толпе.

Нахожу в себе силы перекатиться набок и потихонечку встать. Вроде как все цело, кости нигде не торчат, кровь горлом не хлещет, тошнить не тошнит. И даже боль слегка отступает.

Собравшиеся вокруг меня сердобольные растворяются в толпе и мне даже не у кого спросить, что случилось.

Упала от толчка тетки, наверное, и на совесть брякнулась. Спасибо, что не до смерти зашиблась.

Ковыляю на остановку, пытаюсь осознать, что это было.

И мимо меня, злорадно набирая скорость, проезжает редкий троллейбус, который я ждала.

Надо слушать внутренний голос хоть иногда.

Андрей

После того, как ты стала моей напарницей, меня окружали лишь сочувствующие взгляды и участливые лица. Это объяснимо: репутация у тебя была хуже некуда. Игнорировала людей, дерзила, постоянно говорила грубости. Мастер по созданию неловких ситуаций, виртуоз хамства.

Меня это полностью устраивало: во-первых, на твоём фоне я смотрелся святее Папы Римского, на таком контрасте мне прощалось многое. Во-вторых, твоя репутация отвредила любителей общения и от меня – и это, нужно признать, было лучшее из всего, что ты для меня сделала. В-третьих, ты постоянно рвалась в бой, поэтому мне почти не приходилось работать.

С какой стороны ни глянь: одни плюсы от моего напарника. Тот, кто не способен был этого увидеть – болван. Третье правило Павлова: держись подальше от болванов.

В любой ситуации человек делает лучший для себя выбор: подсознание никогда не даст в обиду себя любимого. Если помнить это, на многие вещи становится проще смотреть.

Потому для меня ты всегда была понятна. «Воспитание», недостатку которого у тебя все сокрушались – это лишь свод условных правил, призванных сделать человека удобным, предсказуемым для других. Ты плевала на чужие ожидания: отсюда и всеобщие претензии, упреки, обиды.

Я от тебя ничего не ждал: ни вежливости, ни командного

духа, ни взаимовыручки. Пока на первом месте для тебя была работа, всё остальное не имело значения. Это меня абсолютно устраивало.

Ведь если из нас двоих кто и ненавидел людей, так это я.

Все, что я видел, было омерзительно. Я смотрел, как на лица испуг от внезапной встречи с тобой сменялся раздражением, стоило тебе отвернуться, на их попытки заискивающе улыбнуться, и злословие, которое тут же разворачивалось за твоей спиной. Я смотрел в их сочувствующие мне лица, и видел жалость в глубине глаз. Я слушал советы держаться подальше от тебя, что горячо шептали доброжелатели по углам, и как они же восхищались очередной твоей удачной охотой. Я не желал видеть всё это, и, отворачиваясь, чаще и чаще останавливал взгляд на тебе.

И обнаружил кое-что интересное.

При всей своей агрессии и силе ты ни разу никого здесь не ударила. Могла резко ответить, но в случае, если что-то казалось несправедливым. В остальных случаях любителей острых ощущений, ищущих конфликта, предпочитала игнорировать.

«Вот оно как, – подумалось мне. – Да ты, барышня, просто притворщица».

Назвалась в честь ядовитой ягодки: «Смотри, какая я опасная! Не подходи!» – а на деле добрячка. Получается, ядовита и черна лишь твоя оболочка, а внутри ты – розовая и мягкая?

«Лгунишка».

Осознание твоей слабости вдруг открыло мне глаза на свою собственную: если притворство может прекратить тяготящие отношения, то я, притворяющийся ради того, чтобы эти отношения поддерживать, иду не тем путем. Я, как и все, стою на коленях.

Но глядя на тебя, ощутил силу подняться с колен.

Получилось, правда, не особо-то высоко.

В миг, когда ты ушла, оставив меня позади, я ощутил себя преданным.

Мы не были приятелями, не разговаривали ни о чем, кроме работы. Я почти ничего личного о тебе не знал.

Но ты вдруг приняла решение меня спасти. С чего ради?

Я не хотел быть спасенным.

Ох, я – магнит для садистов, честное слово. Одна утром меня ранила без объяснений, второй вечером отправил меня раненного на охоту в одиночку... Что Крушина, что глава – два сапога пара, оба левые.

Сейчас рука не болит, лишь пульсирует в месте ранения. Обезболивающие действует, но от него я чувствую себя вялым. Какой прок от меня такого на охоте? Такое впечатление, что глава хотел всеми правдами и неправдами выгнать меня сегодня в поле. Забавно, что Крушина зачем-то добивалась обратного, всадив в меня два ножа.

Ох, аж вспомнить страшно. Характер у неё, конечно, всегда не подарок, но она не из тех, кто бесится просто так. Я

лишь спросил, когда она вернулась с разнарядки, куда нас отправили, и тут же наткнулся на угрюмый взгляд. Стоило насторожиться тогда, когда она процедила: «Ты не идешь». Мне стоило среагировать, когда она завела руку за спину и сместилась в сторону для броска. Я столько раз видел ее в бою, я должен был понять, что к чему. Но доля секунды – и я пригвождён к стене ножами в моей левой руке по самую рукоять. Разом хлынула боль в мой мозг и моя кровь на пол. Я был обескуражен: одно дело знать, что она хороша в драке, но совсем другое ощутить эту мощь на себе. Она просто разжала ладонь и удалилась, не оглядываясь, а я еще минут пять не мог дозваться помощи.

От воспоминаний рука начинает пульсировать ошутимее. Наверное, действие лекарства ослабевает.

Глава, когда увидел, что случилось, изменился в лице.

– Ты пойдешь, – посулил он мне. Раздасован он был крепко. – Непременно пойдешь!

Как будто я так сильно этого хотел...

Ослушаться главу я не посмел, поэтому и сижу в этой кафешке уже третий час. Ждать объект охоты нет смысла – из предсказания в этой точке почти ничего не совпадает. «Звезды, людное место, две башни, перекресток, холодно». За окном – метель, из-за нее место не такое уж людное, а две шестнадцатизэтажки вряд ли тянут на башни. Но, как показывает опыт, день не похож на день, час не похож на час. Все меняется, проходит, наступает другой момент.

Посижу еще, подожду. Чтоб наверняка.

По привычке поднимаю руку, чтобы привлечь внимание официантки, и тут же неловко приземляю ее назад. Лекарство действует, боли нет, но все левое предплечье пульсирует с такой силой, что темнеет в глазах. Конечно, меня быстро подлатали, но все же как-то странно ощущать себя раненым. Забываешь, что такое уязвимость, находясь в тепличных условиях.

Вообще охота на потенциал – это весело. Это крутое приключение, если ты с напарником, а в особенности – с напарницей. Просто мечта: рядом – хорошенькая девушка, с которой можно просто болтать; ты шутишь – она звонко хохочет; и никто не думает, что же там, как там дальше – есть только здесь и сейчас. Красота.

Но мечты остаются мечтами. Моя напарница внешнеюю на десяточку, но в целом на этом ее плюсы и заканчиваются. Особенно если вспомнить, что она отчебучила утром. Нужно будет потом спросить у неё, ради чего всё это: она не из тех, кто делает что-то просто так. Что конкретно её так выбесило?

Если подумать, она воткнула ножи так, чтобы не повредить мышцы, чтобы ущерб от раны был минимальным. При таком боевом опыте это не может быть случайно. Она как будто хотела, чтобы именно сегодня я был не в состоянии пойти с ней на задание. Словно это была не просто охота на потенциал, а что-то совсем другое.

Всякие там догадки интригуют все больше и больше. Странно, ведь по идее я должен затаить злобу за четыре новые дыры в теле, но вместо этого мне всего лишь любопытно. Видимо, я пробыл в организации слишком долго: уже начал забывать человеческие эмоции.

Ну, вот и все: кафе закрывается, вечер превращается в ночь. Метель усиливается, сумерки сгущаются, на улице уже ничего не разглядеть. Пророчество в этой точке не сбылось: пора выдвигаться домой.

Рассчитываюсь, улыбаюсь официантке. Звоню оператору, докладываю о неудачной охоте. Он называет мне точку возврата. Отбой связи. Иду на точку сбора: останавливаюсь на перекрестке, жду зеленый свет.

Рана начинает ныть. Ничего, скоро буду дома: попрошу укол и забудусь сладким сном. Разборки с Крушиной могут подождать до утра. Я слишком устал сегодня от всего этого.

Вдалеке вспыхивает зеленый, и я не сразу понял, что это не мой светофор. Я резко шагаю вперед, плечом зацепив рядом стоящую девушку, и дальше все происходит очень быстро.

Она теряет равновесие, поскользывается на накатанном льду, и падает плашмя, звонко стукнувшись затылком о тротуар. В ту же секунду я понимаю, что удар фатальный. Весь мир сжимается до круга света, в котором стою я и смотрю на случайно оформленный мною труп.

Вокруг нас мир замирает. Остается понять, что же теперь делать.

С одной стороны, трупы на охоте – не редкость. Грубо говоря, даже преобладают: мало кто соглашается по доброй воле вступать в наши ряды – вот и находят таких потом замерзшими в снегу, утопшими в прудах, и так далее, далее, далее... С другой стороны – эта девчужка не потенциал, она обычный человек.

Опять же, с обычными людьми неприятности случаются – некоторые умирают, упав с высоты человеческого роста. Но у меня, опять же, есть способность помочь...

Что же делать?

Присаживаюсь и смотрю на неё. Юная, лет семнадцать, не больше. Из-под шапки выглядывают русые волосы, что выются колечком; под глазами пролегла тень от длинных ресниц; бледно-розовые губы как будто раскрыты от удивления. Но в целом обычная внешность, неброская одежда, обувь, сумка. Шла с учебы, наверное, или от подружки – парни, если они есть, девчонок до дома провожают. Обычная, наверное, у тебя была жизнь. Может, и не так страшно, что тебя не стало. Подумаешь – судьба...

Прислушиваюсь: что-то равномерно шумит. Цепляясь за самый краешек ушной раковины вещает наушник. Она слушала музыку, до того, как упасть.

Ради интереса беру послушать. Это альтернатива: необычный выбор для барышни. Среди скроллов разбираю:

«Я сделал верный шаг –

Не дал тебе уйти.

Запомни: в этот раз

Я смог тебя спасти».

Хах!

Ну, и как после такого не действовать?!

Меня захлестывает то ли решимость, то ли безумие – и я склоняюсь над ней.

Я не уверен, что сработает: почти никогда не срабатывает. Глава, наверняка, пришибет меня, если узнает.

Целую девчонку так нежно, как только могу.

Мой потенциал очень прост: я могу поспособствовать возвращению к жизни человека, находящегося на грани. Контакт со мной может вызвать аллергическую реакцию: иммунный ответ либо мобилизует силы и способствует выздоровлению, либо добивает совсем. Срабатывает крайне редко, непредсказуемо, но уж лучше так, чем никак. Разыграем партию на двадцать поцелуев: если не отреагируешь, значит, не судьба.

Был бы на твоём месте парень, я бы точно ушел.

Получается с семнадцатого раза. На семнадцатое прикосновение меня прошивает дрожь, пробивает испарина, рука начинает нестерпимо болеть. Но у девочки дрогнули ресницы: она приходит в себя.

А меня накрывает эйфория. Она – третий человек за всё время, с кем получилось.

Падаю на задницу – ноги больше не держат. Шум наваливается со всех сторон. Я не могу отдышаться, словно марафон пробежал, нет сил даже подняться. Вокруг нас начинают собираться люди, начинаются вопросы.

Девчонка неловко барахтается на земле, а я чувствую себя, как разрешившаяся роженица – мне и больно, и страшно, и радостно, и сил нет совсем.

– Ты живая? – тяну я за руку девчонку. Сил поднять её у меня нет, у самого ноги дрожат, но эта узкая ладошка и тонюсенькие пальцы вызывают во мне прилив нежности и заботы.

– Не надо, – глухо отзывается девчушка, и меня пронзает восторг, – я сама.

Сама так сама. Отпускаю ее руку неохотно и умиленно смотрю, как она вошкается. Побочный эффект моей силы: повышенная сентиментальность после свершенного. Немужественная сила, и я ненавижу ее использовать, но, чёрт побери, с этим ничто не сравнится!

Усилием воли отворачиваюсь от своего творения, и чрез силу шагаю прочь. Нужно как можно быстрее убраться отсюда, скорее на точку сбора, чтоб никто ничего не узнал.

Глава ни о чем не должен догадаться. Нужно отдышаться как можно скорее. И вытереть слезы, навернувшиеся на глаза от навалившегося умиления.

Живи, солнышко. Вас, обычных, так мало осталось в этом мире.

«Запомни: в этот раз я смог тебя спасти». Нужно найти эту песню.

Это же просто девиз всей нашей жизни.